

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

5

---

1 9 6 1

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

5

1961

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ТОШКЕНТ

ТАШКЕНТ

Редакционная коллегия:

акад. АН УзССР И. М. МУМИНОВ (*редактор*), акад.
АН УзССР Х. С. СУЛАЙМАНОВА (*зам. редактора*), акад.
АН УзССР К. Е. ЖИТОВ, член-корр. АН УзССР
Я. Г. ГУЛЯМОВ, член-корр. АН УзССР А. И. ИШАНОВ,
член-корр. АН УзССР М. Ю. ЮЛДАШЕВ, доктор ист.
наук А. Х. БАБАХОДЖАЕВ, доктор экон. наук О. Б. ДЖА-
МАЛОВ, канд. ист. наук С. А. АЗИМДЖАНОВА, канд.
филол. наук А. П. ҚАЮМОВ, канд. ист. наук Б. В. ЛУНИН,
канд. филол. наук М. П. НУРМУХАМЕДОВ, Б. И. КНО-
ПОВ (*отв. секретарь*).

И. ИСКАНДЕРОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УЛУЧШЕНИЯ СЫРЬЕВОЙ БАЗЫ ХЛОПКООЧИСТИТЕЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Узбекская ССР — основная хлопковая база Советского Союза — дает стране $\frac{2}{3}$ общесоюзного производства хлопка — одного из важнейших видов промышленного сырья. На долю Узбекистана приходится также 58% хлопкоочистительных заводов и 63% всех волоконотделителей, имеющихся в стране. Хлопкоочистительная промышленность республики с каждым годом дает все больше хлопкового волокна, необходимого для производства различных тканей и других важных видов продукции.

Однако качество волокна далеко не всегда находится на должном уровне. При переработке хлопка-сырца наблюдается массовый переход волокна в низшие промышленные сорта, что наносит большой ущерб нашему народному хозяйству и прежде всего самой хлопкоочистительной промышленности. Об этом ярко свидетельствуют данные табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Потери хлопкоочистительной промышленности от переходов
хлопка-волокна в низшие промышленные сорта

показатели	1958 г.		1959 г.		Итого за 1958— 1959 гг., млн. руб.
	на 1 т, руб.	всего, млн. руб.	на 1 т, руб.	всего, млн. руб.	
По СССР в целом	-243	-355,8	-180	-264,6	-620,4
в том числе по УзССР	-339	-324,7	-208	-205,2	-529,9

(-) уменьшение дохода.

Мы видим, что хотя в 1959 г. потери от переходов на низкие сорта волокна заметно уменьшились, но они все еще составляют очень большую сумму, особенно по хлопкозаводам Узбекистана.

Качество хлопка-волокна характеризуется его сортовым ассортиментом, содержанием в волокне пороков, степенью засоренности, влажности, длиной волокна и т. д. Эти показатели зависят прежде всего от качества хлопка-сырца, доставляемого на заготпункты колхозами и совхозами, а также от работы самой хлопкоочистительной промышленности, в частности при сушке хлопка, очистке его от примесей и волоконотделении.

Одной из основных причин низкого качества хлопкового волокна является несоблюдение при приеме и сдаче хлопка-сырца обязательных условий государственного стандарта, что объясняется прежде всего нажимом местных организаций на работников заготовительной сети.

В 1958 г. удельный вес хлопка-волокна отборного сорта снизился по СССР до 2,4% против 26,7% в 1950 г. Одновременно повысился удельный вес хлопка-волокна I, II, VI сортов, а удельный вес остальных сортов остался примерно на уровне 1950 г. В результате хлопкоочистительная промышленность страны понесла значительные убытки (табл. 2).

Таблица 2

Потери хлопкоочистительной промышленности СССР в 1958 г. за счет изменения сортового ассортимента хлопкового волокна

Промышленные сорта хлопка-волокна	Производство волокна, тыс. т		Общая стоимость волокна, млн. руб.		Результат: (-) потери, (+) увеличение, млн. руб.
	1958 г.	1958 г. в пределах ассортимента 1950 г.	1958 г.	1958 г. в пределах ассортимента 1950 г.	
Отборные	35,2	389,9	31,4	349,4	-318,0
I	766,6	613,3	658,5	526,8	+131,7
II	293,5	216,2	208,4	153,5	+ 54,9
III	83,2	89,1	59,0	63,2	- 4,2
IV	49,6	43,8	33,8	29,9	+ 3,9
V	73,0	70,1	45,9	44,0	+ 1,9
VI	159,2	37,9	74,8	17,8	+ 57,0
Итого	1460,3	1460,3	1111,8	1184,6	- 72,8

В связи с изменением сортового ассортимента, особенно снижением удельного веса отборных сортов, в 1958 г. по сравнению с 1950 г. народнохозяйственные потери составили 72,8 млн. руб. (в ценах 1958 г.).

Качество вырабатываемого волокна снизилось также по сумме пороков и засоренности. Так, в среднем по Союзу сумма пороков и засоренности по всем сортам в 1958 г. возросла по сравнению с 1940 г. в два с лишним раза. Причем повышение суммы пороков и засоренности произошло особенно по V и VI сортам. В 1958 г. сумма пороков и засоренности достигла по V сорту 15,2% против 8,6% по норме, а по VI сорту — соответственно 19,5% против 12,5%.

Сумма пороков и засоренности резко повышается с 1955 г., когда создание на заготпунктах механизированных сушильно-очистительных цехов позволило колхозам и совхозам сдавать хлопок-сырец при неограниченной влажности и засоренности.

На июньском Пленуме ЦК КПСС (1959 г.) работа хлопкоочистительной промышленности была подвергнута справедливой критике. Выступая на Пленуме, В. Гаганова заявила: «Нам очень не нравится работа хлопкоочистительных заводов, за прошлый год и пять месяцев этого года в полученном нами хлопке было сверх нормы 650 тонн сора, т. е. более 40 вагонов. Это очень затрудняет нашу работу и загружает железную дорогу. Мы просим сделать так, чтобы нам возили хлопок, а мусор оставляли там, где собрали».

Действительно, сверхнормативный сор в хлопке-волокне, произведенном на хлопкозаводах УзССР, составил в 1958 г. 2,2%, или 20,8 тыс. т, из них 19,9 тыс. т сора отправлялись вместе с хлопком-волокном в различные районы Союза. При вместимости 18 т хлопка-волокна в один вагон, на перевозку сверхнормативного (19,9 тыс. т) сора было занято свыше 1100 вагонов, и, по нашим расчетам, затрачено примерно

9,8 млн. руб. А по Союзу в целом перевозкой 32 тыс. т мусора в 1958 г. было занято около 1800 вагонов и на это затрачено до 15,8 млн. руб.

За повышенную сумму пороков и засоренность волокна хлопкоочистительная промышленность платит покупателям огромные штрафы. Так, в 1959 г. Ферганский заготхлопкотрест заплатил за повышенную засоренность хлопка-волокна 855 тыс. руб., а Самаркандский — 760 тыс. руб.

В 1960 г. заводы республики уплатили за поставку продукции пониженной сортности 3256 тыс. руб. штрафа, а за наличие в кипах волокна посторонних примесей — 5148 тыс. руб.

Кроме того, покупатели производят весовую скидку за повышенную засоренность волокна. Так, в 1959 г. скидка по Андижанскому хлопкотресту составила 2634 т, по Ферганскому — 7571 т, по Бухарскому и Сурхан-Дарьинскому заготхлопкотрестам — 14 720 т.

В 1959 г. за низкое качество хлопка-волокна хлопкозаводам Узбекистана было предъявлено 3810 рекламаций, а в 1960 г. — 3252 рекламации на 42 914,6 т волокна, из них на долю Андижанского хлопкотреста приходится 12 679,1 т (29,5%). Все это наносит большой ущерб и текстильной промышленности, и самим хлопкозаводам.

Хлопкоочистительная промышленность постоянно оснащается новым высокопроизводительным оборудованием, позволяющим резко улучшить качество вырабатываемой продукции, но на деле этого не получается. Следовательно, причины низкого качества продукции надо искать не в технологическом процессе основного оборудования, а в качестве поступающего сырья.

Как известно, за последние годы заготовительные пункты стали принимать хлопок-сырец с большой влажностью и засоренностью, намного превышающими нормы ГОСТа (табл. 3).

Таблица 3

Количество хлопка-сырца повышенной влажности, принятого в 1953—1959 гг.

Показатели	Заготовлено за сезон, тыс. т					1959 г. к 1953 г.
	1953 г.	1956 г.	1957 г.	1958 г.	1959 г.	
По СССР	196,2	927,6	1848,7	1814,8	2395,4	12 раз
В % к заготовленному хлопку	5,1	21,4	43,9	41,5	51,9	—
По УзССР	95,8	728,2	1415,2	1176,8	1694,5	18 раз
В % к заготовленному хлопку	3,9	26,5	51,6	44,5	53,6	—

В 1960 г. результаты хлопкозаготовок оказались еще более неблагоприятными. Так, удельный вес хлопка с повышенной влажностью составил по хлопкозаводам Андижанской области 90,5 % хлопка ручного сбора и 97,6% — машинного сбора, а по Каракалпакской АССР — соответственно 73 и 75%.

В 1960 г. повышенной влажностью отличался даже хлопок высших сортов. Так, в Андижанской области из общего количества хлопка-сырца первых сортов повышенную влажность имели 88,2% хлопка ручного сбора и 98,3% — машинного.

Лабораторные данные заготовительных пунктов ясно показывают, что влажность принимаемого хлопка-сырца значительно превышала нормы ГОСТа. Об этом свидетельствуют, например, данные табл. 4.

Проверка состояния хранения хлопка-сырца показала, что по заготпунктам Упрхлоплубпрома на 1 января 1961 г. 59,8% проверенного количества хлопка имеет повышенную влажность, вследствие чего подверглась сплошному согреванию 2381 т хлопка, а гнездовому—17 181 т. Хлопок, принятый в сушильно-очистительные цехи, находился в еще более худшем состоянии— почти 60% его имело влажность выше 20%. В результате 17% сырца, хранившегося в сушильно-очистительных цехах, подвергалось самосогреванию, что ведет к ухудшению качества волокна и семян.

Таблица 4

Влажность хлопка-сырца, сданного на внезаводской заготовительный пункт отдельными колхозами Янгильского района 30 ноября 1960 г. (сорт IV)

Колхоз	Принято с влажностью, %	Норма ГОСТа, %	Превышение нормы ГОСТа, раз
Им. Хрущева	68,1	20	3,4
Им. Карла Маркса	68,7	20	3,4
Им. Кирова	46,0	20	2,3
Им. Ленина	51,5	20	2,6
Им. 21 партсъезда	51,0	20	2,6

Некачественная заготовка хлопка-сырца отрицательно влияет на экономику самих колхозов и совхозов, не говоря уже о хлопкоочистительной промышленности. Весовая скидка колхозам и совхозам за сданный в 1959 г. хлопок-сырец с повышенной влажностью и засоренностью составила 161,8 тыс. т, т. е. свыше 4% общего объема заготовок. Хлопкодатчики затратили на перевозку сора и воды на заготпункты около 5 млн. руб.

В 1960 г. весовые скидки за повышенную влажность и засоренность хлопка-сырца составили по республике (кроме Сурхандарьинской области) 222,5 тыс. т, или 8,4% заготовленного хлопка.

За сдачу хлопка-сырца с повышенной засоренностью колхозы и совхозы Узбекистана уплатили в 1959 г. свыше 50 млн. руб. штрафа, а в 1960 г.— 34,5 млн. руб.

В 1940 г. скидки за повышенную засоренность хлопка-сырца в целом по Союзу составляли 0,05% общей заготовки хлопка, а в 1957 г.— уже 4,74%. А денежные скидки за повышенную засоренность в расчете на 1 т заготовленного хлопка возросли с 91 коп. в 1945 г. до 23 руб. 21 коп. в 1957 г. Все это свидетельствует об общем ухудшении качества заготовляемого хлопка-сырца.

В целях обеспечения своевременной сушки и очистки хлопка-сырца с повышенной влажностью в хлопкоочистительной промышленности с 1955 г. стали сооружаться мощные механизированные сушильно-очистительные цехи. Сейчас на заготовительных пунктах и хлопкозаводах Узбекистана насчитывается 265 таких цехов. Поскольку они получают хлопок-сырец с чрезмерно повышенной (до 70%) влажностью, сушильно-очистительные цехи работают с низкой производительностью и имеют слишком большие запасы хлопка, намного превышающие установленные нормы.

Изучение экономики сушильно-очистительных цехов показывает, что себестоимость сушки и очистки хлопка-сырца очень высока, и суммы, получаемые хлопкозаводами от колхозов за повышенную влаж-

ность хлопка, не покрывают произведенных затрат, а потому сушильно-очистительные цехи работают убыточно. Себестоимость сушки и очистки 1 т хлопка-сырца вместо 45 руб. 40 коп. по норме составила в 1956 г. 191 руб., в 1957 г.—134 руб., в 1958 г.—125 руб., в 1959 г.—130 руб., а в 1960 г.—около 200 руб. С 1956 по 1959 г. сушильно-очистительные цехи дали народному хозяйству Узбекистана свыше 47 млн. руб. убытка.

Но дело не только в сумме прямых убытков сушильно-очистительных цехов. В связи с созданием их колхозы и совхозы значительно ослабили борьбу за качество заготавливаемого хлопка и сдают на заготпункты все больше сырца с высокой влажностью и засоренностью, полагая, что доведение хлопка-сырца до необходимых кондиций является обязанностью сушильно-очистительных цехов.

А между тем, сушка и очистка хлопка — это прямой долг колхозов и совхозов. Поэтому мы считаем нерациональным размещение сушильно-очистительных цехов на заготовительных пунктах.

В целях коренного улучшения качества хлопка-сырца необходимо создать в колхозах и совхозах механизированные сушильно-очистительные цехи мощностью в 1—2 сушильных барабана (в соответствии с перспективой производства хлопка в данном хозяйстве).

Надо сказать, что колхозы и совхозы располагают для этого необходимыми внутрихозяйственными источниками, не считая неделимых фондов.

Во-первых, они выплачивают промышленности огромные суммы за сушку и очистку хлопка. Например, в сезон 1960 г. эта сумма составила по Узбекистану 146 млн. руб.

Во-вторых, колхозы и совхозы уплачивают крупные денежные штрафы за повышенную засоренность сдаваемого хлопка (например, в 1960 г.—35 млн. руб.).

В-третьих, сушка и очистка хлопка в колхозах и совхозах обходится гораздо дешевле, чем на заготпунктах. Государство ежегодно перерасходует на эксплуатацию сушильно-очистительных цехов 35 млн. руб.

Таким образом, колхозы и совхозы могут изыскать собственные источники для строительства сушильно-очистительных цехов, стоимость которого составит 216 млн. руб. На эти средства можно построить (из расчета стоимости одного сушильно-очистительного цеха заготпункта с 4 сушильными барабанами в 1,5 млн. руб.) 144 сушильно-очистительных цеха.

В настоящее время хлопкоочистительная промышленность УзССР имеет 265 сушильно-очистительных цехов, которые строились в течение 6 лет.

Следовательно, на те средства, которые уплачиваются колхозами и совхозами в течение двух лет за повышенную влажность и засоренность, а также за сушку и очистку хлопка-сырца, можно было бы построить больше сушильно-очистительных цехов, чем их имеется сейчас в хлопкоочистительной промышленности. За три года на указанные средства можно построить сушильно-очистительные цехи (с 1—2 барабанами) во всех колхозах и совхозах Узбекистана. Это обеспечило бы качественную сушку хлопка-сырца, а главное колхозы и совхозы резко улучшили бы организацию уборки урожая, поскольку на них легла бы вся ответственность за качество сушки, а хлопкозаводы могли бы принимать от них хлопок-сырец в строгом соответствии с ГОСТом.

Что же касается сушильно-очистительных цехов, имеющих сейчас на заготпунктах, то первое время они будут обслуживать эконо-

мически слабые колхозы, а затем поступят в распоряжение колхозов и совхозов.

Все это позволило бы обеспечить заготовку хлопка-сырца высокого качества, повысить качество продукции хлопкоочистительной промышленности, облегчить работу транспорта и ликвидировать большие убытки, причиняемые текстильной промышленности страны вследствие низкого качества волокна.

И. Искандеров

ПАХТА ТОЗАЛАШ САНОАТИ ХОМ АШЕ БАЗАСИНИ ЯХШИЛАШНИНГ БАЪЗИ БИР МАСАЛАЛАРИ

Мақола Ўзбекистон пахта тозалаш саноатига топшириладиган пахтанинг сифатини яхшилаш масаласига бағишланган. Автор пахта тозалаш заводларига топшириляётган пахтанинг сифати кейинги йилларда пасайиб кетаётганлигининг сабабини кўрсатиб беради. Айни вақтда автор пахтани териб олиш жараёнида уни қуритиш ва тозалашни тўғри уюштириш ва шу мақсадда қуритиш-тозалаш цехларини колхоз ва совхозларнинг ўзларида ташкил қилишни тавсия этади.

А. Р. РАХИМОВ

ИЗ ИСТОРИИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ВОПРОСА В ТУРКЕСТАНЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

(Введение классового пайка)

В период гражданской войны и иностранной военной интервенции Советское государство осуществило целый комплекс социально-экономических мероприятий (продразверстка, трудовая повинность, национализация мелких предприятий и т. д.), известный под названием военного коммунизма.

Наряду с другими мероприятиями большое значение имели организация централизованного учета и государственного распределения продовольствия, установление монополии на основные продукты питания, передача дела снабжения из частных рук в руки государства.

Декрет СНК РСФСР от 21 ноября 1918 г. «Об организации снабжения населения всеми продуктами и предметами личного потребления и домашнего хозяйства» определил основы общегосударственного снабжения в период гражданской войны. Все частные торговые предприятия были национализированы.

Заготовка и распределение продуктов первой необходимости были возложены (декретом ВЦИК от 27 мая 1918 г.) на Наркомпрод РСФСР. Снабжение городского населения продуктами первой необходимости возлагалось на потребительскую кооперацию, подчиненную Наркомпроду.

С октября 1918 г. в РСФСР была введена единая карточная система. Постановлением Наркомпрода были установлены нормы выдачи хлебных продуктов по 4 категориям. В первую очередь продовольствием обеспечивались рабочие, занятые в оборонной промышленности и на транспорте.

В связи с натурализацией разоренного войной народного хозяйства и резким обесценением денег было организовано натуральное снабжение рабочих продуктами питания, мануфактурой и обувью.

Партийные и советские органы Туркестана также проделали большую работу по борьбе с голодом и налаживанию продовольственного снабжения трудящихся республики.

Как известно, буржуазное Временное правительство сохранило в Туркестане порядок распределения продуктов, установленный царским министром земледелия в октябре 1916 г. и лишивший местное население права на получение хлебных карточек.

«Я с 1912 года работал на железнодорожной станции Мургак,— пишет, например, в своих воспоминаниях рабочий Юнус Тахмазов.— Русские рабочие получали 19 рублей 20 копеек в месяц, я получал за ту же работу 12 рублей. Рабочим-мусульманам продовольственных продуктов

также давалось меньше, чем русским, а иногда мы некоторые продукты, как сахар, чай, масло, почти не получали¹.

После победы Октябрьской революции большевики и Советское правительство Туркестана решительно взялись за ликвидацию неравномерного распределения продуктов среди трудящихся края. Еще 18 ноября 1917 г. Ташкентский Совет предложил продовольственной секции совместно с представителями центрального бюро профсоюзов города выработать план мероприятий по уравниванию продовольственной нормы трудящихся старого города с нормой, существующей в русской части Ташкента².

В конце ноября 1917 г. Исполком Ташсовета принял постановление об отпуске трудящимся старого города продовольствия по нормам, установленным для населения русской части города. Эта инициатива была поддержана всеми местными Советами и профорганизациями Туркестана, и к концу 1917 г. по всему краю были установлены одинаковые нормы выдачи продуктов питания по карточкам для всех трудящихся, независимо от их национальности.

В июне 1918 г. ТуркЦИК издал декрет «Об уравнивании в правах всех граждан республики, путем равномерного распределения хлеба, мануфактуры и прочего продовольствия между всеми гражданами независимо от их национальности»³. Тем самым была навсегда уничтожена дискриминация местных трудящихся в продовольственном снабжении.

Однако некоторые шовинистические элементы, работавшие тогда в продовольственных органах Туркеспублики, пытались саботировать этот декрет. Наркомпрод ТАССР А. А. Казаков отмечал в своем докладе ТуркЦИКу от 28 сентября 1918 г.:

«... Не может быть при осуществлении распределения допустимо деление граждан на два разряда — на граждан первого и второго сорта. В частности, я должен здесь отметить, например, привлечение мною к судебной ответственности Самаркандского городского продовольственного комитета в полном составе, сделавшего распоряжение о раздаче сахара только русскому населению и лишившего права на получение сахара армян, евреев и мусульман»⁴.

Необходимо было пересмотреть и систему выдачи хлебных карточек и способы отпуска продуктов по ним.

С апреля 1917 г. рабочие Туркестана получали хлебные карточки по месту жительства. Поэтому главную роль в этом деле играли квартальные комитеты, а не профсоюзы. С декабря 1917 г. квартальные комитеты Ташкента и других городов республики были реорганизованы, а на предприятиях созданы карточные бюро, куда вошли представители профсоюза данного предприятия и района, работавшие под руководством местных Советов. В городах и рабочих поселках открываются специальные хлебо-продуктовые и мясные ларьки.

Для удешевления помола и выпечки хлеба и пресечения всяких злоупотреблений в этом деле необходимо было национализировать мельницы и хлебопекарни. 27 ноября 1917 г. была реквизирована мельница Первого Ташкентского мукомольного товарищества, в январе 1918 г.—

¹ Воспоминания Ю. Тахмазова, записанные в г. Бухаре, хранятся у автора. — А. Р.

² Г. Рашидов, Ташкентский Совет в борьбе за упрочение Советской власти, Ташкент, Госиздат УзССР, 1960, стр. 78.

³ Туркменистан в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Сборник документов, Ашхабад, Госиздат ТуркмССР, 1957, стр. 40.

⁴ ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 3, л. 112.

пекарня Куприяниди⁵. В начале февраля 1918 г. по решению Исполкома Ташкентского Совета была национализирована мельница Б. Крочигина, а в феврале-марте были реквизированы пекарни Пятакова, Бишеева, Магулева и др., переданные в распоряжение союза хлебопеков и булочников. Это позволило Ташкентскому продотделу с апреля по 1 июня 1918 г. сэкономить на выпечке хлеба 223 649 руб.⁶ и, следовательно, удешевить себестоимость хлеба.

Бывшие хозяева хлебопекарен всячески старались сорвать выпечку хлеба и вернуть себе пекарни. В одном из актов Ташкентского продкомитета говорилось:

«... Бывший владелец пекарни Пятаков и быв. мастер-пекарь Бишеев, проживающий в расположении пекарни, оказывают влияние на мастеров, тормозят нормальный ход дела. Прошу о том, чтобы их удалили из занимаемых ими квартир»⁷.

В конце марта 1918 г. Ташсовет принял постановление «О высылке Пятакова с территории пекарни». Аналогичные меры были приняты в Кагане, Самарканде и других городах Туркеспублики.

Весной 1918 г. был организован контроль над распределением продуктов. Вместо старых продкомитетов и управ при местных Советах были созданы продовольственные отделы.

Централизация продовольственного дела включала в себя не только сферу заготовок, но и строжайший контроль за распределением. Если в первый период после победы Октябрьской революции Советская власть, осуществив национализацию основных отраслей народного хозяйства, проводила политику, рассчитанную на использование рыночных товаро-денежных отношений, то в условиях развернувшейся гражданской войны и иностранной военной интервенции пришлось запретить частную торговлю хлебом и предметами первой необходимости.

По декрету СНК РСФСР от 21 ноября 1918 г. Наркомпрод получил монопольное право на регулирование торговли продуктами, реквизицию и конфискацию оптовых торговых складов и национализацию торговых фирм.

Прямой товарообмен, который становился единственной (кроме «черного рынка») экономической формой связи между городом и деревней, приводил к сужению сферы денежного обращения. Основная масса товаров стала распределяться без денег.

В условиях гражданской войны резко сократился ввоз товаров из Центральной России в Туркестан, составивший в 1919 г. лишь 20% довоенного уровня. Острая нехватка товаров первой необходимости привела к тому, что с начала октября 1917 г. до 1 ноября 1918 г. стоимостный уровень жизни в Туркестане возрос на 272%⁸.

В этот период Советское правительство Туркестана принимает ряд мер по регулированию распределения продовольственных товаров среди населения. На промышленных и горных предприятиях и на железнодорожном транспорте создаются рабочие кооперативы. Расширяется сеть общественного питания, в первую очередь столовых и питательных пунктов для рабочих оборонных предприятий и их детей. Делаются попытки регулировать рыночные цены на продукты питания⁹.

В целях сосредоточения продовольственных ресурсов в руках социалистического государства и планомерного их распределения были

⁵ Г. Рашидов, указ. соч., стр. 72.

⁶ Ташкентский облгосархив, ф. 10, оп. 1, д. 62, л. 847.

⁷ Там же, л. 292.

⁸ «Известия ТуркЦИКа», 23 ноября 1918 г.

⁹ «Известия ТуркЦИКа», 5 ноября 1918 г.

национализированы предприятия пищевкусовой промышленности: Так, из 189 пищевых предприятий Туркестана в руки Советского государства до конца 1919 г. перешло 145 предприятий¹⁰, в том числе маслосеяные заводы, рыболовные промыслы, мельницы, макаронные фабрики, колбасные мастерские и др.¹¹

3 июня 1919 г. III съезд КПТ, обсудив продовольственное положение республики, принял резолюцию об организации правильного распределения продуктов среди населения республики по общегосударственному плану, «суживая рядом постепенных и неуклонных мер область частной торговли»¹².

Следуя революционному опыту Центральной России, ЦИК Советов Туркестанской АССР принимает 4 июня 1919 г. два важных декрета: «О хлебной монополии» и «О хлебном классовом пайке».

Для оказания помощи местным продорганам в осуществлении этих декретов партия направила на места более 300 коммунистов¹³. Партийные организации развернули большую агитационную работу, разъясняя населению классовую сущность продовольственной политики Советского государства, значение декретов о хлебной монополии и классовом пайке. Декрет предусматривает дифференцированное распределение хлеба по трем разрядам:

I разряд — 1 фунт печеного хлеба ежедневно:

- а) для лиц физического труда, работающих по найму;
- б) для гарнизонов, не находящихся в зоне военных действий;
- в) для лиц, занимающих такие ответственные посты, работа на которых вызывает сверхурочный труд, особо не оплачиваемый.

II разряд — 1/2 фунта хлеба ежедневно:

- а) для лиц физического труда, работающих не по найму;
- б) для лиц интеллектуального труда;
- в) для безработных чернорабочих;
- г) для взрослых членов семей I и II разрядов;
- д) для детей-подростков (до 18 лет) лиц всех разрядов, за исключением работающих подростков, получавших по I разряду.

III разряд — 1/4 фунта хлеба ежедневно:

- а) для всех безработных, за исключением чернорабочих;
- б) для буржуазии¹⁴.

Кроме того, декрет давал право местным продорганам в случае острой нехватки продовольствия уменьшать нормы выдачи пайка для I разряда — до 1/4 фунта в день, для II разряда — до 1/8 фунта в день, а III разряду вовсе не давать хлеба.

Несмотря на некоторые недостатки декрета (в нем не учитывалось усиленное питание для детей, на один уровень были поставлены безработные трудящиеся и буржуазия и т. д.), он сыграл большую роль в обеспечении рабочего класса продовольствием.

Открывшийся 30 июня 1919 г. в Ташкенте первый съезд продработников обсудил вопрос «о способах распределения товаров и продуктов» и принял постановление о ликвидации «автономных» продорганов на

¹⁰ А. Ульмасов, Национализация промышленности в Советском Туркестане, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1960, стр. 108.

¹¹ См. «Рабочий контроль и национализация промышленности в Туркестане», сборник документов, Ташкент, Госиздат УзССР, 1955, стр. 126, 171, 173, 182, 188, 195 — 196 и др.

¹² «Туркестанский коммунист», 7 июня 1919 г.

¹³ ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 76, л. 22; «Известия ТуркЦИКа», 11 июня 1919 г.

¹⁴ «Известия ТуркЦИКа», 11 июня 1919 г.

железных дорогах, подчинив их единому централизованному распределению.

Во всех городах и рабочих поселках были организованы мясные, хлебные и овощные ларьки. Например, на 15 июня 1919 г. в Ташкенте работало 24 мясных и хлебных ларька, обслуживавших 72 квартала¹⁵; в Мерве работало 4 ларька, обслуживавших 10 кварталов. В марте 1919 г. члены профсоюзов г. Ташкента получили 33 498 хлебных и 94 996 порционных карточек¹⁶, а в августе 1919 г. — 138 тыс. хлебных и мясных карточек, в том числе в старом городе — 48 тыс.¹⁷

Первый съезд продработников Туркестана обсудил и вопрос о снабжении сельского населения товарами первой необходимости и принял следующее постановление:

«Все распределение продуктов, как сельского хозяйства, так и фабрично-заводской промышленности, должно пойти исключительно по двум руслам — в городе по целевому принципу, в деревне путем правильного нормального товарообмена... Товарообмен производится только через заготконторы и кооперативы»¹⁸.

По всей республике было создано более 130 заготконтор. Усиливается деятельность кооперации по налаживанию товарообмена в кишлаке.

По предложению Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР Совет снабжения при Проддиректории утвердил 3 ноября 1919 г. специальную инструкцию о снабжении сельского населения продовольствием и продуктами промышленного производства. За ходом товарообмена стали следить облпродкомы и сельсоветы. 22 октября 1919 г. Совет снабжения вынес постановление о распределении в кишлаке путем товарообмена: масла светлого — 171 700 пудов, черного — 40 300 пудов, мыла — 9570 пудов, жмыха — 100 000 пудов, шелухи — 100 000 пудов¹⁹; 27 октября — о распределении 120 000 пудов рыбы между областями и населением городов²⁰, а 31 октября 1919 г. — о выдаче населению 28 вагонов урюка и 100 вагонов кишмиша²¹.

В целях облегчения материального положения трудящихся и улучшения питания детей 23 декабря 1919 г. был утвержден декрет «О бесплатном питании детей трудящихся и красноармейцев». В декрете говорилось:

«Все предметы питания отпускаются местными продовольственными органами в период с 1 января 1920 года детям трудящихся, занятых по найму, и красноармейцев до 16-летнего возраста бесплатно, по специальным карточкам, за счет государства»²².

Забываясь об улучшении питания детей, Наркомпрод ТАССР открывает с 1 июня 1920 г. в Ташкенте, Самарканде и других главных городах специальные молочные магазины, из которых детям до 3-летнего возраста бесплатно отпускались, кроме молока, следующие продукты: сахару — $\frac{1}{2}$ фунта, сухарей — $\frac{1}{2}$ фунта, муки — 2 фунта, манной крупы — $\frac{3}{4}$ фунта в месяц²³.

¹⁵ «Известия ТуркЦИКа», 24 июня 1919 г.

¹⁶ «Известия ТуркЦИКа», 3 июня 1919 г.

¹⁷ «Известия ТуркЦИКа», 6 сентября 1919 г.

¹⁸ ЦГА УзССР, ф. Р-31, оп. 1, д. 399, л. 7.

¹⁹ Там же, д. 7, л. 50—51.

²⁰ Там же, л. 59.

²¹ Там же, л. 67.

²² «Известия ТуркЦИКа», 10 января 1920 г.

²³ Ташкентский облгосархив, ф. 10, оп. 1, д. 244, л. 684.

В организации детского питания большую роль играли союзы женщин-работниц и профсоюзы. В распределении продуктов для детей, конечно, не было классового подхода. В постановлении бюро рабочей продовольственной инспекции от 11 мая 1920 г. говорилось: «Дети без всякого различия классовой принадлежности их родителей должны по положению «О детском питании» пользоваться одинаковым пайком. Разница лишь в том, что дети граждан, не отдающих государству своего труда, приобретают паек за плату»²⁴.

Поскольку декрет о классовом пайке от 4 июня 1919 г. часто нарушался на местах, Наркомпрод Туркеспублики вынужден был 27 мая 1920 г. особым приказом вновь подтвердить этот декрет.

Для централизации распределения продуктов питания по краю было создано центральное карточное бюро Наркомпрода ТАСССР. Единая карточная система была распространена не только на хлеб, но и на мясо, масло, крупу, чай, соль, сахар, мануфактуру и т. д.

Кроме трех категорий трудящихся, получавших хлебное довольствие, существовали и группы потребителей, получавшие продовольствие в особом порядке, вне карточной системы,— армия, больницы, детские дома, инвалидные дома и т. п. Снабжение их осуществлялось по различным нормам, определявшимся специальными инструкциями.

15 марта 1920 г. Наркомпрод ТАСССР издал приказ, согласно которому хлебные карточки стали выдаваться только рабочим, а буржуазия и прочие нетрудовые элементы лишались хлебного пайка. Издание этого приказа было обусловлено острой нехваткой продовольственных продуктов в республике и необходимостью снабжения хлебом растущей Красной Армии Туркестана.

В марте-апреле 1920 г. в Туркестане хлебные ресурсы урожая 1919 г. были почти исчерпаны, а привоз хлеба из Центральной России затруднялся тем, что железные дороги были заняты переброской частей Красной Армии. Поэтому весной 1920 г. в ТАСССР усиливается продовольственный кризис, и в некоторых городах были уменьшены выдаваемые по карточкам пайки хлеба. Например, населению Самарканда в первом полугодии 1920 г. выдавалось: риса—по 1 фунту на едока, растительного масла—по 1/2 фунта, а в последние месяцы—по 1/4 фунта. Норма хлеба для работников физического труда составляла 1 фунт (для остальных—по 1/2 фунта), соли—1/2 фунта, чаю—1/8 фунта, мыла—1/4 фунта через 2—3 месяца, спичек—по 1 коробке на карточку²⁵.

В целях улучшения продовольственного снабжения рабочего класса, а также советских служащих в ноябре 1920 г. Совнарком ТАСССР учредил при Наркомпрод Комиссию по рабочему снабжению из постоянных представителей Наркомпрода, ЦСНХ, Наркомтруда, Округного управления путей сообщения, ЦСПС и Опродкомтурка. Она занималась определением порядка и норм продовольственного снабжения рабочих и служащих. По указаниям Комиссии Управление распределения Наркомпрода перевело на ударное снабжение: в декабре 1920 г.—5219 человек, в январе 1921 г.—16 992, а феврале—1662 человека²⁶.

Надо сказать, что в распределении продовольствия в Туркестане имелись различные недостатки. Так, вплоть до начала 1920 г. существовали узковедомственные продорганы на железных дорогах, в горнодобывающей промышленности и т. д., которые мешали друг другу, вместо того чтобы объединить свои усилия. При формировании аппарата рас-

²⁴ ЦГА УзССР, ф. Р-805, оп. 1, д. 15, л. 4.

²⁵ Ташкентский облгосархив, ф. 10, оп. 1, д. 244, л. 665.

²⁶ ЦГАОР СССР, ф. 1943, оп. 3, д. 478, л. 21, 22.

предела вначале были допущены излишества. Так, в Управлении снабжения Наркомпрода было создано 15 отделов, что привело к распылению кадров продработников.

Но в целом государственное распределение продовольствия по классовому принципу полностью оправдало себя.

«Собрать все излишки хлеба в руках центральной Советской власти, — писал В. И. Ленин, — правильно распределить их, это значит сделать непобедимой нашу Красную Армию, это значит окончательно раздавить Колчака и Деникина, это значит восстановить промышленность и обеспечить правильное социалистическое производство и распределение, обеспечить полный социалистический порядок»²⁷.

Благодаря установлению классового пайка, явившегося частью единой системы временных мероприятий военного коммунизма, Советское государство спасло от голодной смерти рабочих промышленности и транспорта, а также нанесло сильный удар по эксплуататорским и спекулятивным элементам, пытавшимся нажиться на голоде и разрухе. Продовольственная политика Советской власти сыграла важную роль в обеспечении победы советского народа над объединенными силами внутренней и внешней контрреволюции как в Центральной России, так и в Туркестане.

А. Р. Раҳимов

ГРАЖДАНЛАР УРУШИ ЙИЛЛАРИДА ТУРКИСТОНДА ОЗИҚ-ОВҚАТ
МАСАЛАСИ ТАРИХИДАН

(Синфий улушни жорий қилиш)

Мақолада гражданлар уруши ва чет давлатларнинг ҳарбий интервенциясининг оғир йилларида ТАССР Коммунистик партияси ҳамда Совет ҳукумати Туркистонда озиқ-овқат масаласини ҳал қилиш учун курашганлиги қайд қилинади. Совет Туркистонда ишчиларни очликдан сақлаб қолиш ва озиқ-овқат маҳсулотларини тақсимлашда синфий улушга (1919) социалистик тартибни ўрнатишнинг энг зарурий тадбири сифатида асосий эътибор берилади.

²⁷ В. И. Ленин, Сочинения, т. 29, стр. 525 (подчеркнуто нами.— А. Р.).

И. ҲОШИМОВ

РАБИНДРАНАТ ТАГОР АСАРЛАРИ ЎЗБЕК ТИЛИДА

(Р. Тагор туғилган куннинг 100 йиллигига бағишланади)

Улуғ ҳинд халқининг буюк фарзанди Рабиндранат Тагорнинг туғилганига 1961 йил 7 майда юз йил тўлди. Бутун дунё Тинчлик советининг қарорига биноан жаҳон адабиётининг энг йирик намоёндаларидан бири Тагорнинг туғилганига бир аср тўлишини адабиёт аҳлларигина эмас, бутун дунё меҳнаткашлари қизғин ва катта тантана билан кутиб олмоқдалар.

Р. Тагор Қалкутта шаҳрида машҳур зодагонлар оиласида туғилиб, жуда ёшлик чоғиданоқ ижод қила бошлади.

Улуғ ёзувчи ижодининг ўзига хос хусусиятларидан бири шундан иборатки, ёш Рабиндранат то умрининг охиригача адабий жанрларнинг барчасида самарали ижод қилди. Тагор ёзиб қолдирган асарларнинг каттагина қисмини унинг шеърлари ташкил қилади. Шоир то саксон ёшигача 50 та шеърлар тўплами ёзиб қолдирди. Тагор бу шеърларида ватанга, инсонга муҳаббат ва эркин куйлаб, «менинг истагим фақат озодлик»¹, деган эди.

Тагор қисқа ҳикоялар устаси эди. У бенгал ва умуман ҳинд адабиётида қисқа ҳикоячилик жанрига асос солиб, машҳур рус ёзувчиси А. П. Чехов сингари кичик асарларда жуда катта ва муҳим ижтимоий масалаларни кўтариб чиқа олди.

Тагор 12 роман ва повесть ёзди. Ёзувчи ўзининг «Ҳалокат», «Гоурмахон», «Хонадон ва жаҳон», «Читра», «Сўнгги дoston» каби ромнлариди диний урф-одатларга, тоифаларга, порахўрлик ҳамда жаҳолатга қарши ўт очиб, Ватаннинг мустақиллиги, халқнинг озодлиги каби масалаларни кўтариб чиқди, ҳинд ҳаётининг гўзаллигини, меҳнаткаш омманинг ғам ғуссасини ва орзу-умидларини тўла-тўқис акс эттирди.

Тагор драматург сифатида ҳам машҳурдир. У ўзининг ижодий умрида ўттиздан ортиқ сахна асарлари ёзиб қолдирди. Рабиндранат кўпроқ музыкали драмалар ёзиб, уларни баъзиларига ўзи куй яратди. Умуман, Тагор бенгал драматургиясига кўп янгиликлар киритиб, уни бойитди.

Тагор кучли публицист, педагог ва маърифатпарвар эди. У Ватанидаги ва дунёдаги жамоатчилик фикрини жалб қилиб турган сиёсий, ижтимоий темаларда 200 дан кўпроқ ўткир мақолалар ёзди. Сиёсий темаларда ёзган мақолаларида инглиз мустамлакачиларининг Ҳиндистондаги ифлос кирдикорларини, империализмнинг мустамлакаларда, фашизмнинг Ғарбий Европа мамлакатларидаги жирканч сиёсатини, уларнинг инсонлар жамиятига чексиз офатлар ёғдираётганлигини фош қилди.

¹ Рабиндранат Тагор. Сочинения, 7-том, М., Изд-во иностранный литературы. 1957, 240-бет.

Ижтимоий темаларда ёзган мақолаларида шоир ўз эътиборини кўпинча маориф ва маданият масалаларига жалб қилади. Шу билан бирга, Тагор мактаб ўқувчилари учун дарсликлар, тил ва адабиёт масалалари, ҳинд фалсафаси ва динига оид кўп илмий-оммабоп асарлар ёзиб қолдирди.

67 ёшида Тагор рассомчилик билан машғул бўла бошлайди. Ҳаётининг сўнгги 12 йили ичида ёзувчи 2000 га яқин расм ишлади. Шу муносабат билан 1930 йили Москвада Тагор расмларининг виставкаси очилган эди.

Буюк ҳинд ёзувчиси ўн марта хорижий мамлакатларга сафарга чиқиб, дунёдаги жуда кўп давлатларда бўлди ва уларнинг баъзиларида ҳинд маданияти тўғрисида лекциялар ўқиди.

1930 йилнинг сентябрида Тагор Москвага келади. Шоирнинг Ватанимиздан олган таассуротлари шунчалик кўп, кучли ва янги эдики, уларнинг ҳаммаси унинг «Россия ҳақида мактублар» китобининг яратилишига сабаб бўлди. «Россия ҳақида мактублар»нинг аҳамияти ҳинд халқи учун катта эди. Чунки улар бу мактублар туфайли совет халқининг янги ҳаёти, жўшқин ижоди ва тинч меҳнати билан яқиндан танишдилар.

1941 йилнинг 7 августида ёзувчи оташин ватанпарвар ва инсонпарвар Рабиндранат Тагор вафот этди.

Тагорнинг Совет Иттифоқига муҳаббати зўр эди. Икки мамлакат халқлари ўртасидаги дўстлик ва маданий муносабатларни ривожлантириш ва мустақамлашда шоирнинг жуда катта ҳиссаси бор. 1941 йилда ўлим тўшагида ётган шоир совет-герман frontiдаги воқеалар билан қизиқади ва Совет Армияси ғалаба қозонажасига тўлиқ ишонган эди. Шунинг учун ҳам Рабиндранат Тагор ўзининг чуқур инсонпарварлик асарлари билангина биз учун қимматли бўлиб қолмай, совет-ҳинд дўстлик муносабатларига асос солган биринчи жамоат арбобларидан бўлганлиги учун ҳам катта ҳурматга сазовордир.

* * *

1913 йилда Рабиндранат Тагорнинг «Гитанжали» номли лирик шеърлар тўпламига адабиёт соҳасидаги энг катта Нобел мукофотининг берилиши, шоир номини бутун оламга маълум қилган эди. Шу йилдан бошлаб бутун мамлакатлардаги газета ва журналлар ўз саҳифаларидан жаҳон адабиётининг янги порлоқ юлдузига алоҳида жой ажрата бошлайдилар.

1913 йилда шоирнинг «Гитанжали» тўпламидан бир неча шеърлари, сўнгра янги ҳикоялари рус тилида босилиб чиқади ва шоирнинг ҳаёти, ижоди тўғрисида маълумот берувчи мақолалар пайдо бўлади. Ана шулар асосида Россияда яшовчи бир қанча халқлар матбуотида ҳам буюк ҳинд шоири Рабиндранат Тагор ҳақида қисқа маълумотлар ва унинг асарларидан намуналар босила бошлайди.

Ўрта Осиё зиёлилари ўртасида кенг тарқалган, Оренбург шаҳарида нашр этилувчи «Шўро» журналининг 1913 йил 23-сониди² (декабрь) Тагор ҳақида биринчи мақола пайдо бўлади. Мақола авторини шоирга берилган юксак мукофотга Англиянинг ҳукмдор доираларининг беэтибор қараганлиги ҳақида ёзади. Шунингдек, мазкур мақолада шоир адабий жанрларда ғоявий ва бадий жиҳатдан юксак асарлар яратганлигига баланд баҳо берилиб, унинг машҳур файласуф эканлиги тўғрисида ҳам сўзланган эди.

² «Шўро», Оренбург, 1913, № 23.

«Қизил шарқ» журнаlining 1920 йил 2 сонида Тагорнинг «Бог-бон» номли шеърлар тўпламидан бир шеъри босилган эди³. «Маориф ва маданият» журнаlining 1924 йил 6-сонида Тагор ҳақида катта мақола босилиб, расми, ундан сўнг шоир асарларидан намуналар берилган⁴. Шундай қилиб, то 1924 йилгача ўзбек зиёлилари юқорида зикр этиб ўтилган, Оренбург ва Бокуда нашр қилинган ва Ўрта Осиёда маълум бўлган журналлар орқали танишиб келишган эди.

Тагор тўғрисидаги мақолалар ва унинг асарларидан келтирилган намуналар ўзбек тилидаги газета ва журналларда фақат 1925 йилдан бошлаб пайдо бўлади. Шу йили «Маориф ва ўқитувчи» журнаlining 7—8-сонларида ўзбек шоири Чўлпоннинг «Улуғ ҳинди»⁵ номли мақоласи босилади. Мақола автори шоирнинг рус тилига таржима қилинган барча асарларини завқ билан ўқиганлиги ва унинг асарлари юксак бадий маҳорат, чуқур фикрларга бой эканлиги тўғрисида сўзлайди.

Ғарбий буржуазия ирқчилари Ҳимолай тоғларининг орқасида яшовчи халқ Ғарбий Европа адабиёти билан бир даражада тура олувчи адабий асарлар яратишга қодир эмас, деган фикрни олға сураб эдилар. Рабиндранат Тагорнинг,— деб ёзади Чўлпон,— жаҳон адабиёти намояндаси қаторидан жой олиши буржуазия ирқчиларининг ёлғон гапларини, тўтуксиз фикрларини фош қилди. Тагор Ҳимолай чўққиларининг орқасида туғилиб ўсди ва у чўққилардан баланд кўтарилди. Ўзбек шоири ўзининг адабий ижоди тўғрисида сўзлаб, унга Тагор ижоди жуда катта таъсир этганини таъкидлайди.

Чўлпон Тагор ижодини чуқур ўрганишга киришиб, унинг шеър ва ҳикояларини биринчи бўлиб ўзбек тилига таржима қилди. Буюк ҳинд шоирининг «Янги ой» номли шеърлар тўпламидан «Қоғоздан қайиқлар», «Оқ булутлар билан тўлқинлар», «Кўнгилчанлик»⁶ шеърларини наср билан таржима қилса, «Ҳай, йўловчи қиз»⁷ номли лирикасини ширин тил билан, ўйноқи вазнда таржима қилади. Тагорнинг «Сўба»⁸ номли катта ҳикояси ҳам Чўлпон таржимасида ўзбек ўқувчиларига тақдим қилинади.

Чўлпон ўзининг «Тагор ва тагоршунослик»⁹ деган мақоласида хинд ёзувчисининг ҳаёти ва ижоди ҳақида тўхталиб, унинг ижодини СССР ва Ғарб мамлакатларида ўрганиш масаласи тўғрисида сўзлайди.

Тагорнинг ўз она Ватанида ва чет элларда жуда севилиб ўқилаётган машҳур шоир эканлиги баён қилинади.

1926 йили ҳинд шоири Европа мамлакатлари бўйлаб навбатдаги сафарга чиққанда «Известия» газетасининг бир муҳбири Стокгольм шаҳрида Тагор билан учрашишга муяссар бўлади. Совет муҳбири Тагор билан қилган суҳбатини ва шоир тўғрисидаги таассуротларини газета орқали рус ўқувчиларига маълум қилган эди. Ана шу мақола «Қизил Ўзбекистон» газетаси саҳифасида ҳам тўлиқ босилиб чиқади. Бу мақола орқали ўзбек ўқувчилари Тагорнинг Совет Иттифоқи ҳақидаги фикрлари ва мамлакатимизга келиб адабиёт, музыка, театр, кино рақслар билан шахсан танишишни жуда орзу қилаётганлигини билишга муяссар бўладилар. «Кўпдан бери,— деган эди Тагор совет

³ «Қизил шарқ», Қозон, 1920, № 2.

⁴ «Маориф ва маданият», Боку, 1924, № 6.

⁵ «Маориф ва ўқитувчи», Тошкент, 1925, № 7—8.

⁶ «Маориф ва ўқитувчи», 1925, № 7—8.

⁷ «Маориф ва ўқитувчи», 1925, № 11—12.

⁸ «Маориф ва ўқитувчи», 1925, № 9—10.

⁹ «Маориф ва ўқитувчи», 1925, № 11—12.

мухбирига,— Сизнинг мамлакатингизга боришни орзиқиб кутаётганимни тасаввур қилолмайсиз. Сизнинг Ватанингизни, адабиётингизни севиб қолган эдим. Ҳозирги вақтда кўп дўстларимнинг айтишларича, сизнинг халқингиз Европадаги халқларга нисбатан бутунлай бошқача бўлган эмишлар. Шунинг учун ҳам мен мамлакатимизга боришни орзиқиб кутаяпман, ҳамма янгиликларни ўз кўзим билан кўришни истайман...

Мен сизларнинг санъат, театр, рақсларингизни кўришни, музикаларингизни эшитишни, адабиётингиз билан шахсан танишишни жуда ҳам орзу қиламан»¹⁰.

Совет мухбири шоирнинг СССРда босилиб чиққан ҳамма асарларидан бир неча нусхалар юборажagini билдириб, у билан хайрлашгач, эртасига Тагордан қисқа бир мактуб олган ва унда Тагор: «Мен Россияни унинг улuf адабиёти орқали тушундим ва унинг олдида тиз чўкдим. Мен унинг инсониятга чақиригини чуқур ҳурмат қиламан»¹¹,— деган эди.

«Ер юзи» журналининг 1928 йил 2-сонида «Рабиндранат Тагор ва Ғарб маданияти»¹² номли катта мақола шоирнинг расми билан бирга босилиб, унда ўқувчилар Тагорнинг империализм ва фашизм тўғрисида ва ғарбий буржуазия маданиятининг ифлос ҳамда бузғунлигини фoш қилувчи ҳаққоний оташин сўзлари билан танишади.

1927 йили Тагор Ғарбий Европа мамлакатларига қилган сафаридан Ватанига қайтиб келгач, Америкада чиқувчи газеталардан бирининг муҳаррири Тагор ҳузурида бўлиб, ёзувчининг таассуротларини билиш мақсадида унга бир қанча саволлар беради.

Америкалик муҳаррирнинг саволларига Тагорнинг берган тўғри ва кескин жавоблари катта сиёсий аҳамиятга эга бўлиб, унда ёзувчи Европа мамлакатларидаги фашизм тузумини, умуман капитализм оламини қаттиқ қоралаб, у ердаги буржуазия маданиятининг нақадар жирканч ва бузғунлигини очиб ташлайди.

«Империализм,— деган эди Тагор жавобларидан бирида,— миллатларнинг иззат-нафсини ва ахлоқини поймол қилиб, одамларни қул қилади. Империализм, фашизм ва миллатчилик халқлар душманидир»¹³.

Шундай қилиб, Тагор ҳамма жавобларида капиталистик жамиятнинг ахлоқсизлигини шафқатсиз фoш қилиб, дунёдаги барча капиталистик мамлакатларда, шу жумладан Америка Қўшма Штатларида ҳам, янги ўсиб борувчи революцион кучларнинг мавжуд эканлигини кўрсатиб берди ва уларга хайрихоҳлигини изҳор қилди. Ўзининг инсонпарвар жавобларида шоир инсон ва жамият манфаатини юқори қўйган эди.

Тагорнинг америкалик муҳаррирнинг саволларига берган ҳаққоний, оқилона жавобларининг йигирманчи йилларнинг охирида ўзбек тилида пайдо бўлиши жуда катта сиёсий аҳамиятга эга бўлган эди.

1930 йилнинг сентябрида Тагорнинг Москвага келиши муносабати билан ўзбек газета ва журналлари бу тўғридаги хабарларни босиб турган эдилар. Масалан, «Қамбағал деҳқон» газетаси 1930 йилнинг 2 октябрида «Рабиндранат Тагор Шўролар элида меҳмон бўлди»¹⁴ номли мақола босган эди.

¹⁰ «Қизил Ўзбекистон», Тошкент, 1926, № 219.

¹¹ «Қизил Ўзбекистон», 1926, № 219.

¹² «Ер юзи», 1928, № 2.

¹³ «Ер юзи», 1928, № 2.

¹⁴ «Қамбағал деҳқон», 1930, 2 октябрь.

Улуғ шоирнинг пойтахтимиз — Москвага меҳмон бўлиб келиши, уни совет ўқувчиларига, шу жумладан ўзбек ўқувчиларига жуда яқинлаштирди.

Ҳинд халқи 1947 йилнинг 15 августида мустақилликка эришган ва 1950 йилнинг 26 январида Ҳиндистон Республика деб эълон қилингандан сўнг ҳинд адабиётининг чет эллардаги ўқувчилар орасида кенг танилишга катта имкониятлар мавжуд бўлди.

Рабиндранат Тагорнинг ва бошқа илғор ҳинд ёзувчиларининг ҳақиқий, соф муҳаббат, эркинликни куйловчи шеър ва ҳикоялари яна ўзбек газета ва журналларининг саҳифаларида тез-тез пайдо бўла бошлади. Сўнгги йилларда «Шарқ юлдузи» журналининг ўқувчилари Р. Тагорнинг «Нур ва соялар», «Склет»¹⁵ каби ҳикоялари билан танишдилар.

1956 йилда Ҳамза номидаги ўзбек Академик драм театри ёзувчининг «Ҳалокат» романи асосида «Ганг дарёсининг қизи» номли постановкасини томошабинларга тақдим этган эди.

1957 йилда театр коллективи шу постановка билан Москвада бўлиб ўтган театр коллективларининг конкурсига иштирок этиб, биринчи мукофотни олишга муяссар бўлади. «Ганг дарёсининг қизи» ҳозир ҳам ўзбек томошабинларининг сеvimли спектаклларидан бири бўлиб қолмоқда.

1957 йилда буюк ҳинд ёзувчисининг ўн бешта ҳикоялари кирган «Нур ва соялар»¹⁶ номли биринчи ҳикоялар тўплами ўзбек тилида нашр этилди. Бу тўпланиннг катта нусхада тарқалиши ўзбек ўқувчилари учун ёзувчининг ажойиб ижоди ва Ҳиндистоннинг ҳаёти билан янада чуқурроқ танишиш имкониятини берди. Тагорнинг ҳикоялари унинг ижодининг энг муҳим шахобчаси бўлиб, уларда халқ оммасининг ажнабий золимлар билан ерли помешчикларга қарши мардонавор курашлари акс этади.

Ўзбекистон Давлат бадий адабиёт нашриёти ўзбек ўқувчиларининг улуғ ҳинд ёзувчисининг асарларига бўлган катта талабини ҳисобга олиб, унинг 8 томлик танланган асарларини нашр қилишга қарор қилган эди. 1958 йилда ўзбек ўқувчилари Тагор асарларининг биринчи томи билан танишиш имкониятига эга бўлиб, унинг ажойиб романи «Ҳалокатни»¹⁷ ўқидилар. 1960 йилда ёзувчи асарларининг иккинчи томи нашрдан чиқиб, ўқувчилар «Гоурмахон»¹⁸ (Гора) романи билан танишдилар.

Ўзбекистон Давлат бадий адабиёт нашриёти Тагор туғилган кунининг 100 йиллик юбилейига унинг асарларини III — IV томларини ва ёзувчининг ҳаёти, ижоди ва фаолиятини қисқача акс эттирувчи илмий-оммабоп китобчани ўқувчиларга тақдим қилиш арафасида турибди.

Умуман, ҳинд адабиётини ва қисман улуғ Тагор ижодини ўрганишда ҳиндшунос И. Д. Серебряковнинг хизмати жуда катта. У Тошкентда яшаган йилларида ва ундан сўнг ҳам республикамизда чиқадиган ўзбекча ва русча газета, журналларнинг саҳифаларида ҳинд илғор адабиёти ҳақида мақолалар бостириб турди. И. Д. Серебряков Тагорнинг ажойиб ҳаётини ва жуда бой ижодини кенг халқ ичиди оммалаштиришда кўп хизмат қилди.

«Звезда Востока» журналининг 1947 йил биринчи сониди И. Д. Серебряковнинг бенгал халқининг улуғ фарзанди Рабиндранат Тагорга

¹⁵ «Шарқ юлдузи», 1956, № 5; 1958, № 9.

¹⁶ Рабиндранат Тагор. Нур ва соялар, Тошкент, 1957.

¹⁷ Рабиндранат Тагор. Асарлар, т. 1, Тошкент, 1958.

¹⁸ Рабиндранат Тагор. Асарлар, т. 2, Тошкент, 1960.

бағишланган «Ҳиндистон халқ ёзувчиси»¹⁹ номли биринчи мақоласи босилиб чиқади.

1950 йили юқорида кўрсатилган журналнинг учинчи сонида И.Д. Серебряковнинг Тагор ижодига бағишланган «Халқ билан бир оёқда»²⁰ номли иккинчи мақоласи босилиб чиқди.

1956 йилда эса Тагорнинг вафот этганига 15 йил тўлиши муносабати билан унинг «Рабиндранат Тагорнинг ижоди ҳақида»²¹ номли учинчи мақоласи босилиб чиқади. И. Д. Серебряков Тагорни фақат бенгал халқининг эмас, умуман ҳинд ва бутун дунё халқларининг сеvimли ёзувчиси бўлиб қолганлигини гапириб, унинг асарлари кўп ёзувчиларнинг ижодига катта таъсир этганлигини таъкидлаб ўтади.

И. Д. Серебряков Тагорнинг «Қўшни ўргатиш», «Ора йўлда», «Тузалмас бахтсизлик», «Улуғ янгилик»²² каби ҳикояларини рус тилига таржима қилди.

1958 йилда Тошкентда рус тилида нашр этилган «Ҳиндистон шоирлари»²³ номли тўпламда Тагорнинг шеърларига ҳам катта ўрин берилди.

Яқин йиллар ичида ўзбек китобхонлари ўзларининг сеvimли ёзувчиси Тагорнинг яна янги шеър, ҳикоя, роман, драма ва фалсафий асарлари билан танишажаклар.

И. Хашимов

ПРОИЗВЕДЕНИЯ РАБИНДРАНАТА ТАГОРА НА УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ

(К 100-летию со дня рождения Р. Тагора)

В статье дается краткий обзор опубликованной в Советском Узбекистане литературы о жизни и творчестве великого индийского поэта и писателя Рабиндраната Тагора. Автор подчеркивает растущий интерес узбекского народа к творчеству Р. Тагора, 100-летний юбилей которого широко отмечается в нашей стране, в том числе в Узбекистане.

¹⁹ «Звезда Востока», 1947, № 1.

²⁰ «Звезда Востока», 1950, № 3.

²¹ «Звезда Востока», 1956, № 8.

²² «Звезда Востока», 1947, № 4; 1956, № 4; 1960, № 8.

²³ «Поэты Индии», Сборник, Госиздат художественной литературы УзССР, Ташкент, 1958.

М. ҚОДИРОВ

ЎЗБЕК ХАЛҚ ОҒЗАКИ ДРАМАСИНИНГ САТИРИК КУЧИ

Ўзбекистонда меҳнаткаш халқ оммаси орасида асрлар давомида масхарабоз ва қўғирчоқбозлар театри ҳукмрон бўлиб келган. Халқ оғзаки драмаси мана шу театрнинг кенг тарқалган ва балоғатга етган жанрларидан бири бўлиб, драматик томошаларнинг асосини ташкил этади. Оғзакилик, коллективлик, анъанавийлик халқ драматургиясининг асосий специфик хусусиятларидан бири ҳисобланади. Бу жиҳатдан у поэтик ижоднинг бошқа турларидан фарқ қилмайди. Шунинг билан бирга халқ оғзаки драмасини бадий фольклорнинг бошқа турларидан кескин ажратиб турадиган бир томони бор: унда драматик ҳаракат, ўйин, текстга иллюстрация, ёрдамчи омил бўлмай, тенг ҳуқуқли тасвирий восита вазифасини ўтайди.

Оғзаки драма намуналарини тўплаш ва ўрганиш бизда халқ ижодининг бошқа турларига нисбатан анча кеч ва системасиз бошланган бўлса-да, Совет ҳокимияти йилларида бу соҳада кўзга кўринарли таллай ишлар қилинди, халқ комедияларининг текстлари ёзиб олина бошланди. 1923 йилда, Гулом Зафарий томонидан биринчи бўлиб «Мақтанчоқ киши», «Эр ва хотин» комедиялари эълон қилинди¹. Шундан кейин ўтган давр ичида вариантлари билан 200 дан ортиқ оғзаки драма ёзиб олинди². Бу рақам ўзбек халқ театри ва оғзаки драмасининг репертуар бойлигидан дарак беради. Оғзаки драмани ёзиб тўплаш ва уни илмий асосда ўрганиш иши хусусан кейинги 3—4 йил ичида анчагина йўлга қўйилди. Сўнгги йилларда тўпланган қамматли материаллар халқ театри, жумладан оғзаки драма бўйича бир қатор илмий масалаларни кўтариб чиқиш ва ҳал этиш имконини беради.

Асосан, комедиялардан иборат бўлган ўзбек халқ оғзаки драмаси ўзининг ғоявий мазмуни ва бадий формасига кўра икки турга бўлинади: 1) оғзаки сатирик драма ва 2) оғзаки юмористик драма.

Бизнинг текширишларимизга кўра, халқимиз поэтик ижодида сатирик йўналиш ниҳоятда кучли бўлган. Достон, эртақ, қўшиқ, мақол каби бир қатор жанрларда турли-туман ва кўп қиррали сатирик образлар ижод қилинган. Сатирада халқ эзувчилар, золимларга нисбатан ўз нафрати, қаҳр-ғазабини, ижтимоий фикрларини ифодалаб келган. Халқ сатирасининг куч-қудрати айниқса оғзаки драмада кўпроқ намоён бўлди. Халқ оғзаки драмасининг сатирик кучи шундаки, у оддий меҳнаткаш омманинг, биринчи галда деҳқонлар ва ҳунармандларнинг манфаатини ҳимоя қилгани ҳолда феодализм жамиятидаги барча экс-

¹ Ф. Зафарий. Чиғатой ўзбек халқ театруси. «Билим ўчоғи», 1923, № 2—3, 62—68-бетлар.

² Бу пьесаларнинг деярлик ҳаммаси Ўзбекистон ССР ФА Санъатшунослик институтининг қўлёмалар фондида сақланади (инв. Т., №№ 57, 58, 304, 307, 375).

плуататор синф ва табақаларни шафқатсиз кулги билан масхаралади ва фош қилди.

Оғзаки сатирик драмани тематика жиҳатидан шартли равишда тўрт асосий группага ажратиш мумкин: 1) амалдорларни фош этувчи комедиялар, 2) бой ва судхўрларни фош этувчи комедиялар, 3) руҳонийларни фош этувчи комедиялар, 4) ўғри, қиморбоз, безори ва ҳоказоларни фош этувчи комедиялар. Аммо бу ҳам қатъий ва ўзгармас система эмас, албатта. Темалар маълум даражада бир-бирига ўтиб, чатишиб туради. Масалан, руҳонийлар темаси ёритиладиган асарларда амалдорлар образлари бўлиши табиийдир.

Халқ драмаси сатирасининг ўткир тиғи аввало феодал давлатининг таянчи бўлган амалдорларга қаратилгандир. Бу бежиз эмас, албатта. Тарихда маълумки, «Бухоро амирларининг давлатни сиёсий жиҳатдан марказлаштиришга интилишлари улкан бюрократик аппарат ва кўп сонли амалдорлар штатини тузишга олиб келди». Бироқ бу амалдорлар давлатдан расмий равишда маош олмас эдилар. Шунинг учун ҳам «улар порахўрлик қилар, ўз фойдаси учун солиқларни истаганича кўпайтирар эдилар. Амалдорларнинг солиқни ошириб суйистеъ-мол қилишлари деҳқонлар ва ҳунармандлар елкасига оғир юк бўлиб тушар эди»³. Ҳаёт ҳақиқатига ҳамиша содиқ бўлган халқ актёрлари — масхарабозлар «Раис», «Хирмон кўтариш», «Мироб», «Қассоблик» каби бир қатор комедиялар яратиб, уларда қозикалондан тортиб, раста оқсоқолигача бўлган дунёвий ва диний амалдорлар галлерейасини сатира воситалари билан беаёв фош қиладилар.

«Раис» — 50 га яқин персонаж иштирок этадиган катта сатирик комедиядир. Персонажлар ичида савдогарлар, баққоллар, косиб ва деҳқонлар бор. Бироқ асосий қаҳрамон раис билан унинг ёнидаги икки мулозим ҳисобланади. Масхарабозлар раиснинг бақириқ-чақириқлари, сиёсат ва ҳукмлари, ҳаракати ва қиёфаси орқали унинг золимлиги, порахўрлиги, риёкорлиги, такабурлигини яққол очиб ташлайдилар. Томошабинлар раиснинг пора берганларга индамай, порага қурби етмаган бечора камбағалларни жазолашидан ҳаяжонга келадилар ва ундан қаттиқ нафратланадилар. Драманинг бир вариантыда раис келиб-келиб даладан бедана тутиб ва тўрқовоқ тўқиб сотадиган беданабозни ушлайди ва «Савдогар, порахўрнинг энг каттаси мана шу» деб уни қаттиқ калтаклатади.

Комедия асосан икки бўлимдан иборат: бири — раиснинг бозор тартибларини кузатиши; иккинчиси — аҳолининг шариат талабларини билиш-билмаслигини синаши. Бўлимлар кўпинча алоҳида-алоҳида кўрсатилган ҳамда «бозор» бўлими комедиянинг асосини ташкил қилган. Кўп растали феодал бозорининг тасвири бўлганидан комедия бир таллай эпизодга эга. Раиснинг ҳар растани айланиб чиқиши асарнинг бир эпизодини ташкил қилади. Лекин ҳар масхарабоз бу ўйинни ижро этаётганида раисни кўпи билан 6—7 бозордан айлангириб чиқар эди. Чунки, ҳар ҳолда мазмунан бир-бирига анча яқин бўлган бу эпизодлар томошабинларни зериктириб қўйиши мумкин эди. Барча масхарабозлар комедияни бир хил бошласаларда, турлича тугатардилар. Бир комедияни раиснинг пора олиши билан тугатса, иккинчиси пора бера олмаган қашшоқ бечоранинг калтакланиши билан тугатади. Асарнинг кўп вариантли бўлиши ҳам шундан келиб чиққан. Тўғриси, буни вариант деб бўлмайди. Чунки вариантларнинг ҳаммаси ҳам, бошланиш қисмидан ташқари, бири иккинчисининг давомидир. Уларнинг ҳамма-

³ Ўзбекистон ССР тарихи, 1-том, иккинчи китоб, Тошкент; 1957; 33-бет.

сини ҳам олиб қараганимизда раиснинг амалдорлик «фаолияти», феодал бозорининг руҳи ва зиддиятлари тўла-тўқис намоён бўлади.

Шундай қилиб, «Раис» комедиясида Бухоро амирлигининг ишончли амалдорларидан бири бўлган раиснинг разил қилмишлари аёвсиз фош қилинади. Комедияда халқнинг раисларга нисбатан нафрати очикдан-очиқ ифода қилинади. Шундай қилиб, халқ актёрларининг кузатувчанлиги, сезгирлиги, юксак маҳорати туфайли реал ҳаётдан олинган кичик бир ижтимоий воқеа, умуман, феодализм тузумини характерловчи катта умумлашмага, раис образи эса, умуман ҳоким синф вакилларини характерловчи типик образга айланади.

Халқ сатираси «Раис» комедиясида катта бир амалдорнинг қиёфасини фош этган бўлса, «Хирмон кўтариш» номли бошқа бир драмада унинг тиғи бир тўда йирик амалдорларга санчилади.

«Хирмон кўтариш» асарида амирлик даврида деҳқонлар оммасининг аянчли аҳволи акс эттирилган. Икки деҳқон йил бўйи тер тўкиб топган донини хирмонга уяди. Амлоқдор бошлиқ амалдорлар келиб, иккала хирмондан ҳам деярли ҳеч нима қолдирмай талайдилар.

Танланган тема ва сюжет ўз характери ва моҳияти билан типикдир. Асарга оммавий тусга кирган, жамият ва тузумни характерлай оладиган ҳаётий воқеа асос қилиб олинади. Пьесанинг энг характерли ва аҳамиятли томони шундаки, унда феодал тузумидаги икки ижтимоий гуруҳ кишилари бир-бирига қарама-қарши қўйилади. Бир томонда эксплуататор синф вакиллари амлоқдор, доруға, амин, оқсоқол, домла эшон, баққол турса, иккинчи томонда эзилувчи синф вакиллари — деҳқонлар, новча, сартарош, гадо, мулозим ва хизматкорлар туради. Асар конфликтни мана шу антагонистик кучларнинг тўқнашувидан келиб чиқади.

Масхарабозлар салбий персонажларнинг ҳар бирини алоҳида, тўлиқ характерлаб ўтирмайдилар. Чунки улар мазкур асарда салбий қаҳрамонларнинг бир-биридан фарқи ёки улардан қайси бирининг халққа кўпроқ зиён келтиришини якка-якка ҳолда очишни эмас, балки, умуман, ҳоким синф вакилларининг текинхўрлиги, золимлигини фош этиш, уларнинг умумлашган сатирик образини вужудга келтиришни ўз олдларига мақсад қилиб қўйганлар. Асарда эзилувчи синф вакилларидан икки деҳқон билан хизматкор новча образи эътиборни жалб қилади. Биринчи деҳқон—камбағал, иккинчи деҳқон—ўртаҳол, новча—ерсиз деҳқон сифатида гавдалантирилади. Деҳқонлар иқтисодий жиҳатдан ҳам, характер жиҳатдан ҳам ҳар хил бўлишларига қарамасдан, антагонистик жамиятда уларнинг тақдири, фожиаси бир—эрксиз, ҳақ-ҳуқуқсиз, эзилган ва таҳқирланган кишилардир.

Асарда ижобий қаҳрамонлар актив суратда кўрсатилган бўлмасда, ўзининг чуқур мазмуни, кучли сатирик ҳарорати билан меҳнаткаш деҳқонлар аҳволини яхшилаш учун амалдор ва бойларга қарши ўт счишга чақиради.

Феодал давлат аппарати, давр амалдорларининг халққа хиёнатни ҳар бир пьесада маълум бир типик ҳаётий воқеа асосида акс эттирилади, унинг хилма-хил иллат ва маразлари фош қилинади.

«Мироб» комедиясида сув масаласини, «Қассоблик»да бозор ҳаётини ёритиш асосида амалдорлар қаттиқ масхара қилинади.

Халқ оғзаси драмасида бойлар, судхўрлар, савдогарлар ҳам ҳажв қилинади, улар билан халқ оммаси ўртасидаги синфий муносабатлар реал тасвирланади.

Бир қатор комедияларда меҳнат аҳлининг қалбида судхўрларга нисбатан йиллар сайин ўсиб борган норозилик кайфияти, ғазаб-нафрат туйғуси ҳаққоний ёритилади. «Судхўр акам жон беради», «Судхўр-

нинг ўлими» комедияларида хасис, очкўз, золим судхўрнинг ўлими ҳамда меросхўрларнинг лаёқатсизлиги, ношудлиги акс эттирилади. «Хундибозлик» да эса судхўрнинг қарздорлар билан тўқнашуви кўрсатилиб (судхўр қарзини қистайди, судхўрлик жонига теккан қарздорлардан ковушдўз уни уради), шу асосда унинг фақат хасислиги эмас, айёрлиги, мунофиқлиги, қотиллиги ва айни замонда қўрқоқлиги, шилқимлиги фош қилинади. Бу образда меҳнаткаш халқнинг, умуман, судхўрлик ва судхўрлар ҳақидаги фикри ва тушунчаси ўз ифодасини топган. Судхўрлардан қарздор бўлганларнинг ҳаммаси ҳам ўз меҳнати билан кун кўрувчи оддий кишилардир: улардан бири темирчи, бири деҳқон, бири қовушдўз. Судхўрнинг барча характерли белгилари, хулқ-атвори ковушдўз билан тўқнашувида очилади. Шунинг учун ковушдўз образи қарздорлар ичида пухтароқ ва чуқурроқ ишланган. Ковушдўз жуда қашшоқ, эзилган, абгор, шунинг билан бирга юракли, жасоратли, орномусли, виждонли одам. У судхўрдан сира қўрқмайди, дўқ-пўписалардан чўчимайди. Аксинча, қўпларнинг ёстигини қуритишга сабабчи бўлган бу ярамас судхўрни қўрқитади, уради, масхара қилади. Бу образ моҳият эътибори билан меҳнаткашларни судхўр сингари эзувчиларга қарши курашга, жасурлик ва қатъийликка даъват этган.

Масхарабозлар репертуарида деҳқонлар образи марказий планда турган ҳамда реал ижтимоий ва ҳаётий муносабатлар, синфий қарама-қаршилиқни акс эттирувчи «Новча билан оғолиқ», «Шингулмурод», «Қозибозлик» сингари драмалар бўлган.

«Новча билан оғолиқ» драмасида меҳнаткаш хизматкор билан текинхўр бой бир-бирига қарама-қарши қўйилади. Оғолиқ ўзига ёлланиб ишлаётган Новчани хўрламоқчи, таҳқирламоқчи бўлади. Новча бунинг учун бойдан ўзича қасд олади, ундан кулади, масхара қилади. Хизматкор ақлли, тadbиркор, мустақил, қувноқ ва жасур қилиб гавдалантирилади. Пьеса замирида халқнинг бойлардан норозилиги ҳамда уларни енгишга бўлган зўр интилиши ётади.

«Қозибозлик» комедиясида XIX асрдаги деҳқонлар ҳаётининг реал картинаси халқ театрига хос соддалик билан чизиб берилади. Асарнинг бош қаҳрамони—икки деҳқон. Деҳқонларнинг мироб (қози) билан тўқнашуви асар конфликтини ташкил этади. Шу нарса эътиборлики, иккала деҳқон ҳам бир хил шароитда ва ҳолатда тасвирланади. Иккиси ҳам озгина ғаллани базўр кўтариб тегирмонга боради, бир қарич ерда экилган майда-чуйдани суғориб олиш учун миробга пора беришга мажбур бўлади ва оқибат алданади, иш қидириб шаҳарга тушиб қолади, пировардида золим қозини калтаклайди. Икки деҳқон турмуши ва ҳатто характерини бир хил мураккабликда бериш билан масхарабозлар ўша даврда барча деҳқонларнинг қаттиқ кун кечиришлари, қашшоқликлари, очлик-ялонғочликлари, ер-суддан ажралишлари, ниҳоят иш қидириб шаҳарма-шаҳар тентираш даражасига бориб қолганликларини англатадилар. Деҳқонлар образини тўғри тушунишда асар финали катта аҳамиятга эга. Унда деҳқонлар аввалгидек ишонувчан, содда, итоаткор эмас, балки амалдор ва сипоҳларнинг кимлигини яхши тушунган, дадил ва шижоатли қилиб тасвирландилар. Деҳқонларга қаттиқ азоб берган қози ва унинг мулозимини қилмишига яраша калтак ейди.

Руҳонийлар мамлакатнинг сиёсий ва маданий ҳаётида реакцион роль ўйнаганлиги тарихда аён. Халқ оғзаки драмаси мана шу объектив ҳаётий ҳақиқатни акс эттириб, дин уламоларини қаттиқ танқид қилади. Мулла, сўфи, мударрис, эшон, қори, шайх, қаландар, «бахши», фолчи ва шу кабиларнинг кирдикорларини тортинмай фош этувчи ўнлаб сатирик комедиялар ижод қилинган.

«Кўҳистонлик домла» асарида дайди домла бир камбағалнинг касал ўғлини дуо билан тузатаман деб ўлдириб қўяди. Комедияда домла мунофиқ, айёр, фрибгар ва қабиҳ сифатида реал тасвирланади.

«Толқонхўр домла», «Момабанд», «Домла эшон» каби турли ҳажмдаги драмаларда руҳонийлар ичида энг реакция унсурлар етакчиси бўлган эшонлар кескин қораланади. «Домла эшон» комедиясида, масалав, эшон муридининг туғмас хотинини даволайман деб унинг номусига тажовуз қилади. Бироқ ихлос, иззат-икромга нолайиқ эшоннинг разиллиги чегарадан ошганда, аёлнинг сабр-тоқати тугаб, уни кўтариб ерга уради. Домла эшон асарда мақтанчоқ ва чақимчи, фрибгар ва айёр, соддадил кишиларнинг кўзини бўяб, улар ҳисобида роҳат-фароғатда яшовчи беномус ва текинхўр суратда гавдаланади. У асар финалида ҳақли равишда калтакланади. Драмадаги бойларга қайишиб, камбағалларга азоб берадиган қози образи орқали масхарабозлар бой, домла, эшонлар билан қозиларнинг тили бир эканини тараннум қилдилар. Арзга келиб ноумид бўлган мурид, хотин ва бошқаларнинг қозини ҳам дўппослаб кетишлари шундан келиб чиқади.

Қадим Ўзбекистонда ҳар қадамда турли-туман бузрукворлар, зиёратгоҳлар учраб турар эди. Улар руҳонийлар қўлида меҳнаткаш халқ оммасини талаш ва бойлик орттириш манбаи бўлиш билан бирга оммани дин ниқоби остида абадий қулликда сақлаш учун ҳам хизмат қиларди. Халқ драмасида бузрукворлар ва уларнинг сўфи, шайхларини масхара қилиб кулувчи «Авлиё», «Мозор» сингари асарлар юзага келган.

* * *

*

Масхарабозлар меҳнаткаш халқнинг истеъдодли ва илғор вакили бўлган. Улар ҳаётдаги энг характерли ва ўз мураккаблиги билан типик мазмунга эга бўлган воқеаларни танлаб олиб, уларни халқ томонида туриб тасвирлаганлар. Масхарабозлар репертуарида асосий ва салмоқли ўринни эгаллаган сатирик драма феодализм жамиятидаги реал ҳаётнинг воқеаларнинг ҳаққоний бадий инъикосидир.

Сатирик драманинг мазмуни ва ғоявий асослари шуни кўрсатадики, у ижтимоий драматир. Чунки ундаги сатира умуман ёмонлар устидан кулишга эмас, балки адолатсиз феодализм жамиятидаги эксплуататор синф ва табақалар вакилларини фош этишга қаратилган. Унда феодал салтанатининг устунлари бўлмиш бойлар, амалдорлар ва руҳонийлар сатира дарраси билан беомон калтакланади.

«Раис», «Хирмон кўтариш», «Мироб», «Қассоблик» сингари қатор комедияларда амалдорлар темаси ҳартарафлама ва чуқур ёритилади. Комедиялар раис, қози, амлақдор, доруға, амин, оқсоқол, мироб каби бир-тўда амалдорнинг ниқобини йиртиб, уларнинг асл башарасини—меҳнаткаш халқ ҳисобида яшаши, текинхўрлиги, золимлиги, қабиҳлигини жасуруна ва барала очиб ташлайди. Амалдорлардан хусусан раис билан қози образлари оғзаки драманинг пухта ишланган ҳамда халқ орасида кенг ёйилган традицион образларидандир. Раис учига чиққан порахўр, адолатсиз, золим, меҳнаткашлар оммасининг душмани сифатида реал ва ҳаққоний тасвирланади. Қози образи «Мироб», «Қозибозлик», «Домла эшон», «Ўғрилиқ» комедияларида драматик конфликтнинг ечилишида катта роль ўйнайди. Бу асарларнинг ҳаммасида ҳам ҳаётнинг фактлар асосида қози пулдор ва мансабдорларни оқлаб, йўқсул ва камбағалларни қораловчи золим ва манфур, порахўр ва очкўз қилиб тасвирланади.

Халқни қаттиқ эксплуатация қилиш формаларидан бири бўлган судхўрлик ҳам кескин қораланади. Судхўрлар деҳқон ва ҳунармандларнинг қонини сўрувчи зараркунанда экани жонли реалистик образлар системаси орқали қатъий фош қилинади. Айрим сатирик драмаларда бой ва судхўрлар билан меҳнаткашлар ўртасида мавжуд бўлган кучли синфий қарама-қаршилик ёритилади. Бу тўқнашувларда меҳнат аҳли ақл-идрок, инсоний фазилат ва маънавий гўзаллик жиҳатидан эксплуататорлардан устун қилиб кўрсатилади.

Унлаб сатирик комедияларда дин ва шарнат пешволари, қоридан тортиб мансабдор раисгача асосли ва аёвсиз танқид қилинади. Уларнинг барчаси ҳам риёкор, айёр, фрибгар, очкўз, меҳнаткашларни жаҳолат ва қоронғиликка судровчи реакцион кишилар қиёфасида кўрсатилади. Руҳонийлардан айниқса эшон билан мулла образлари оғзаки драмада тез-тез учраб турадиган ва пухта ишланган традицион образлар жумласига киради.

Сатирик драмаларда бутун диққат, эътибор, тасвирий восита, ижрочилик салбий қаҳрамонларни фош этиш, уларнинг обазларини яратишга қаратилган. Аммо бундан мазкур асарларда ижобий қаҳрамон кучсиз деган фикр келиб чиқмайди. Ижобий образлар ҳамавақт биринчи планда тўлақонли гавдалантирилмаса ҳам, уларнинг ҳар қайсиси асарда маълум ғоявий вазифага эга. Ижобий қаҳрамонларга хос умумий хусусият шуки, улар феодал солиқ системаси, адолатсизлик, тенгсизлик, ҳуқуқсизлик, қашшоқлик остида беҳад эзилган, ер ва сувга ташна, эрк ва бахтга зор деҳқон ва ҳунарманддирлар. Улар орасида амалдор, судхўр ва уламоларнинг мунофиқликларига қарши актив нозилик билдирувчи исёнкорлик кайфиятида бўлган қаҳрамонлар ҳам учрайди. Новча («Новча билан оғолик»), иккинчи деҳқон («Хирмон кўтариш»), тўртинчи қарздор («Хундибозлик»), муриднинг хотини («Домла эшон») ва бошқалар ана шундай қаҳрамонлардан ҳисобланади.

Ижобий қаҳрамонлари бўлмаган «Қассоблик», «Судхўр», «Хўкиз ўғриси», «Қимор» сингари комедиялар ҳам йўқ эмас. Бироқ бундай асарларнинг ўткир ғоявийлиги, танқидий кучи, сатирик ҳароратида халқнинг мусбат тенденцияси, ижобий фикри, реалистик қарashi аққол кўриниб туради. Чунки халқ бир нарсадан қаттиқ кулар экан, бу кулгининг тагида унинг маълум позицияси, идеали, таклифи ётиши аниқ.

Оғзаки сатирик драмада ҳунармандлардан кўра деҳқонлар ҳаёти тўлароқ гавдалантирилади. Чунки «Хирмон кўтариш», «Мироб», «Новча билан оғолик», «Шингулмурод», «Қозибозлик» комедиялари деҳқонлар ҳаётининг реал ва уқубатли манзарасини ҳар томонлама ёритувчи ажойиб асарлардир.

Ҳар бир сатирик асар ва ҳар бир сатирик образ халқнинг мазмундор, ифодали ва қудратли кулгиси билан суғорилгандир. Ҳар қайси асарнинг ғоявий мазмуни аввало салбий қаҳрамонлар характерини кулгили қиёфа ва кулгили вазиятларда акс этирилиши туфайли очиб берилади. Бу фош этувчи, куйдирувчи сатира кулгидир. Қайси салбий образни олиб қарамайлик, унда мана шу сатиранинг масҳара, бўрттирма, киноя, муболоға каби асосий воситаларини албатта учратамиз. Масҳарабозлар сатирасининг энг асосий хусусиятларидан бири салбий персонажларнинг монологда ўзларини, диалогда бир-бирларини фош қилишларидир. Салбий қаҳрамоннинг ўз-ўзини фош этувчи монолог халқ театрида «мақтов» деб аталади. Шу нарсани ҳам алоҳида уқтириб ўтиш керакки, оғзаки драмада сатира фақат тил воситалари билан эмас, шуининг билан бирга актёр ижрочилиги, пантомима, костюм, грим билан юзага чиқади.

Масхарабозлар сатираси моҳият эътибори билан сиёсий мазмун касб этади. Чунки оғзаки драмада Бухоро амирлигининг таянчи бўлган барча мансаб эгаларини шафқатсиз масхара ва фош қилиниши чириб бораётган феодал тузумнинг разил аҳволини кўрсатиб, бу тузум шароитларига қарши курашни кучайтиришга хизмат қилар эди. Шунинг учун ҳам халқ ҳис-туйғуси, фикри, фалсафасини ифода қилувчи сатирик драманинг тарбиявий ва маърифий аҳамияти катта бўлган.

Тарихий ҳақиқатни ҳаққоний тасвирловчи бу комедиялар томошабин—меҳнаткашларда мавжуд давлат, унинг амалдорлари, зиёли ва зодагонлари ҳақида аниқ ва тўғри тушунча ҳосил қилиб, ҳоким синфларга нисбатан норозилик туйғусининг нафрат, қаҳр-ғазаб, исёнкорлик кайфиятларига айланишига актив кўмаклашган.

Демак оғзаки сатирик драма халқ оммаси ижтимоий норозилигининг ёрқин ифодаси бўлиб келган. Унинг кучи, ўткирлиги ҳам ана шунда.

М. Кадыров

САТИРА В УСТНОЙ УЗБЕКСКОЙ НАРОДНОЙ ДРАМЕ

Данная статья посвящена анализу устных сатирико-драматических произведений, созданных узбекским народом в дореволюционный период. Эти произведения отражали тяжелую жизнь трудящихся масс под гнетом ханов, эмиров и прочих эксплуататоров и были направлены своим острием против всех угнетателей узбекского народа.

Б. АХМЕДОВ

К ИЗУЧЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ КИРГИЗИИ XV ВЕКА

Как известно, политическая история Киргизии XV в. изучена еще далеко недостаточно¹, что объясняется скудностью имеющихся источников.

Некоторые сведения из истории Киргизии XV в. содержатся в известном труде дуглатского эмира Мухаммада Хайдара «Тарих-и Рашиди», написанном между 948 и 953 гг. х. (1441/2—1546/7 гг. н. э.)². Отрывочные данные по истории киргизов и Киргизии этого времени приводятся в отдельных персоязычных сочинениях. Здесь прежде всего следует отметить труды Масъуда ибн Усмана Кухистани и Махмуда ибн Вали. Сочинение первого автора — «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани»³ — посвящено основателю государства кочевых узбеков Абу-л-Хайр-хану (1428—1468). Оно было составлено между 1540 и 1551 гг. по поручению правителя Мавераннахра Шайбанида Абд ал-Латифа (947—959 гг. х.—1540—1551 гг. н. э.). Второй труд — «Бахр ал-асрар фи манакйби ахйар» («Море тайн относительно доблестей благородных») — написан в 1634—1640/1 гг. и посвящен Аштарханиду НаDIR Мухаммаду (1642—1645)⁴.

Основываясь на этих источниках, мы попытались дать здесь краткое предварительное сообщение о некоторых основных моментах политической истории Киргизии XV в.

В 1219 г. территория современной Киргизии была захвачена Чингизханом и впоследствии вошла в состав улуса Чагатая. В середине XIV в. в результате междоусобной борьбы потомков Чагатая и феодальной знати улус Чагатая распался на две части⁵. Его северные районы (часть Илийского края, Семиречья и Восточный Туркестан) стали называться Моголистаном; там правили отдельные потомки Чагатая. В южной час-

¹ См. Н. Я. Бичурин (Иакинф), Историческое обозрение ойротов или калмыков с XV столетия до настоящих времен, СПб., 1834; Н. Н. Новагин, History of the Mongols, P. II, Div. II, L.; 1880; В. В. Бартольд, Улугбек и его время, Пг., 1918; его же, История культурной жизни Туркестана, Л., 1927; его же, Киргизы, изд. 2-е, Фрунзе, 1943; В. Котвич, Краткий обзор истории современного политического положения Монголии, СПб., 1914.

² См. о нем В. В. Вельяминов-Зернов, Исследование о Касимовских царях и царевичах, ч. I, СПб., 1864, стр. 130—132.

³ Мы пользовались рукописью Института народов Азии АН СССР, С. 478.

⁴ Мы пользовались фотокопией 3-й части этой рукописи (ркп. ИВ АН УзССР, № 1375).

⁵ См. Л. В. Строева, Борьба кочевой и оседлой знати в Чагатайском государстве в первой половине XIV в., Сборник, посвященный памяти акад. И. Ю. Крачковского, Л., 1958, стр. 206 — 220.

ти бывшего улуса Чагатай (в основном Мавераннахр) также правили отдельные Чагатаиды, но в конце 50-х годов XIV в., после безуспешной попытки кочевых феодалов Баян Сулдуза и Хаджи Барласа захватить власть, Мавераннахр распался на 12—15 самостоятельных феодальных владений⁶. В 1361 г. он был захвачен моголистанским ханом Туглук-Тимуром (748—764 гг. х.—1348—1362/3 гг. н. э.).

В 1370 г. к власти в Мавераннахре пришел Тимур. Он и его внук Улугбек (1409—1449) вели упорную, но безуспешную борьбу за присоединение Моголистана к Мавераннахру.

В начале XV в. в Моголистане усиливается борьба между потомками Туглук-Тимура, вызвавшая упадок политической и хозяйственной жизни страны.

В первый период правления Увейс-хана (821—824 гг. х.—1418—1421 гг. н. э.)⁷ калмыки (ойроты) захватили Бишбалык, принадлежавший ранее моголистанским ханам⁸. Вследствие частых набегов калмыков Увейс-хан вынужден был перенести свою ставку из Восточного Туркестана в Илибалык⁹, в Семиречье. Тут он неоднократно сражался с калмыками, которыми правил Эсен-тайши, сын главного предводителя калмыков Тогона¹⁰.

Мухаммад Хайдар приводит интересные рассказы об этих столкновениях. В начале второго периода своего правления (829—831—1424/5—1427/8 гг. н. э.) Увейс-хан в одном из сражений (в местечке Мушкуллак)¹¹ был разбит калмыками и попал к ним в плен¹². Попытки Увейс-хана вытеснить калмыков из Чуйской долины и Семиречья оказались безуспешными¹³.

После смерти Увейс-хана (831 г. х.—1427/8 г. н. э.) в Моголистане вспыхнули сильные смуты. Большая часть феодальной знати поддержала малолетнего сына Увейс-хана — Иса-Буга-хана, а наследнику престола 13-летнему¹⁴ Юнус-хану пришлось бежать в Самарканд¹⁵. Несколько лет в стране господствовала полная анархия. Дуглатские эмиры, правившие окрестностями Улуг-Кола, объявили себя независимыми. В Ак-су и Кушпае власть захватил эмир Саьид-Али¹⁶. Турфанский бек Тимур-уйгур, приставленный к малолетнему Иса-Буге в качестве кукельташа («дядька» — регент), действовал как фактический правитель ханства¹⁷.

По словам Мухаммада Хайдара, феодалы были предоставлены самим себе и многие из них держались совершенно независимо¹⁸. Так, один из них — Мир Каримберди, из племени дуглат, отложился от цент-

⁶ История Узбекской ССР, т. I, кн. первая, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1955, стр. 311.

⁷ В 828 г. х. Увейс-хан вновь захватил власть в Моголистане и правил до 831 (1428) г. х.

⁸ В. В. Бартольд, Очерк истории Семиречья, изд. 2-е, Фрунзе, 1943, стр. 72.

⁹ Илибалык находился к юго-западу от Алмалыка, на берегу р. Или (см. M. P. Bretschneider, Mediaeval Researches, vol. II, L., 1888, p. 44).

¹⁰ В. В. Бартольд, Очерк истории Семиречья, стр. 72.

¹¹ Мушкуллак, по-видимому, находился на берегу р. Или.

¹² Тарих-и Рашиди, ркп. ЛГУ, № 272, л. 31а.

¹³ В. В. Бартольд, Очерк истории Семиречья, стр. 72.

¹⁴ Тарих-и Рашиди, л. 34а, 37б.

¹⁵ Улугбек арестовал всех приближенных Юнус-хана, а его самого отправил в Хорасан, к Шахруху. Прожив около 30 лет в Хорасане и Ираке, Юнус-хан вернулся в Моголистан после смерти Иса-Буга-хана и его сына Достмухаммад-хана, т. е. в 873 (1468/9) г. х. (См. «Тарих-и Рашиди», л. 34б — 41б).

¹⁶ Тарих-и Рашиди, л. 35а — 35б.

¹⁷ Тимур-уйгур властвовал, по-видимому, один-два года и был убит недовольными феодалами, а Иса-Буга-хан бежал в Ак-су (См. «Тарих-и Рашиди», л. 39а).

¹⁸ Тарих-и Рашиди, л. 39а.

ральной власти, построил крепость в Ала-Буге и совершал оттуда набеги на Андижан. Эмир Мир Хакберди обосновался в районе Иссык-Куля и занялся опустошением окрестностей Сайрама и Туркестана. Эмиры племен чарас и барин поступили на службу к калмыцкому тайши, правившему тогда в Чуйской долине, а эмиры племени калучи и булгачи объединились с узбекским ханом Абу-л-Хайром¹⁹.

Хотя в 838 (1434/5) г. х. Иса-Буга-хану удалось упрочить свое положение в Ак-су и Кашгаре, правители других областей по-прежнему оставались самостоятельными²⁰.

Внутренние смуты и раздробленность Моголистана в первой половине XV в., несомненно, благоприятствовали успешному продвижению и закреплению кочевых узбеков в районе среднего течения Сыр-Дарьи.

Как известно, в 1428—1431 гг. власть над улусом Шайбана (нынешние Юго-Западная Сибирь и Западный Казахстан) захватил Абу-л-Хайр-хан. Умело использовав усилившиеся междоусобицы в государстве Тимуридов и разрозненность Моголистана, он в 1446 г. захватил ряд городов-крепостей по обоим берегам среднего течения Сыр-Дарьи — Ак-Курган, Аркук, Узгенд, Сыгнак и Сузак²¹. Теперь кочевые узбеки стали непосредственными соседями Моголистана и угрожали вторжением в его пограничные районы.

По сведениям автора «Бахр ал-асрар», Абу-л-Хайр-хан в 1468 г. предпринял поход на Моголистан, вернее на юрты киргизов и калмыков, но в пути он умер и потому поход якобы был отменен²². В биографии Абу-л-Хайр-хана и других источниках об этом ничего не говорится, и нам трудно судить о достоверности утверждения Махмуда ибн Вали. Однако события, происходившие в 50-х годах XV в. в государстве кочевых узбеков и в Моголистане, дают некоторые основания полагать, что сведения Махмуда ибн Вали правдоподобны. Вкратце изложим ход этих событий.

В середине XV в. два султана — Гирай-хан и Джанибек, сыновья белоордынского хана Борака (1423—1427), — бежали от Абу-л-Хайр-хана в Моголистан. Вот что пишет об этом Мухаммад Хайдар: «В то время (860 г. х. — 1455/6 г. н. э.) Абу-л-Хайр-хан овладел всем Дашт-и Кипчаком. Султаны Джучиды были (им) разгромлены, (и двое из них) Джанибек-хан и Гирай-хан бежали от него в Моголистан. Иса-Буга-хан принял их (беглецов) хорошо и отвел им край Джу и Козы-баши, которые составляют западную окраину Моголистана»²³.

По-видимому, Иса-Буга-хан рассчитывал тем самым усилить защиту внутренних районов Моголистана от набегов калмыков, укрепившихся тогда в северо-западной части Моголистана. В «Бахр ал-асрар» содержится сведения о набеге вселившихся в Западный Моголистан соплеменников Гирай-хана и Джанибека на юрты калмыков и киргизов²⁴. «Так как в первое время после вселения в Моголистан они (соплеменники Гирай-хана и Джанибек-хана) производили набеги и грабили племена (аквам) калмыков и киргизов ...», — пишет Махмуд ибн Вали, — этому «народу» («тайифэ») было дано имя «казак»²⁵.

¹⁹ Тарих-и Рашиди, л. 36а.

²⁰ Там же.

²¹ Сузак находился на северных склонах Кара-тау, а остальные упомянутые здесь города — на левом берегу Сыр-Дарьи.

²² Бахр ал-асрар, стр. 88 — 89.

²³ Тарих-и Рашиди, л. 36б. Джу (Чу) и Козы-баши включали в себя Западное Семиречье, Чуйскую и Таласскую долины (См. «История Казахской ССР», т. 1, Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1957, стр. 139).

²⁴ Бахр ал-асрар, стр. 72.

²⁵ Там же.

К тому времени кочевые узбеки, захватив оседлые районы Сыр-Дарьи и окрестности р. Каратал, вышли к западным рубежам Моголистана, и это не могло не вызвать опасения моголистанского хана. Как видно, Иса-Буга-хан стремился при помощи Гирай-хана и Джанибека защитить Моголистан не только от набегов калмыков, но и от возможного вторжения узбеков.

Со временем Западный Моголистан стал убежищем для многих лиц, бежавших от Абу-л-Хайра. Мухаммад Хайдар отмечает, что, кроме Гирай-хана и Джанибека, были и другие султаны, которые также нашли приют в Чуйской долине²⁶. Здесь и была заложена основа будущего казахского ханства, основателями которого следует считать султанов Гирая и Джанибека, а датой основания — 870 (1465/6) г. х.²⁷

В 50-х годах XV в. на рубежах Моголистана произошло и другое важное событие — крупное сражение между кочевыми узбеками и калмыками. Калмыки, еще в 1408 г. захватившие Илийский край, весной 1457 г. появились (под предводительством Уз-Тимура-тайши)²⁸ на берегу Сыр-Дарьи. В местечке Нуртукай, недалеко от Сыгнака и Кок-Кашане²⁹, произошла битва между калмыками и кочевыми узбеками, в которой узбеки потерпели поражение³⁰. Абу-л-Хайр-хан с остатками сил вынужден был отступить и укрыться за стенами Сыгнака³¹. Калмыки, разграбив окрестности Ташкента, Туркестана и Шахрухии³², ушли в свои кочевья.

Автор «Нусрат-намэ» говорит, что тогда Уз-Тимур-тайши увел с собой трехлетнего внука Абу-л-Хайр-хана — Махмуд-султана, который прожил затем 7 лет при ставке калмыцкого хана³³. Нам думается, что молодой султан, согласно мирному договору, заключенному между калмыками и узбеками, был увезен в залог (аманат) в знак признания верховной власти победителя.

Таким образом, когда Абу-л-Хайр-хан в 1468 г. организовал поход на Моголистан, то он, как нам кажется, ставил перед собой две цели: 1) разбить Гирая и Джанибека и 2) отомстить калмыкам за поражение 1457 г.

Вскоре после смерти Абу-л-Хайр-хана происходит распад государства кочевых узбеков. Мухаммад Хайдар писал: «... После смерти Абу-л-Хайр-хана узбекский улус пришел в расстройство; (в нем) начались большие неурядицы. (Тогда) большинство (народа) ушло к Гирай-хану и Джанибек-хану, так что число их и объединившихся с ними людей (достигло) двухсот тысяч»³⁴.

²⁶ См. В. В. Вельяминов-Зернов, указ. соч., ч. II, стр. 151.

²⁷ Тарих-и Рашиди, л. 366.

²⁸ По Г. Ховорсу (History of the Mongols, P. II, Div. II, p. 683). Уз-Тимур-тайши возглавлял правое крыло войска Сананг-Сетзена, наследника упомянутого выше Эсен-хана (Эсена-тайши).

²⁹ Кок-Кашане, расположенная в 5 км к юго-востоку от Сыгнака, была некрополем белоордынских ханов. (См. А. А. Диваев, Мавзолей Кок-Кесене (Историко-археологическая заметка), Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии», г. 10-й, Ташкент, 1905, стр. 11).

³⁰ Тарих-и Абу-л-Хайр-хани, л. 239а.

³¹ Там же.

³² Шахрухия находилась на левом берегу Сыр-Дарьи, там, где в нее впадает Чирчик. (См. M. P. Bretschneider, Medieval Researches, vol. II, p. 253—254).

³³ Таварих-и гузидэ, Нусрат-намэ, ркп. Института народов Азии АН СССР, В-475, л. 666.

³⁴ Тарих-и Рашиди, л. 366.

Как известно, власть Абу-л-Хайра унаследовал его второй сын Шайх Хайдар-хан³⁵. При нем узбекское государство распалось окончательно. Все попытки Шайх Хайдар-хана ликвидировать сепаратизм отдельных султанов и феодалов потерпели крах, а сам он пал в сражении с объединенными силами Ибак-хана (деда известного сибирского царя Кучума), Ахмед-хана, Бурке-султана и мангытских эмиров Муса и Ямгурчи (потомков Едигея)³⁶.

Мухаммад Хайдар, а вслед за ним Хафиз-и Таниш и Махмуд ибн Вали приводят рассказ о некоем Бурунч-оглане. Мухаммад Хайдар подробно описывает нападение Бурунч-оглана на орду Юнус-хана, стоявшего зимой 877 (1472/3) г. х. на берегу Сыр-Дарьи, и гибель Бурунч-оглана³⁷.

Как известно, Юнус-хан стал ханом Моголистана в 874 (1469/70) г. х. Ему удалось положить конец внутренним усобицам в стране, но борьба его против калмыков, господствовавших в Чуйской долине и в районе Иссык-Куля, успеха не имела. В 877 г. х. Юнус-хан потерпел поражение на берегу р. Или от калмыцкого тайши Амаланджи и бежал к Сыр-Дарье. Здесь он остановился на зимовку в местечке Кара-ту³⁸.

Однажды в зимнюю ночь, когда хан находился на охоте вдали от своей орды, вышеупомянутый Бурунч-оглан напал на его орду и занялся грабежом. Мухаммад Хайдар сообщает, что в этом набеге участвовали и султаны Шайбаниды³⁹, но не приводит их имена. Махмуд ибн Вали пишет, что в набеге Бурунч-оглана приняли участие Шайбани-хан, Махмуд-султан, Суюнч-Ходжа-хан и др.⁴⁰

Мухаммад Хайдар и Хафиз-и Таниш называют Бурунч-оглана старшим сыном Абу-л-Хайр-хана⁴¹. Махмуд ибн Вали называет его просто потомком Джучи⁴². Был ли он действительно сыном Абу-л-Хайр-хана, сказать трудно. Среди сыновей Абу-л-Хайр-хана мы не находим даже схожих с ним по имени. Правда, среди них был Ак-Бурук, но он был не старшим, а самым младшим сыном Абу-л-Хайр-хана. Нам кажется, что Бурунч-оглан Мухаммада Хайдара, Хафиз-и Таниша и Махмуда ибн Вали — это Бузунджар-бий кият, один из темников правого крыла войска Абу-л-Хайр-хана⁴³; в те смутные годы он, вероятно, находился в районе Туркестана и Сыгнака.

Период правления Юнус-хана (1469—1487) характеризуется относительным прекращением междоусобиц в Моголистане. Юнус-хан, умело использовав усилившуюся в 70—80-х годах XV в. борьбу между самаркандским правителем Султан-Ахмадом (1469—1494) и правителем Ферганы Омар-Шайхом (1461—1494), а также свои родственные связи

³⁵ В стихотворной хронике «Фатх-намэ» («Книга победы»), составленной по поручению Шайбани-хана, говорится, что власть Абу-л-Хайр-хана унаследовал Ядгар-хан, отец Бурке-султана, а затем ханом стал Шайх Хайдар (См. В. В. Бартольд. Отчет о командировке в Туркестан в 1904 г., «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. XV, вып. II—III, СПб., 1904, стр. 178.

³⁶ Камал ад-дин Бенаи, Шайбани-намэ, ркп. ИВ АН УзССР, № 844, л. 4а.

³⁷ Тарих-и Рашиди, л. 40б.

³⁸ В. В. Бартольд, Очерк истории Семиречья, стр. 75.

³⁹ Тарих-и Рашиди, л. 40б.

⁴⁰ Бахр ал-асрар, стр. 95.

⁴¹ Тарих-и Рашиди, л. 40б; Абдулла-намэ, ркп. Ленинградской государственной публичной библиотеки, Персидская новая серия, ркп. 205, л. 38б.

⁴² Бахр ал-асрар, стр. 94.

⁴³ Тарих-и Абу-л-Хайр-хани, л. 220а — 246а.

с ними, путем различных махинаций отнял у Омар-Шайха Сайрам, Ура-Тюбе и Ташкент⁴⁴.

Таковы основные политические события, происходившие в Киргизии XV в. Следует подчеркнуть, что уже тогда киргизы были коренным населением долины р. Чу и Семиречья. Киргизский народ составлял большую часть населения Моголистана и играл важную роль в политической и хозяйственной жизни этой страны.

Б. Аҳмедов

ҚИРҒИЗИСТОННИНГ XV АСР СИЁСИЙ ТАРИХИНИ
УРГАНИШГА ДОИР

Автор мазкур мақолада, бир қатор манбаларни анализ қилиш асосида, Қирғизистоннинг XV аср сиёсий тарихининг асосий моментларини ёритишга ҳаракат қилади. Шу билан бирга, қирғизларни XV асрдаёқ Еттисув ва Чу дарёси воҳалари атрофида маҳаллий аҳоли бўлгани, Мўғулистон аҳолисининг кўпчилик қисмини ташкил қилганлиги ҳамда бу мамлакатнинг сиёсий ва хўжалик ҳаётида муҳим роль ўйнаганлигини қайд қилади.

---

⁴⁴ Подробнее об этом см. С. А. Азимджанова, К истории Ферганы второй половины XV в., Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957, стр. 16 — 32.

М. А. БАТУНСКИЙ

О НЕКОТОРЫХ ЧЕРТАХ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ИСЛАМОВЕДЕНИЯ ПЕРИОДА ИМПЕРИАЛИЗМА

Наше время — эпоха полного краха колониализма. «Крушение системы колониального рабства под натиском национально-освободительного движения, — подчеркивается в Заявлении Московского Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, — второе по своему историческому значению явление после образования мировой системы социализма»¹.

Но смертельно раненный хищник все еще судорожно цепляется за рычачи экономического контроля и политического влияния в странах Азии, Африки и Латинской Америки, стремясь навязать им новые, «утонченные» формы колониального порабощения. Послушным орудием колонизаторов, как и много десятилетий назад, служит идеологическая экспансия.

Одной из попыток дезориентации общественного мнения в слаборазвитых странах Востока является версия о том, что только Запад якобы может правильно понять и по достоинству оценить все величие духовной культуры Востока и, в первую очередь, его религии.

Буржуазная наука, эта верная прислужница империализма, всячески старается доказать, что в отношении восточных верований ей чужды какие-либо иные цели, кроме абсолютно беспристрастного познания их сущности, эволюции и истории взаимовлияния.

В данной статье делается попытка показать несостоятельность подобных деклараций на примере западноевропейского буржуазного исламоведения конца XIX — начала XX в. — периода перехода капитализма в свою высшую и последнюю стадию — империализм. В эту эпоху буржуазная идеология поставила своей главной задачей скрыть зияющие язвы эксплуататорского общества, его историческую обреченность. Преисполненная лютой ненависти к революционному пролетариату и научному социализму, она стремится опорочить все прогрессивное в истории каждой страны, каждого народа, подымая на щит реакционеров и тиранов, религиозных фанатиков и кровавых завоевателей.

История возникновения буржуазной исламистики как самостоятельной научной дисциплины (вторая половина XIX в.) неразрывно связана с историей колониальных завоеваний. Пытаясь «теоретически» обосновать претензии Запада на подчинение «мусульманского» Востока, отвести ему место на задворках истории, буржуазная наука второй половины XIX в. подвергает всесторонней критике его религию — ислам,

---

¹ «Правда», 6 декабря 1960 г.

противопоставляя ему как абсолютный критерий христианство с его «божественной мудростью» и «чистой моралью»².

Религиозная маскировка, стремление освятить колониальный грабеж и эксплуатацию стран Востока, изобразить Запад как носителя и распространителя единственно «истинной» веры — христианства — было характерной чертой колонизаторской политики буржуазии в период промышленного капитализма.

Однако к концу XIX в. стал совершенно очевидным полный провал попыток христианизации стран «мусульманского» Востока. Ислам не только не сдал своих позиций под натиском огромной армии католических и протестантских миссионеров, но и сам перешел в активное наступление, подчиняя своему влиянию новые районы Азии и Африки.

Колонизаторы поняли, что попытка христианизировать мусульман чревата серьезными последствиями с точки зрения политической и бесплодна с точки зрения религиозной, что значение ислама возрастает и потому, что в ряде мест в известные исторические периоды он становится знаменем антиколониальной борьбы угнетенных народов.

Тогда колонизаторы решили объявить себя «покровителями» и «друзьями» ислама. Отсюда следует, в частности, требование ряда виднейших буржуазных ориенталистов отказаться от официальной поддержки миссионерства в мусульманских странах³.

Таковы основные политические факторы, обусловившие «новый курс» буржуазной исламистики конца XIX — начала XX в. в отношении мусульманской религии.

Другой важной причиной, породившей этот курс, явилось изменение религиозной политики буржуазии. В эпоху империализма, когда под огнем сокрушительной критики со стороны марксизма стали одна за другой рушиться казавшиеся ранее неприступными различные буржуазные философские, экономические, исторические, религиозные и прочие концепции и школы, когда идеи социализма и атеизма начали охватывать все более широкие массы во всех странах, идеологи господствующих классов решили встать на защиту религиозных принципов вообще, «всяческих форм религий»⁴.

В первую очередь, эта поддержка обратилась на идею единобожия, независимо от того, в каком веровании она представлена. Эта тенденция особенно ярко выражена в трудах И. Гольдциэра⁵. Монотеизм объявляется единственно «истинным верованием», могучим духовным оружием, которое, объединяя науку и религию и утверждая нормы «высшей морали»⁶, может якобы стать «якорем спасения» всего человечества.

Отдельные, наиболее рьяные проповедники монотеизма стали выступать с утверждением, что именно в исламе «всего резче сказалось то способствующее изучению природы, которое мы приписываем монотеистическому принципу», что в этой религии «прежде всего развился

² Э. Ренан, Ислам и наука, СПб., 1883, стр. 19; W. Muir, The life of Mohamad, Edinburgh, 1912, p. 523; R. Dozy, Essai sur l'histoire de l'Islamisme, Leyden, 1883, 522; A. Sprenger, Das Leben und die Lehre des Mohammeds, B. III, Berlin, 1865, S. 264, 317; A. Krenmer, Geschichte der herrschenden Ideen des Islams, Leipzig, 1868, S. 166; его же, Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen, B. II, Wien, 1875, S. 34; Th. Nöldeke, Geschichte des Qurâns, Göttingen, 1860, S. 77.

³ M. Hartmann, Der islamische Orient, Leipzig, 1910, B. III, S. 250—251; C. H. Becker, Eine Selbst-Kritik des indischen Islam, Vom Islam in Deutsch-Ostafrika, „Der Islam“, 1912, B. III, S. 198—201, 296—299.

⁴ В. И. Ленин, Сочинения, т. 33, стр. 202.

⁵ См. нашу статью „К вопросу об идейно-методологических основах творчества И. Гольдциэра“, „Вестник истории мировой культуры“, М., 1960, № 6.

⁶ См., напр., восторженный гимн монотеизму у Кейзерлинга („Das Reisetagebuch eines Philosophen“, 7 Aufl., München, 1922, B. I, S. 110).

свободный философский дух», ибо «монотеизм Магомета был самый крайний и держался сравнительно свободно от мифических примесей»⁷, как «самая чистая форма единобожия»⁸.

Еще во второй половине XIX в. концепцию о том, что ислам якобы более «совместим» с наукой, чем любое другое верование, в том числе и христианство, развивали родоначальник позитивизма О. Конт⁹, виднейший представитель этой же школы Д. Дрэпер¹⁰ и др.

Однако подобные воззрения отдельных философов не определяли господствующей линии буржуазной ориенталистики по отношению к мусульманской религии. Ведь это было верование, исповедуемое народами колониальных и зависимых стран, которых надо было убедить не только в экономическом и политическом, но и в духовном — в том числе и религиозном — превосходстве Запада.

Вот почему две противоречивые тенденции красной нитью проходят через буржуазную исламистику периода империализма. С одной стороны, она стремится обосновать правомочность и благо для народов Востока религиозных принципов ислама, в первую очередь — идеи единобожия¹¹. А с другой стороны, делаются попытки доказать, что мусульманство (которое трактовалось не только как религия, но и как цельная идеологическая и политическая система, охватывающая все нормы общественной и личной жизни мусульман, как главный двигатель общественного развития стран Ближнего и Среднего Востока) стоит на низшей ступени по сравнению с христианством и вообще с духовной культурой Запада.

Влияние первой тенденции отражается в многочисленных и настойчивых попытках «реабилитировать» ислам.

Если историография второй половины XIX в. видела причины отсталости Востока в исламской ортодоксии, душившей «малейшие ростки творческой мысли»¹², то ориенталистика эпохи империализма объясняет эту отсталость спецификой «восточного характера», как якобы религиозно-мистического, фанатичного, чуждого идеи развития и созидания и т. п.¹³ Ислам же всячески выдвигается как единственный фактор, стимулирующий развитие «цивилизации» и «культуры», а попросту говоря — упрочение политического и идеологического господства колонизаторов, но этому препятствуют якобы лишь «расовые дефекты» его адептов¹⁴.

Буржуазная наука стремилась также снять с ислама обвинение в том, что именно он со своим культом фатализма является основной при-

⁷ Ф. А. Ланге, История материализма и критика его значения в настоящее время, СПб., 1899, стр. 118, 123.

⁸ Э. Геккель, Мировые загадки, М., 1935, стр. 320.

⁹ А. Сомте, Cours de philosophie positive, Paris, 1869, t. V, p. 90.

¹⁰ Д. Дрэпер, История умственного развития Европы, изд. 3-е, Киев, 1900, стр. 165.

¹¹ Это подчеркивалось уже предшествующей ориенталистикой (см., напр., А. Кремер, указ. соч., стр. 348).

¹² См. особенно А. Кремер, Geschichte der herrschenden Ideen, S. XVII, 145, 178, 288—290.

¹³ В. Сарра де Вауа, La doctrine de l'Islam, Paris, 1909, p. 225; D. B. Macdonald, The religious attitude and life in Islam, Chicago, 1909, p. 121; D. S. Margoliouth, Mohammedanism, New York—London, 1911, p. 213; W. Haas, Die Seele des Orients, „Das Ausland“, 1916, S. 8.

¹⁴ I. Goldziher, Vorlesungen über den Islam, Heidelberg, 1910, S. 15; С. Н. Бескер, Ein Missionär über Islam in Deutsch-Ostafrika, „Islamstudien“, B. II, Leipzig, 1932, S. 119; Ist der Islam eine Gefahr für unseren Kolonien? Idem, S. 183, Der Islam und die Kolonisierung Afrikas, Idem, S. 204.

чиной отсталости стран Ближнего и Среднего Востока¹⁵. Так, К. Беккер доказывал, что ислам отнюдь не тормозит развития хозяйственной жизни, а, наоборот, всемерно способствует росту производительных сил¹⁶.

«Реабилитация» ислама идет и по линии переоценки личности Мухаммеда. Надо сказать, что мы еще до сих пор не имеем достаточно надежных данных для того, чтобы, не вдаваясь в область гипотез и сомнительных предположений, более или менее точно охарактеризовать Мухаммеда как личность и раскрыть его роль в истории объединения Аравии и создания ислама¹⁷. Но буржуазная наука именно здесь нашла широкую возможность для протаскивания наиболее реакционных идей антиисторизма, презрения к массам, самого махрового культа личности.

Апология цезаризма распространяется уже не только на «громкие имена» европейской, но и азиатской истории и, в первую очередь, на Мухаммеда. В нем видят человека, обладавшего необходимыми для правящей верхушки идеальными качествами «вождя», не только вдохновенного порока, религиозного реформатора, фанатично следовавшего «велеанию божьему», но и гениального, волевого и дальновидного политического деятеля¹⁸, творящего «конкретные формы общественных отношений»¹⁹.

Мечта господствующих классов о «сильной личности», нашедшая свое законченное выражение в бредовых «теориях» Ницше, начинает все сильнее звучать в буржуазной идеологии. И то, что казалось предшествующим авторам (стоявшим на позициях ханжеской морали буржуазии времен ее подъема) неприятным и отталкивающим в личности Мухаммеда — его жестокость, склонность к обману, хитрость и коварство, — теперь находит свое объяснение и оправдание как характерные качества «сверхчеловека», необходимые ему для «осуществления своего идеала»²⁰.

Идет все более резкое противопоставление Мухаммеда народу, который «слепо и равнодушно» идет за этим гением, руководимым лишь «велением божьим» и с «самоотверженной стойкостью» противопоставляющим свой идеал «презрительным насмешкам массы»²¹.

Куль Мухаммеда и монотеизма ислама закономерно приводит западноевропейскую ориенталистику конца XIX — начала XX в. к отказу от тенденции либерально-позитивистского исламоведения рассматривать исторические явления в их взаимосвязи и преемственности. Это

¹⁵ Это резко подчеркивается, например, у Кимона (см. его „La pathologie de l'Islam et les moyens de la detruire, Paris, 1897, p. 26—27) и Р. Осборна (Islam under the arabs, London, 1876, p. 26).

¹⁶ С. Н. Becker, Islam und Wirtschaft, „Islamstudien“, В. I, S. 59.

¹⁷ См. „Проблемы востоковедения“, М., 1960, № 1, стр. 224.

¹⁸ См. L. Krehl, Das Leben Muhammed's. Leipzig, 1884, S. 47, 240; R. Nicholson, A literary history of the Arabs, London, 1907, p. 179—180; M. J. de-Goeje, Die Berufung Mohammed's, „Orientalische Studien“ (в честь 70-летия Т. Нельдеке), В. I, Gieszen, 1906, S. 5; D. S. Margoliouth, Mohammed and the rise of Islam. New York—London, 1906, p. VI—VII, 48, 88; Ch. Snouck-Hurgronje, Islam, „Lehrbuch der Religionsgeschichte“, Tübingen, 1925, S. 675—676; J. Wellhausen, Das arabische Reich und sein Sturz, Berlin, 1902, S. 15; Fr. Buhl, Das Leben Muhammed's, Heidelberg, 1955 (1-е датское издание—1903 г.); M. Hartmann, Der islamische Orient, В. II, Leipzig, 1909, S. 52—57.

¹⁹ I. Goldziher, Vorlesungen..., S. 8.

²⁰ См. М. Т. Хаутсма, Ислам, в сб.: „Иллюстрированная история религии“, под ред. Шантепи де-ля-Соссей, пер. с нем., М., 1899, стр. 273; J. Wellhausen, op. cit., S. 15.

²¹ I. Goldziher, Vorlesungen..., S. 4; см. также Ch. Snouck-Hurgronje, op. cit., S. 36, 43; O. Pautz, op. cit., S. 67; Fr. Buhl, op. cit., S. 356; J. Wellhausen, op. cit., S. 1 и др.

сказалось в отрицании не только каких-либо материальных, но и духовных предпосылок возникновения мусульманства, в первую очередь ханифизма²², и привело к забвению тщательно обосновывавшихся ранее (тем же Гольдциэром, Снук-Хюргронье и др.) принципов критического историзма, к неоправданному сужению сферы их действия только историей ислама²³, которая для тогдашнего востоковедения по существу начиналась лишь с Мухаммеда.

Объявив ислам продуктом «личного просветления» пророка²⁴, буржуазная историография ищет объяснения многих важнейших сторон мусульманской религии и всего «мусульманского» Востока лишь в особенностях характера, жизни и деятельности самого Мухаммеда.

Характерно, что на этот путь встали не только откровенные сторонники культа личности, но и представители буржуазного экономизма²⁵, несмотря на их декларации о том, что ключ к истории ислама следует искать в экономических и политических факторах, а не в деятельности Мухаммеда.

И если некогда в исламе видели силу, враждебную культуре, если Ренан говорил о той «роковой границе», которая положена адептам этой религии в интеллектуальной и моральной областях²⁶, а Шпренгер полагал ее совершенно бесплодной для науки²⁷, то М. Хортен пишет уже о «громадных возможностях» мусульманства к культурному развитию, о его «безграничной способности» к восприятию «инородных идей», т. е. европейской буржуазной идеологии. И лишь перед материализмом и атеизмом, предупреждает он, «должен остановиться исламский дух»²⁸.

Именно это стремление «уберечь» ислам и вообще «мусульманский» Восток от влияния передовой идеологии, направить его на путь, удобный империализму, и лежит в основе политики буржуазии Запада в отношении этой религии. В этих же целях отдельные буржуазные ученые призывают к «модернизации» ислама, к устранению его наиболее устаревших и одиозных догм, обрядов и традиций²⁹.

Стремясь упрочить догм господство в странах «мусульманского» Востока, колонизаторы оказывали всяческую поддержку самым реакционным элементам мусульманского духовенства, чтобы законсервировать изжившие себя патриархально-феодалные отношения в этих странах и удержать их в роли аграрно-сырьевого придатка метрополий. Да и сама идея модернизации ислама также принималась лишь в той форме, которая была угодна и выгодна колонизаторам. Не случайно одним из первых пунктов программы реформации ислама обычно было требование борьбы с «мусульманским фанатизмом», с лозунгом «джихада», острие которого нередко направлялось против засилья евро-

²² См. I. Goldziher, Vorlesungen..., S. 6; G. Grimme, op. cit., B. I, Münster, 1892, S. 14; D. S. Margoliouth, On the origin and import of the names Muslim and Hanif, J. R. A. S., 1903.

²³ У Гольдциэра влияние антиисторизма проявилось и в метафизическом противопоставлении мусульманской религии верованиям и морали доисламских арабов.

²⁴ I. Goldziher, Vorlesungen..., S. 4.

²⁵ С. Н. Веckeг, Der Islam als Problem, „Der Islam“, 1910, B. I, S. 8.

²⁶ Э. Ренан, Критические и этические этюды, Собр. соч., Киев, 1902, III, стр. 150.

²⁷ См. А. Шпренгер, указ. соч., т. III, стр. 301—302.

²⁸ М. Нортен, Die Kulturelle Entwicklungsfähigkeit des Islam auf geistigem Gebiete, Bonn, 1915, S. 27.

²⁹ Так, уже Хортен прямо требовал, чтобы европейские ученые помогли «достопочтенным шейхам» «научно» обосновать историю ислама в соответствии с достижениями тогдашней идеалистической философии, буржуазного религиоведения и ориенталистики (указ. соч., стр. 23).

пейских хищников. Резкую критику вызывала и идея махдизма, под лозунгом которой проходил ряд антиколонизаторских восстаний.

В то же время представители западноевропейского исламоведения пытаются, как мы уже отмечали, доказать, что мораль и этика, догматика и обрядность христианства стоят «выше» мусульманства. Было бы, однако, неверным отождествлять эти декларации с воззрениями ортодоксально-христианской литературы. В данном случае буржуазными учеными двигал не столько конфессионализм, сколько стремление тем или иным путем доказать «превосходство» Запада над всем «мусульманским миром»³⁰. Подобный путь вполне логичен с точки зрения буржуазной науки, ибо лишь в религии она видит наиболее яркое выражение сущности той или иной общественно-экономической формации, ее материальной и духовной культуры.

Отсюда же и столь частые (и в наши дни) утверждения о том, что ислам — это не оригинальное верование, а эклектическая мешанина из всевозможных религий и философских систем, что он требует «полной неподвижности»³¹ и т. п. Вот почему исламу по-прежнему отводится низшее место по сравнению с христианством, хотя как религия монотеистическая он ставится выше разных «языческих» культов.

Эту тенденцию не могли поколебать ни то обстоятельство, что ряд буржуазных философов зачисляли ислам и христианство в одну категорию (по всяким субъективным и порой надуманным признакам)³², ни то, что все чаще раздаются голоса о необходимости установления между этими обеими мировыми верованиями тесного сотрудничества для борьбы с материализмом и социализмом³³. Призывы к «дружбе», и к «объединению» или «синтезу» христианства и ислама (как и любой другой восточной религии) ставят перед собой и другую цель — замаскировать экономическую и политическую агрессию империализма против народов Азии и Африки фальшивыми лозунгами о культурном и религиозном «единстве», прикрыть его стремление вновь навязать свое господство Востоку.

Но все эти попытки современных колонизаторов и их идеологов обречены на полный провал. На Востоке все ярче разгорается заря свободы и национальной независимости, и ничто не может остановить поступательный ход истории.

³⁰ Особенно ярко это проявилось у К. Беккера (см. его „Christentum und Islam“, „Islamstudien“, B. I, Leipzig, 1924).

³¹ Это явственно сказалось, например, в выступлениях ряда западных ученых на симпозиуме по истории мусульманской цивилизации, проходившем в Бордо в 1956 г. (см. „Classicisme et declin culturel dans l'histoire de l'Islam, Actes du symposium international l'histoire de la civilisation musulmane (Bordeaux, 25–29 juin 1956)“, Paris, 1957).

³² Так, Л. Уорд включил ислам в число западных религий, ибо, дескать, и у него и у христианства отличительной чертой является оптимизм, в противоположность восточным религиям (в первую очередь буддизму), пропагандирующим пессимизм. Кейзерлинг, весьма высоко ценивший ислам за „нашу, западную энергию“, также относил его к „западному миру“. (Г. Кейзерлинг, указ. соч. т. II, стр. 249).

³³ Уже в 70-х годах XIX в. к этому призывал Р. Б. Смит (см. его „Mohammed and mohammedanism“, London, 1874, p. IX—X, 232 и др.). Подобные воззрения становились популярными и у отдельных мусульманских авторов (см., напр., А т е г А л и, The spirit of Islam or the life and teachings of Mohammed, Calcutta, 1902, p. 157).

М. А. Батунский

**ИМПЕРИАЛИЗМ ДАВРИДАГИ ҒАРБИЙ ЕВРОПА ИСЛОМШУНОСЛИГИНИНГ
БАЪЗИ БИР ХУСУСИЯТЛАРИ ҲАҚИДА**

Мақолада XIX аср охири — XX аср бошидаги Ғарбий Европа буржуа исломшунослигининг баъзи бир асосий концепциялари танқид қилинади. Автор империализм даврида буржуа исломшунослиги ирқчилик, шахсни илоҳийлаштириш, волюнтаризм ва шу каби энг реакцион ғоялар томонига ўтиб кетади, деб кўрсатади.

Мақолада буржуа адабиётининг ислом динига муносабати, В. И. Лениннинг буржуазия империализм даврида «диннинг барча шакллари» қўриқлашга отланади деган кўрсатмасининг ҳақиқийлигини мисолларда тасдиқловчи факторлар келтирилган.

ПЕРВЫЙ СОВЕТСКИЙ ПЕРВОМАЙ В ТУРКЕСТАНЕ

День международной солидарности трудящихся всего мира — 1 Мая — стал отмечаться в Ташкенте и в других городах Туркестана с 1904 г. Тогда царские власти жестоко преследовали участников первомайских митингов и сходок¹. В феврале 1917 г. волна буржуазно-демократической революции смыла царское самодержавие, однако буржуазное Временное правительство всячески старалось помешать народным массам отпраздновать день 1 мая в 1917 г.²

Только в 1918 г., после победы Октября и установления власти Советов народы нашей страны, в том числе и Туркестана, впервые получили возможность широко и свободно отметить день международной солидарности трудящихся всех стран.

Празднование 1 мая 1918 г. — первого Советского Первомайа — совпало с выдающимся событием в жизни народов Средней Азии — провозглашением советской автономии Туркестана в соответствии с решением V краевого съезда Советов.

V съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских, мусульманских и дехканских депутатов Туркестанского края открылся 20 апреля 1918 г. В его работе участвовало около 300 делегатов, в том числе много представителей местных национальностей³.

Обсудив ряд важнейших проблем, съезд приступил к решению вопроса о советской автономии Туркестана. 30 апреля съезд утвердил «Положение о Туркестанской Советской республике Российской Федерации»⁴.

Создание Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики явилось огромной победой мудрой ленинской национальной политики Коммунистической

партии, важнейшим фактором упрочения Советской власти в Туркестане, крупным шагом в строительстве советской национальной государственности узбекского и других народов Средней Азии.

Трудящиеся массы Советского Туркестана с огромной радостью встретили исторические решения V краевого съезда Советов, и 1 мая 1918 г. стало для них, таким образом, двойным праздником.

Большевики Ташкента уделили много внимания подготовке к празднованию 1 Мая. В конце апреля 1918 г. Исполком Ташкентского Совета вынес специальное решение о праздновании 1 Мая, в котором говорилось: «1 мая... все... учреждения должны быть закрыты и все служащие освобождены от ... обязанностей за исключением тех, ... которые в этот день ... будут отправлять неотложные нужды Государственного значения ... все советские и общественные здания должны быть украшены флагами Советской Республики».

Соответствующие приказы о порядке участия в праздновании 1 Мая были изданы по отрядам молодой Красной Армии и Красной Гвардии Ташкента⁵.

Вечером 30 апреля в Доме Свободы состоялось собрание городской организации большевиков, посвященное дню 1 Мая⁶.

1 Мая 1918 г. в Ташкенте выдался на редкость хороший, солнечный день. С раннего утра к Дому Свободы (на углу нынешних улиц Гоголевской и Советской) со всех концов «старого» и «нового» города в одиночку, группами и колоннами спешили празднично настроенные трудящиеся всех национальностей.

Вышли праздничные номера газет. На первом, втором и третьем листах «Нашей газеты» крупным шрифтом были напечатаны лозунги: «Да здравствует Первое Мая — международный праздник пролетариата!», «Да здравствует Советская власть и диктатура рабочих и крестьян над буржуазней!», «Против империалистиче-

¹ См. Н. Ф. Симонов, Первые маевки в Туркестане, в сб.: «Революция 1905—1907 гг. в Узбекистане», Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1955, стр. 93—110.

² См. «Туркестанские ведомости», 15 (28) апреля 1917 г.; 16 (29 апреля); 20 апреля (2 мая).

³ «Наша газета», 23 апреля 1918 г.

⁴ «Наша газета», 5 мая 1918 г.

⁵ «Наша газета», 30 апреля 1918 г.

⁶ Там же.

ских хищников, за вооруженную оборону социализма!»

В передовой статье «Первомайский рабочий праздник» «Наша газета» писала: «В этот день мы должны с гордостью оглянуться назад... еще теснее сомкнуть свои ряды и продолжать свою напряженную строительную работу, укрепляющую нашу власть, власть пролетариата и крестьянской бедноты?»⁷

В статье под названием «1 мая» говорилось: «... Российская социалистическая республика находится в опасности от покушений... международных хищников — империалистов. Все должны понять, что защита новой Советской республики с оружием в руках есть священный долг каждого рабочего и крестьянина...»

... 1 мая — смотр сил революционного пролетариата. Интернациональный пролетариат готовится к... восстанию... против ига капитала. И недалеко от времени, когда рабочие всех стран сбросят с себя цепи капитала, что сделали уже русские рабочие...

Боевая политическая организация русских рабочих — партия коммунистов-большевиков добилась победы пролетариата в России, добиться этого и во всем мире... Все сознательные рабочие, идите под красные знамена со словами: Да здравствует Российская Коммунистическая партия!»⁸

К 10 часам утра около Дома Свободы собралось несколько тысяч человек. Над ними развевались красные знамена с лозунгами: «Да здравствует Советская власть и диктатура пролетариата!», «Да здравствует Российская Коммунистическая партия!» Торжественно играли оркестры. Собравшиеся пели «Марсельезу» и похоронный марш в память героев, отдавших жизнь в борьбе за свободу.

К 11 часам прибыли отряды Красной Армии и Красной Гвардии, выстроившиеся перед Домом Свободы. Оркестры продолжали играть революционные марши и песни...

А тем временем во дворе Дома Свободы происходило торжественное заседание V съезда Советов Туркестана с участием членов «старгородского» и «новгородского» Советов Ташкента. Весь двор был заполнен ликующим народом.

Торжественное заседание съезда открыл чрезвычайный комиссар Правительства РСФСР П. А. Кобозев, огласивший постановление V Краевого съезда Советов о том, что «Туркестанский край объявляется автономной федеративной Советской республикой». Это известие вызвало бурю аплодисментов.

Затем участники торжественного заседания вышли на улицу, где собралось до 12 тыс. граждан, пожелавших принять участие в демонстрации, посвященной

1 Мая и провозглашению автономии Советского Туркестана. Они выстроились в колонны, и началась демонстрация.

Демонстрацию возглавили конные части Красной Армии. За ними в автомобилях ехали члены Совета Народных Комиссаров и представители Исполкома Ташкентского Совета. В одном автомобиле, украшенном зеленью, были укреплены портреты Карла Маркса и В. И. Ленина.

За автомобилями шли пехотные части Красной Армии и Красной Гвардии, в едином строю маршировали русские, узбеки, казахи, иностранные интернационалисты.

Вслед за подразделениями Красной Армии пошли с развернутыми знаменами колонны профсоюзов «нового» и «старого» города: трамвайщики, железнодорожники, строительные рабочие, кожевники, ткачи и т. д. За профсоюзными колоннами шли неорганизованные граждане.

С улицы Гоголевской колонны демонстрантов свернули на Пушкинскую и через нынешний сквер Революции вышли на улицу Соборную (ныне ул. Карла Маркса).

Тысячи празднично настроенных ташкентцев стояли по обочинам дорог или шли вместе с колоннами демонстрантов. Повсюду было много детей и женщины.

Колонны демонстрантов дошли до площади перед «Белым домом» (ныне площадь В. И. Ленина), где демонстрация закончилась, и ее участники группами и в одиночку, оживленно обмениваясь впечатлениями, разошлись по домам⁹. Днем и вечером 1 Мая в парках, клубах и на улицах города проходили массовые народные гуляния.

8 мая Ташкентский Совет постановил в честь провозглашения советской автономии Туркестана переименовать некоторые улицы и скверы города¹⁰.

Митинги и демонстрации в честь 1 Мая и особенно в ознаменование провозглашения Туркестана Советской Социалистической Автономной Республикой состоялись также в Самарканде и других городах Туркестана.

Исполкомы Андижанского, Чарджуйского, Джизакского и других местных Советов прислали в адрес ТуркЦИКа и СНК Туркестана телеграммы, в которых от имени трудящихся всех национальностей приветствовали провозглашение советской автономии Туркестана и вхождение его в состав Российской Федерации¹¹.

Так трудящиеся Ташкента и всей Туркестанской республики отпраздновали 1 мая 1918 г. первый Советский Первомай и создание советской автономии Туркестана,

⁹ ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 84, л. 95; «Наша газета», 5 мая 1918 г.

¹⁰ «Наша газета», 15 и 29 мая 1918 г.

¹¹ ЦГА УзССР, ф. Р-25, оп. 1, д. 84, л. 170; д. 10, л. 311; «Голос Самарканда», 14 мая 1918 г.; «Наша газета», 15 и 18 мая 1918 г.

⁷ «Наша газета», 1 мая 1918 г.

⁸ Там же.

ставшее возможным благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране и претворению

в жизнь ленинской национальной политики Коммунистической партии.

А. М. Матвеев

К 30-ЛЕТИЮ СТРОИТЕЛЬСТВА ЗАВОДА «ТАШСЕЛЬМАШ»

1 мая 1961 г. исполнилось 30 лет со дня открытия Ташкентского завода сельскохозяйственного машиностроения им. К. Е. Ворошилова. Создание этого завода явилось одной из славных страниц в истории героической борьбы рабочего класса Узбекистана за социалистическую индустриализацию республики, ярким примером торжества ленинской генеральной линии Коммунистической партии на преимущественное развитие тяжелой промышленности как основы основ нашего народного хозяйства.

Завод «Ташсельмаш» был создан на базе коренной реконструкции механических мастерских Главхлопкама, возникших в 1925 г. на месте бывшего склада материалов и сельскохозяйственного инвентаря¹. Эти мастерские вначале занимались ремонтом и производством запасных частей для оборудования хлопкоочистительных и маслособойных заводов. Однако растущая хлопкоочистительная промышленность республики остро нуждалась в новом оборудовании, поскольку имевшиеся машины и механизмы давно уже устарели и морально, и физически.

Поэтому с 1928 г. в механических мастерских налаживается производство первых отечественных волоконотделителей и пухоотделителей (прежнее оборудование было импортным — американским). В августе 1928 г. были изготовлены первые волоконотделитель и пухоотделитель, что явилось важным шагом к высвобождению нашей хлопкоочистительной промышленности от импорта иностранного оборудования².

Необходимость технической реконструкции сельского хозяйства, борьба за обеспечение хлопковой независимости СССР потребовали создания в Узбекистане предприятий, производящих сельскохозяйственные машины.

18 июля 1929 г. ЦК ВКП(б) вынес решение о строительстве в г. Ташкенте завода сельскохозяйственного машиностроения³. Завод было решено построить на базе ремонтно-механических мастерских Главхлопкама.

Строительство завода шло очень быстрыми темпами, несмотря на большие трудности, связанные с нехваткой квалифицированной рабочей силы, дефицитом строительных материалов, а также вредительской деятельностью вражеских элементов.

¹ До революции там размещался хлопководов завод братьев Увадьевых.

² Г. А. Харатов, Сельмаш, Ташкент, 1935, стр. 11.

³ ЦГА УзССР, ф. Р-9, оп. 1, д. 2806, л. 31.

Причем в период строительства завода механические мастерские продолжали выполнять заказы хлопкоочистительной промышленности.

Средазбюро ЦК ВКП(б) уделяло постоянное внимание этой важной новостройке. 19 января 1931 г. «Ташсельмаш» посетила специальная комиссия Средазбюро ЦК ВКП(б). 20 января 1931 г. было созвано широкое совещание с представителями Средазгосплана, Главхлопкама, механических мастерских, «Ташсельмашстрой», Средазбюро ВЦСПС, газет «Правда Востока», «Узбекистанская правда», уполномоченного НК РКИ и Пролетарского райкома партии г. Ташкента, на котором обсуждались вопросы, связанные со строительством завода⁴.

Строительство завода, объявленное ударным, было решено завершить к 1 мая 1931 г.

«Союзсельмаш», в ведении которого находился «Ташсельмашстрой», принимал все меры к правильной организации строительства и выделил специалистов, персонально ответственных за своевременный пуск завода. Городские партийные, советские и профсоюзные организации добивались обеспечения ударной стройки необходимыми материалами и рабочей силой. Только с 17 предприятий Ташкента было выделено для «Сельмашстроя» 3944 рабочих. Из Андижана было послано на стройку 145 человек, из колхозов Ташкентской области — 1200 и т. д., а всего — 12 175 человек⁵.

Строительство «Ташсельмаша» стало в Узбекистане всенародным делом. Трудящиеся знали, что создание этого завода явится большой победой в борьбе за социалистическую индустриализацию и обеспечение хлопковой независимости Советского Союза.

Массовое движение за своевременный пуск «Ташсельмаша» возглавляли коммунисты. На заводе была создана специальная комиссия, которая проверяла ход строительства каждого цеха. Строители «Ташсельмаша» работали с большим энтузиазмом. На стройке насчитывалось 618 ударных бригад и 1283 ударника⁶. Они развернули социалистическое соревнование за досрочное завершение строительства, улучшение качества монтажных работ, экономию материалов и т. д.

Большой трудовой энтузиазм проявляла рабочая молодежь, особенно комсомольцы, стоявшие в первых рядах лучших строителей завода. Например, ударник-общест-

⁴ «Правда Востока», 25 января 1931 г.

⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-97, оп. 1, д. 361, л. 4.

⁶ «Правда Востока», 23 августа 1931 г.

венник Рытаев работал по 2—3 смены подряд, понимая всю важность этого завода для нашей республики, для всей страны⁷. Высокие образцы трудового героизма проявляли рабочие К. Константинов, Денисов, Э. Расулев, Сабатов, Кожин, Фомин, Гуляев и др.

Рабочая молодежь, комсомольцы энергично преодолевали все трудности, возникшие на строительстве «Ташсельмаша». Вспоминая об этом славном времени, секретарь парторганизации завода «Ташсельмаш» В. В. Иванова рассказывала автору этой статьи: «Помню, мы, совсем юные рабочие, комсомольцы, организовали комсомольскую коммуну в первые дни строительства в заводском рабочем городке. Дружно и весело жили, учились, работали по две и три смены на строительстве, не боясь ни зимы, ни трудностей».

Благодаря огромной помощи Союзного правительства, умелому руководству партийных, советских и общественных организаций республики и трудовому героизму строителей «Ташсельмаша» к 1 мая 1931 г. плановое задание по всем объектам «Сельмашстроя» было почти полностью выполнено, и завод был сдан в эксплуатацию.

30 апреля 1931 г., в день пуска завода, состоялся массовый митинг строителей. На митинге выступил с яркой речью Председатель ЦИК Советов Узбекистана Ю. Ахунбабаев. Он с удовлетворением отметил героическую победу строителей «Ташсельмаша», давших стране Советов новый завод сельскохозяйственного машиностроения.

Ю. Ахунбабаев зачитал Постановление ЦИК Советов УзССР о награждении лучших строителей завода орденами, почетными грамотами и ценными подарками⁸. В частности, 5 человек были награждены орденами Трудового Красного Знамени.

По просьбе участников митинга заводу было присвоено имя одного из виднейших деятелей Коммунистической партии и Советского государства К. Е. Ворошилова.

Успешное строительство и пуск в эксплуатацию завода «Ташсельмаш» явилось крупной победой в деле социалистической индустриализации Советского Узбекистана, подготовки материальных предпосылок для механизации сельского хозяйства, обеспечения хлопковой независимости СССР, а также создания кадров узбекского промышленного рабочего класса.

Молодой коллектив завода с энтузиазмом приступил к выпуску различных машин и орудий, необходимых для сельского хозяйства и особенно хлопководства республики. Уже в 1931 г. стоимость валовой продукции завода составила 5825 тыс. руб., а в 1932 г.—7950 тыс. руб., тогда как механические мастерские Главхлопко-

ма дали в 1927 г. продукции всего на 219 тыс. руб.⁹

За 30 лет существования «Ташсельмаша» его коллектив прошел славный трудовой путь. Ныне этот завод является одним из передовых машиностроительных предприятий Союза, крупнейшим заводом по выпуску хлопкоуборочных машин, которые идут не только в хлопкосеющие республики СССР, но и за границу, в том числе в Китай, Корею, Болгарию и т. д.¹⁰

Ташкентский завод сельскохозяйственного машиностроения стал подлинной кузницей высококвалифицированных национальных кадров рабочего класса Узбекистана. Сейчас на заводе занято около 1000 рабочих местных национальностей. Свыше 25% работников завода составляют женщины¹¹. Многие бывшие рабочие завода ныне занимают руководящие посты в различных отраслях нашего народного хозяйства. Среди них следует отметить доктора техн. наук Г. И. Волкова — директора Всесоюзного института механизации и электрификации сельского хозяйства, В. В. Терентьева — директора завода «Узбексельмаш», Т. Садыкова — секретаря Ленинского РК КПУз г. Ташкента, И. П. Панова — главного конструктора «Ташсельмаша» и многих других.

По 30 с лишним лет работают на заводе слесарь Х. Исков, слесарь Г. Алимов, шлифовщик Хусанов, монтажник В. Булычев, мастер А. Салиходжаев и др. Они обучили своему мастерству сотни молодых рабочих.

С каждым годом растут материальное благосостояние и культурный уровень рабочих. Жилищный фонд завода превышает 30 тыс. м²; завод имеет 4 общежития, 4 детских сада и яслей, поликлинику.

В большом заводском клубе работает 15 кружков, охватывающих 220 рабочих. Кроме того, 1400 человек занимаются в 25 кружках политехпросвещения, а около 80 рабочих — в филиале вечернего университета марксизма-ленинизма Куйбышевского района.

Рабочие «Ташсельмаша» активно участвуют в развернувшемся по всей стране замечательном движении бригад и ударников коммунистического труда. Первой этого высокого звания добилась бригада т. Метезникова из 10-го цеха, затем бригада т. Пакатского из 27-цеха и др. Звание ударников коммунистического труда уже присвоено 70 рабочим и инженерно-техническим работникам. Сотни рабочих завода учатся жить и работать по-коммунистически.

Отвечая на огромную заботу Коммунистической партии и Советского правитель-

⁹ Г. А. Харатов, указ. соч., стр. 53.

¹⁰ По отчетным данным отдела финансов и сбыта завода.

¹¹ По отчетным данным отдела кадров завода.

⁷ «Правда Востока», 1 мая 1930 г.

⁸ «Правда Востока», 1 мая 1931 г.

ства, славный коллектив завода «Ташсельмаш» все шире развертывает социалистическое соревнование за досрочное выполне-

ние семилетнего плана, за достойную встречу XXII съезда КПСС.

М. Касьмова

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЗА УКРЕПЛЕНИЕ СЕЛЬСКИХ СОВЕТОВ В УзССР НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Одной из важнейших задач национально-государственного размежевания Средней Азии, осуществленного в 1924 г., было дальнейшее укрепление и улучшение работы органов Советской власти в среднеазиатских республиках, приближение Советов к широкому массам трудящихся местных национальностей и вовлечение их в управление государством, в активное строительство нового, социалистического общества.

Поэтому руководящие партийные и советские органы Узбекской ССР с первых же дней ее образования обратили особое внимание на создание и укрепление органов Советской власти на местах, особенно в кишлаках.

В тот период области Узбекской ССР делились на две группы по степени развития советского строительства. Если в Ташкентской, Самаркандской и Ферганской областях был накоплен значительный опыт советской работы и многие местные Советы успешно справлялись со своими задачами, то в Зеравшанской, Хорезмской, Сурхандарьинской и Кашкадарьинской областях еще не было выборных советских органов и сохранялась старая, аксакальская система управления.

Вот как, например, характеризовала состояние низового советского аппарата в Ханкинской волости Хорезмской области УзССР комиссия Средазбюро ЦК ВКП(б), обследовавшая кишлаки и аулы Узбекистана в 1925 г.:

«... В волостном центре сравнительно солидный и делный рабочий аппарат, более или менее осознанный принципы Советской власти и проводящий их в жизнь; в кишлаках — власть в руках аксакалов, в большинстве старых чиновников хана...»¹.

Даже в Ташкентской области отмечались слабая работа волостных ревкомов и сельсоветов, недостаточное руководство ими со стороны местных партийных организаций, а также засоренность низового советского аппарата байскими элементами².

¹ Современный кишлак Средней Азии (социально-экономический очерк), вып. 11, Ханкинская волость (Хорезмская область Узбекской ССР), Ташкент, изд. Средазбюро ЦК ВКП(б), 1926, стр. 141.

² См., напр., «Современный кишлак Средней Азии (социально-экономический очерк), вып. 1, Ниязбекская волость (Ташкентская область Узбекской ССР), Ташкент, изд. Средазбюро ЦК ВКП(б), 1926, стр. 158 — 163.

Таким образом, в республике необходимо было провести огромную работу по укреплению и расширению сети местных Советов, улучшению их работы, упрочению их связи с массами и очищению сельских Советов от классово чуждых элементов.

Огромное внимание вопросам советского строительства в УзССР уделил I съезд Коммунистической партии Узбекистана (6—12 февраля 1925 г.).

В резолюции «Об очередных задачах партии» съезд отмечал: «Основная работа в кишлаке — это укрепление Советов. Проблема рабоче-(крестьянского) дежканского союза может быть решена только созданием в кишлаке настоящей Советской власти... Борьба за честный, деловой, дехканско-батрацкий, близкий массам кишлака Совет должна явиться центральной задачей партии... Союз Кошчи, профсоюз, рабземлес, комсомол, женотдел, как массовые приводные ремни партии, должны быть привлечены к самой широкой работе по созданию настоящей Советской власти в кишлаке...»³.

Съезд потребовал «все большего привлечения середняка к активному участию в общественной жизни кишлака, особенно в Советах»⁴. В резолюции съезда «О работе среди женщин» говорилось: «...Обратить особое внимание на втягивание женщин коренного населения в органы государственного управления»⁵. Съезд выдвинул лозунг: «Ни одного Совета без женщин!».

В целях укрепления низового Советского аппарата съезд предложил вышестоящим советским органам республики усилить контроль над работой сельсоветов; очистить их от классово чуждых элементов; провести показательные процессы над нарушителями советской законности; создать низовой советский аппарат в Хорезмской, Зеравшанской, Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областях; наладить регулярный инструктаж работников сельских Советов; организовать курсы по подготовке советских и партийных работников для кишлака и т. д. Было решено мобилизовать на работу в кишлак 100 партийных и советских работников⁶.

³ Резолюции и решения съездов Коммунистической партии Узбекистана, Ташкент, Госиздат УзССР, 1957, стр. 15 — 16.

⁴ Там же, стр. 12.

⁵ Там же, стр. 47.

⁶ Там же, стр. 15—16, 24, 27.

Состоявшийся вслед за I съездом КП(б) Уз I Учредительный съезд Советов Узбекистана (13—17 февраля 1925 г.) также признал необходимым создать в Хорезмской, Сурхандарьинской и Кашкадарьинской областях выборные советские органы, повсеместно заменить аксакальства сельскими Советами, очистить советский аппарат от чуждых элементов и обеспечить широкое вовлечение местных трудящихся в советское строительство.

Опираясь на растущую политическую активность масс, партийные и советские органы республики провели большую работу по укреплению и расширению сети сельских Советов, улучшению их работы и вовлечению в нее трудового дехканства.

Первые успехи этой работы были подытожены на II съезде КП(б) Уз (22—30 ноября 1925 г.).

В резолюции «О задачах советского строительства» съезд с удовлетворением отметил, что директива I съезда КП(б) Уз об укреплении Советов «в основном выполнена». В Ташкентской, Самаркандской и Ферганской областях проведены частичные перевыборы состава сельсоветов; советизированы Зеравшанская, Хорезмская, Кашкадарьинская и отчасти Сурхандарьинская области. «Нанесен значительный удар господству аминов и аксакалов в низовом советском аппарате». Усилилось партийное руководство Советами⁷.

Съезд отметил также большую работу Средазбюро ЦК ВКП(б) в деле «советизации республики, втягивания широких дехканских масс в советское строительство, освобождения Советов от баев, аминов и аксакалов...»⁸.

Однако эксплуататорские элементы всячески старались помешать укреплению местных Советов, а кое-где им еще удавалось «держаться под своим влиянием низовые советские аппараты»⁹. Большим недостатком в деятельности сельских Советов было отсутствие коллегиальности в их работе, оторванность от масс, слабое вовлечение середняка в работу Советов¹⁰.

Поэтому II съезд КП(б) Уз предложил обеспечить дальнейшее укрепление Советов, привлекая к этому делу комсомольские ячейки, союз «Кошчи» и другие общественные организации; усилить чистку Советов от эксплуататорских элементов; шире вовлекать в работу Советов местных трудящихся, особенно середняка; улучшить подготовку кадров советских работников. Особое внимание обращалось на широкое вовлечение женщин в Советы¹¹.

В соответствии с решениями II съезда КП(б) Уз в конце 1925 — начале 1926 г. в республике была впервые проведена широ-

кая кампания по выборам и перевыборам Советов. В Бухаре и Хорезме был создан низовой советский аппарат; кишлачные Советы были значительно укреплены делегатами из батраков, бедняков и середняков. Так, в сельсоветах Самаркандского района оказалось 18% бедняков, 30% середняков и 52% батраков¹².

В целях улучшения руководства хозяйственным и культурным строительством на местах, дальнейшей советизации республики и действительного приближения советского аппарата к массам IV сессия ЦИК Советов УзССР I созыва приняла 10 июня 1926 г. постановление об административно-экономическом районировании Узбекистана. Вместо четырехчленного административного деления (сельсовет, волость, уезд, область) вводилось трехчленное деление (сельсовет, район, округ).

В результате районирования количество сельсоветов в УзССР возросло с 1163 до 1749¹³. Это расширение сети местных Советов способствовало укреплению связи их с трудящимися массами кишлака и аула. До районирования многие сельсоветы были неработоспособными, они не имели своего бюджета и не могли успешно осуществлять возложенные на них задачи.

После проведения районирования работа сельсоветов стала улучшаться, они стали более самостоятельными и инициативными.

Но ряд сельсоветов еще не был очищен от классово чуждых элементов и в работе их имелось много недостатков. Особенно сильные извращения были допущены в Хавастском, Митанском, Гиждуванском, Беш-Арыкском и ряде других сельсоветов.

В очищении сельских Советов от чуждых элементов, улучшении их классового состава и активизации их деятельности большую роль сыграли перевыборы в Советы, проведенные в 1926—1927 гг. Избирательная кампания вызвала значительный рост политической активности трудящихся масс кишлака и аула, все теснее сплачивавшихся вокруг Коммунистической партии и Советов и усиливавших наступление на байско-кулацкие элементы.

В ходе избирательной кампании было лишено избирательных прав 33 тыс. человек из нетрудовых элементов.

На многочисленных предвыборных собраниях и митингах трудящиеся дехкане критиковали недостатки в деятельности местных Советов и вносили ценные предложения по улучшению их работы.

Всего в выборах Советов в 1926—1927 гг. участвовало свыше 1 млн. трудящихся Узбекской ССР. В состав сельских Со-

⁷ Резолюции и решения съездов Коммунистической партии Узбекистана, стр. 97.

⁸ Там же, стр. 54.

⁹ Там же, стр. 59.

¹⁰ Там же, стр. 97.

¹¹ Там же, стр. 98—101.

¹² См. В. Я. Непомнин, Исторический опыт строительства социализма в Узбекистане (1917—1937), Ташкент, Госиздат УзССР, 1960, стр. 219.

¹³ ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 1, д. 4309, л. 19.

тов было избрано 30 613 человек, из них 4 тыс. женщин. Среди избранных было: батраков—4760 (15,6%), бедняков—12 593 (41,1%), середняков — 8001 (26,1%), рабочих — 433 (1,4%) и т. д. В сельские Советы республики вошел 3521 коммунист; 453 коммуниста стали председателями сельсоветов¹⁴.

Успешное проведение выборной кампании свидетельствовало о том, что большая политико-воспитательная работа, проводимая в кишлаке партийными и общественными организациями, давала свои плоды. Трудовое дехканство все шире вовлекалось в работу советских органов власти на местах.

Как указывал III съезд КП(б)Уз (16—24 ноября 1927 г.), «последняя перевыборная кампания в Советы выявила значительно возросшую активность бедноты и середняка»¹⁵. В резолюции по докладу ЦК КП(б)Уз съезд с удовлетворением отметил «проведение решительной борьбы за очищение совapparата... и приближение этого аппарата к массам обслуживаемого населения (районирование), значительное обновление, оздоровление и оживление советского аппарата (двукратные перевыборы), вовлечение рабочих и батраков в Советы, вовлечение женщин, вовлечение середняка и т. д.»¹⁶.

В то же время съезд указал, что в работе местных Советов имеется ряд существенных недостатков — отсутствие коллегиальности и недостаточная еще связь с массами; бюрократический стиль работы; недостаточная коренизация аппарата и сохранение в отдельных его звеньях нетрудовых элементов.

Съезд потребовал усиления работы кишлачных Советов в массах, еще более широкого вовлечения местных трудящихся, особенно середняков и женщин, в работу советских органов, дальнейшего очищения их от чуждых и примазавшихся элементов и т. д.¹⁷

Именно этими указаниями руководствовались партийные и советские органы при проведении очередных перевыборов в сельсоветы республики в 1928—1929 гг. На этот раз был избран в сельсоветы УзССР 33 931 человек (в том числе 8816 женщин), из них батраков — 9868, бедняков — 13 387, середняков — 8269, рабочих — 907 и т. д. Среди депутатов сельсоветов насчитывалось 4089 коммунистов, причем 518 членов партии были избраны председателями сельсоветов¹⁸.

Таким образом, перевыборы Советов в 1928—1929 гг. показали возросшую политическую активность трудящихся масс кишлака и аула; они способствовали оздоровлению и дальнейшему укреплению советского аппарата и улучшению его работы.

Состав сельских Советов был обновлен на 73%, районных — на 60% и т. д. Особенно отрядным было резкое увеличение удельного веса женщин в составе депутатов сельсоветов — с 12% в 1926/27 г. до 26% в 1928/29 г. Следует отметить также, что 68,6% членов сельсоветов были колхозниками, а среди председателей сельсоветов было 73,7% колхозников¹⁹.

Все это способствовало значительному улучшению работы низового советского аппарата. Кишлачные Советы становятся центрами сплочения трудового дехканства и принимают все более активное участие в хозяйственной и политической жизни кишлака. Они сыграли большую роль в борьбе против кулацко-байских элементов, проведении земельно-водной реформы и подготовке к сплошной коллективизации сельского хозяйства республики. Много внимания уделяли сельсоветы и вопросам культурного строительства, ликвидации неграмотности, раскрепощению женщин местных национальностей и т. д.

Важным этапом в укреплении и развитии сельских Советов республики явились годы первой пятилетки, когда в нашей стране, в том числе в Узбекистане, решалась историческая задача построения фундамента социалистического общества. Грандиозная программа первого пятилетнего плана, коллективизация сельского хозяйства, борьба за хлопковую независимость СССР — все это выдвигало необходимость коренной перестройки работы партийных и советских органов, в том числе сельских Советов Узбекистана.

Развернувшееся по всей стране строительство социализма требовало особенно слаженной, четкой, оперативной работы советского аппарата, ликвидации в нем излишних звеньев. В связи с этим в июне 1930 г. ЦИК и СНК Союза ССР приняли постановление о ликвидации округов. Новое административное районирование было проведено и в Узбекистане. Вместо 10 округов, 89 районов и 1751 сельсовета в республике было создано 9 горсоветов, 73 района и 1696 сельсоветов.

Одновременно были приняты меры к укреплению сельских Советов. В 1931 г. Президиум ЦИК Советов УзССР утвердил Положение о сельских Советах, расширившее их права и полномочия. Были открыты новые курсы для подготовки председателей сельсоветов. Усилилось партийное руководство работой кишлачных Советов. Кишлачные Советы еще более упрочили связь с трудовыми массами дехкан-

¹⁴ ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 1, д. 6409, л. 63.

¹⁵ Резолюции и решения съездов Коммунистической партии Узбекистана, стр. 180.

¹⁶ Там же, стр. 152.

¹⁷ Там же, стр. 152, 180.

¹⁸ ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 1, д. 6409, л. 65.

¹⁹ ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 1, д. 6448, л. 84.

ства, решительно повернувшего на путь коллективизации.

Местные Советы стали уделять больше внимания вопросам хозяйственного и культурного строительства. Для этого при них были созданы секции — труда, торгово-кооперативные, местного хозяйства и благоустройства, здравоохранения, сельскохозяйственные, культурно-просветительные финансово-налоговые, бытовые, рабоче-крестьянская инспекция. Советы становятся руководящим звеном социалистического сельскохозяйственного производства, инициаторами социалистического соревнования колхозников, подлинной опорой партии в деревне.

Дальнейшему улучшению работы сельсоветов способствовали перевыборы их в 1930—1931 гг., в результате которых 88% депутатов сельсоветов составили бедняки, батраки и рабочие. На долю членов колхозов приходилось почти $\frac{3}{4}$ всех депутатов кишлачных Советов²⁰. Почти половина председателей сельсоветов были коммунистами.

В целях укрепления сельских Советов в 1931 г. было решено сократить их число за счет наиболее слабых сельсоветов. После сокращения в республике осталось 1195 сельсоветов вместо 1698²¹.

Партийные и советские органы республики усиливали контроль и руководство деятельностью местных Советов, поправляли допущенные ими ошибки, помогали рабоче-дежканским депутатам учиться

управлять государством, энергично боролись с попытками кулацко-байских и прочих эксплуататорских элементов пролезть в Советы и вести там подрывную работу.

Все это способствовало значительному улучшению деятельности сельских Советов Узбекистана. Особенно хорошо работали сельсоветы: Хаджаабадский (Джэлялкудукского района), Сайванский (Джизакского района), Султанабадский (Нарпайского района), Пахтаабадский (Андижанского района), Калининский (Ташкентского района), Авульский (Мирзачульского района) и др.

За большие успехи в организационно-хозяйственном укреплении колхозов и в руководстве работой сельсоветов ЦИК Советов УзССР 27 января 1933 г. премировал 13 председателей сельсоветов республики денежными премиями, 4 председателей — путевками на курорты и в дома отдыха²².

Так благодаря огромной помощи Коммунистической партии и Советского правительства сельские Советы УзССР выросли к концу первой пятилетки в большую силу, стали подлинными проводниками генеральной линии партии в узбекском кишлаке и внесли значительный вклад в борьбу за выполнение первого пятилетнего плана, за подъем хлопководства, коллективизацию сельского хозяйства и победу социализма в Советском Узбекистане.

Т. М. Арипов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ГОРОДИЩЕ ТОК-КАЛА В 1959 ГОДУ

Летом 1959 г. археологический отряд сектора истории Каракалпакского комплексного научно-исследовательского института АН УзССР¹ произвел рекогносцировочные раскопки городища Ток-кала (близ Нукуса), первоначально обследованного еще в 1958 г.²

Ранее это городище не подвергалось специальному археологическому обследованию, но о существовании его было известно уже давно. Крепость Ток неоднократно упоминается у Абулгази³ и в хивинской хронике Муниса и Агехи⁴.

Довольно подробное описание городища было сделано в XIX в. ориенталистом А. Гребенкиным⁵. Ток-кала упоминается и в работах других авторов⁶, а легендарные

²² «Кизил Узбекистон», 14 февраля 1933 г.

³ Абул-Гази Бахадур-хан, Родословное древо тюрков, «Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. XXI, вып. 5—6, 1905, стр. 203, 207, 245.

⁴ См. Я. Г. Гулямов, История орошения Хорезма, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1957, стр. 188.

⁵ См. А. В. Каульбарс, Низовья Аму-Дарьи, Описание по собственным исследованиям в 1873 г., «Записки РГО» по общей географии, т. IX, СПб., 1881, стр. 451—452.

⁶ В. Лохтин, Река Аму-Дарья и ее древнее соединение с Каспийским морем, СПб., 1879, стр. 66—67; А. Гедройц, Предварительный отчет о геологических исследованиях на сухих руслах Аму-Дарьи, «Известия РГО», XVIII, вып. 2, 1882, стр. 95; Гиршфельд и Галкин, Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, ч. II, Ташкент, 1908, стр. 53—54.

²⁰ ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. I, д. 6448, л. 84.

²¹ «Кизил Узбекистон», 28 июня 1932 г.; ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. I, д. 6167, л. 70.

¹ Ныне Каракалпакский филиал АН УзССР.

² А. В. Гудкова и В. Н. Ягодин, Некоторые итоги археологических работ сектора истории Каракалпакского комплексного научно-исследовательского института АН УзССР в 1958 году, «Известия АН УзССР», сер. общ. наук, 1960, № 1, стр. 41—49.

сведения о ней приводятся у Я. Г. Гулямова⁷. В 1950 г. городище посетил этнографический отряд Хорезмской экспедиции, руководимый Т. А. Жданко⁸.

Городище Ток-кала расположено на небольшом холме Ток-тау в 14 км к северо-западу от г. Нукуса. Холм, сложенный конгломератами и глиной⁹, достигает 11 м в высоту. Западный склон его крутой, а остальные — пологие — местами прорезаны промоинами. На плоской вершине холма и его южном склоне расположено городище, площадь которого равна примерно 8,2 га. Южная часть его занята мусульманским кладбищем. С восточной стороны у подножия холма идет земляной вал, не связанный с конструкциями городища.

Городище представляет собой систему оплывших стен и бугров на месте бывших строений (рис. 1). Северная часть его состоит из цитадели и примыкающего с востока двора. В северной и восточной стенах хорошо прослеживается коридор. На каждой из них имеется по три башни, причем в башнях северной стены видны внутрибашенные помещения. Западная стена и западная часть южной стены до ворот достигают в ширину 20—25 м.

На поверхности этих стен местами видна кладка из квадратного сырцового кирпича (40×40 см). Вероятно, здесь в толще стен скрыты какие-то помещения. Западная стена сильно смыта. Судя по направлению коридора, на северо-западном углу находилась башня, имевшая характерную форму «ласточкина хвоста». От него сейчас осталась лишь северная половина. Расположение башен на северо-восточном и юго-восточном углах цитадели позволяет предполагать, что первоначально они имели ту же форму, но затем их части совпали со стенами восточного двора и оказались, таким образом, скрытыми.

Вход в цитадель шел через ворота в южной стене. В качестве естественного пандуса было использовано пологое дно широкой промоины на склоне холма.

На склоне перед воротами расположено два бугра, сложенных из сырцового кирпича, размеры которого определить не удалось.

Восточный двор имеет иной облик. Стены его сложены из квадратного сырцового кирпича со стороной 34, 35, 36 или 37 см. Ни внутреннего коридора, ни башен, ни четко оформленных ворот здесь не обнаружено. К северной и восточной стенам

изнутри примыкают какие-то помещения в виде плоских невысоких возвышений. Во дворе сохранились остатки строений из квадратного сырцового кирпича размером 30×30×6—7 см, достигающие сейчас 2 м высоты.

Восточная стена двора прорезана глубокой промоиной, позволившей установить, что стена поставлена на материке. К восточному двору, у его юго-восточного угла, примыкают остатки стен, которые когда-то, возможно, образовывали южный двор. Южные склоны холма покрыты многочисленными большими и малыми буграми (остатки каких-то строений).

Осмотр городища с самолета позволил выявить следы широкого сухого русла, охватывающего холм у его подножия с запада и севера. Это русло отмечал в свое время А. Гребенкин¹⁰.

Вся площадь цитадели восточного двора, южного склона и бугров, находящихся там, покрыта рассыпями фрагментов керамики, стекла, жженого кирпича, шлаками и т. п. Особо отметим находку нескольких фрагментов алебастровых оссуариев. Анализ материала показал, что он охватывает значительный период — от II—III до XII—XIII вв. н. э.

В 1959 г. на городище было заложено два раскопа и подробно осмотрены окрестности городища. При этом был получен весьма интересный материал, позволяющий датировать отдельные части городища, а также судить о культурно-этнической принадлежности Ток-кала на разных этапах ее существования, о типе хозяйства населявших ее племен, географической среде, окружавшей обитателей Ток-кала, и т. д.

Раскоп I был заложен примерно посередине северной стены цитадели (рис. 2). Здесь были вскрыты стрелковый коридор в крепостной стене, башня с полуэллиптическим помещением, расчищены снаружи контуры башни и крепостной стены и частично выявлена внутренняя планировка у крепостной стены. Южная часть башни и часть стрелкового коридора, примыкающего к ней, перекрыты сплошной кирпичной кладкой из сырцового кирпича (38—39×38—39×8—9 см). Кладка сохранилась на высоту в 3 кирпича. Это — верхний строительный горизонт. К нижнему горизонту относится крепостная стена с коридором и башней. Нижняя часть стен возведена из пахсы, положенной сплошным монолитом, и стоит на материке. На высоте 1,5 м пахсовая кладка сменяется кладкой из сырцового кирпича (39—40×39—40×10—12 см). Пахсовые стены внутри коридора несколько расходятся кверху, а кирпичные поставлены вертикально.

Коридор на высоту пахсовых стен заполнен песчаной забутовкой. Это, как и ряд деталей в расположении слоев и стен, говорит о том, что пахсовые стены, за-

⁷ Я. Г. Гулямов, указ. соч., стр. 33.

⁸ С. П. Толстов, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 г., Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. II, М., 1958, стр. 34.

⁹ А. Д. Архангельский, Геологические исследования в низовьях Аму-Дарьи, Труды главного геолого-разведочного управления ВСНХ СССР, вып. XII, М. — Л., 1931, стр. 93.

¹⁰ А. В. Каульбарс, указ. статья, стр. 451—452.

Рис. 1 Городище Ток-кала (аэрофото).

полненные песком, использовались в качестве цоколя под кирпичную кладку.

Над забутовкой лежит уплотненный слой песка, служивший полом, затем песок с незначительными культурными остатками, слой горения и чистый навезенный песок.

вид канавы длиной 20 м и шириной 50 см, проложенной в материке под помещением № 1 и далее к западу от него (см. рис. 2). На дне ее на всем протяжении канавы проложены полностью сохранившиеся гончарные трубы, вставленные концами друг

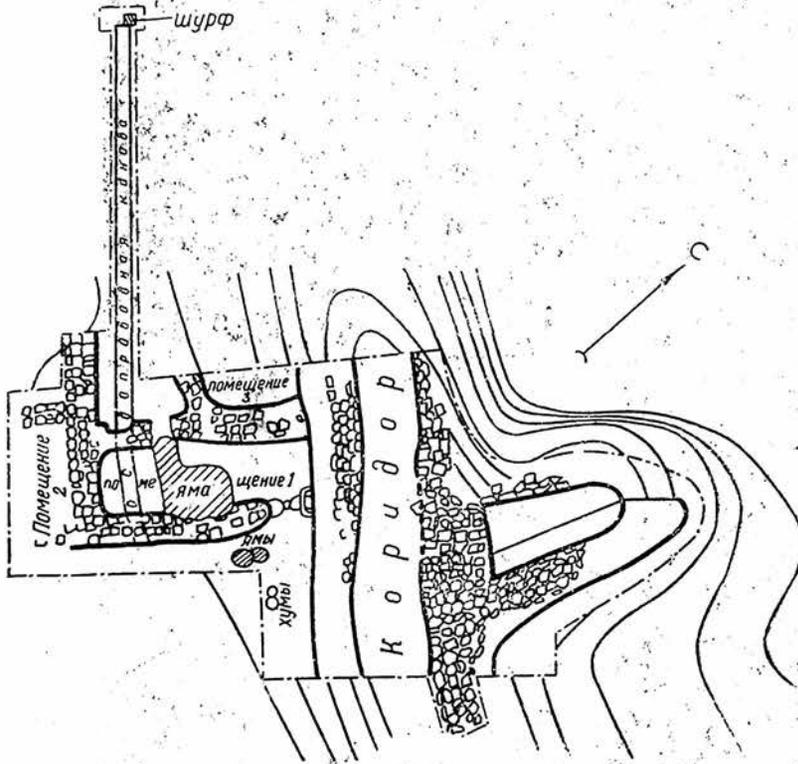

Рис. 2. Раскоп I. Общий план.

характерный для периода запустения. На нем и поставлена кирпичная закладка, перекрывающая башню и коридор.

Находки здесь очень скудны: немного костей животных, обломки ремесленного сосуда и ком необожженной глины с оттисками печатей.

Внутри цитадели вскрыто три помещения одного строительного комплекса из сырового кирпича, античного размера (40×40×10 см) и водосливная система, условно названная «водопровод».

Помещение № 1 и 3 примыкают к крепостной стене изнутри, а помещение № 2 — к помещению № 1 с юга. Между собой они не сообщаются. В восточной стене помещения № 1 имеется наружный проход. Помещение № 2 частично смыто, в помещении № 3 расколота только восточная часть. Ни в одном из них не найдено никаких конструктивных деталей или особенностей, которые говорили бы об их назначении.

Упомянутая выше водосливная система направлена с востока на запад и имеет

в друга. Стыки их обмазаны плотной зеленоватой глиной. «Водопровод» имеет уклон с востока на запад, величина падения 0,05.

Выходя из-под восточной стены помещения № 1, труба «водопровода» оказывается на современной дневной поверхности. Здесь она разбита, и от верхней части «водопровода» не сохранилось никаких следов.

Водопроводная канава на всем протяжении забита каменным грунтом с культурными остатками, выброшенными при ее прокладке. В 2 м от западной стены помещения № 1 на «водопровode» имеется смотровой колодец в виде круглой ямы. Стык труб в колодце обмазки не имеет.

От смотрового колодца «водопровод» тянется к западу еще на 13,5 м. Затем канава и проложенные в ней трубы неожиданно обрываются без всякого конструктивного завершения.

Заложенный в конце «водопровода» шурф выявил только ненарушенные мате-

риковые слои. Таким образом, назначение «водопровода» осталось пока неясным.

К востоку от помещения № 1 расчищенной вскрыто незастроенное пространство с двумя небольшими круглыми ямами и двумя вкопанными хумами (от них сохранились лишь нижние части).

Характерно, что на всем строительном комплексе почти полностью смыты все культурные слои и жилые поверхности. Заполнение до самого материка является результатом деятельности воды и ветра.

Результатом деятельности воды и ветра. Слои в помещении № 1 несколько нарушены большой впускной ямой, вырытой в уже заброшенном помещении.

Почти вся обнаруженная керамика была сконцентрирована в слое намывов, лежащих на материке, и непосредственно на материке.

Установлено, что если внутренняя стена стрелкового коридора стоит прямо на материке, то остальные стены помещения № 1 частично или целиком стоят на культурном слое или на грунте из «водопроводной» канавы. Толщина культурного слоя колеблется от 5 до 25 см. В нескольких местах на культурном слое под стенами и около помещения № 1 обнаружены небольшие участки дневной поверхности, на которой поставлено помещение № 1.

Под восточной стеной помещения № 1 хорошо видно, что канава «водопровода» прорезает культурный слой, а на его уровне в ней лежат положенные плашмя друг на друга два кирпича (видимо для того, чтобы выровнять место под стенкой и предотвратить ее просадку). Значит, строители помещения № 1 знали о существовании «водопровода».

Итак, стратиграфический анализ позволяет установить на раскопе I следующие горизонты:

- 1) культурный слой и дневная поверхность на материке;
- 2) крепостная стена со стрелковым коридором и башней;
- 3) планировка и «водопровод» внутри укрепления;
- 4) закладка на башне и в стрелковом коридоре.

Керамический материал раскопа I хорошо расчленяется на три хронологические группы. Керамика 1-й группы получена в основном из культурного слоя и с дневной поверхности под стенами помещения № 1, из заполнения «водопроводной» канавы и стрелкового коридора. Часть ее собрана в различных местах раскопа на материке. В количественном отношении материал этот весьма скуден, но его без колебаний можно отнести к рубежу I—II в. до н. э. Античный подземный материал с городища подтверждает эту датировку.

Характерными датированными формами являются днища небольших сосудов в ви-

де усеченного конуса¹¹, фрагмент венчика с горловиной небольшой хумчи, покрытой ярко-красным ангобом, и хумчи с росписью кругами красного ангоба на плечиках и тулове. Венчик имеет округлую в сечении форму, шейка отделена от плечиков характерным невысоким рельефным валиком¹².

Керамика 2-й группы представлена в основном толстостенными сосудами. Мелкая посуда здесь немногочисленна. Она аналогична позднекушанской керамике городища Куня-Уаз и Топрак-кала¹³, датированной III в. н. э. Характерная датированная форма — большой горшок с прямым венчиком и резко выделенными плечиками. Горшок сплошь покрыт красно-бурым ангобом с вертикально-полосчатым лошением¹⁴.

Большим количеством фрагментов представлены весьма характерные хумы. Сходные формы, датированные концом III — началом IV в., также известны по материалу Топрак-калы и Куня-Уаза¹⁵.

Венчики этих хумов отличаются простотой профилировки. Часто они представляют собой просто край стенки, либо имеют небольшое округлое утолщение, одинаково выдающееся наружу и внутрь сосуда и отделенное от тулова одной или двумя горизонтальными полосами, проведенными пальцем.

Метод формовки этих сосудов пока не совсем ясен. Признаков изготовления их на ножном гончарном круге или лепки лентами не обнаружено. Днищ, несомненно относящихся к этим хумам, не найдено. После изготовления хумы поправляли рукой или небольшой лопаткой шириной 2—2,5 см. Ею водили с сильным нажимом по горизонтали с легкими отклонениями.

Довольно длинные горизонтальные следы лопатки, как будто четкое горизонтальное направление полос, проведенных под венчиками пальцами, и относительно равномерная толщина стенок говорят о том, что сосуды изготавливались на какой-то поворачивающейся основе.

Обжиг сосудов в основном равномерный. Некоторые фрагменты покрыты светлым ангобом. К этой же керамической группе

¹² Подобные хумы многократно публиковались в работах Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. См., напр., М. Г. Воробьева, Керамика Хорезма античного периода, «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. IV, М., 1959, рис. 27, фиг. 31.

¹³ Е. Е. Неразник, Археологическое обследование городища Куня-Уаз в 1952 г., «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. II, М., 1958, стр. 375.

¹⁴ Там же, рис. 9, крайний слева во втором ряду сверху; М. Г. Воробьева, указ. статья, стр. 162.

¹⁵ М. Г. Воробьева, указ. статья, табл. «Керамика Хорезма античного времени».

¹¹ Подобные днища опубликованы в работе С. П. Толстова «Древний Хорезм» (М., 1948, рис. 22).

принадлежат и трубы «водопровода», сформированные отдельными поясами на ножном гончарном круге. Форму трубы можно приблизительно определить как цилиндр, составленный с усеченным конусом; очертания плавные, без резких перегибов. Диаметр широкого устья — 20 см, узкого — 12 см; обжиг печной, равномерный.

Для этой группы керамики стратиграфически определяется лишь нижняя граница ее датировки. Вся она, за исключением одной хумчи из «водопроводной» канавы, полностью отсутствует в первом строительном горизонте и составляет основную массу находок, сделанных в слое, намытом на материке, и непосредственно на материке.

В целом она датируется по керамическим аналогиям Южного Хорезма концом III — началом IV в. н. э. Но возможно, что в периферийных районах подобная керамика появляется значительно раньше.

В этом же залегании обнаружены в небольшом количестве и фрагменты керамики 3-й группы, совершенно не выделяющейся стратиграфически, но очень четко определяемой типологически, как и афригидская керамика. Представлена она ранними формами, характерными для VI в. или бытующими на протяжении всего афригидского периода. Публикации этой керамики уже не раз появлялись в печати¹⁶.

Из прочих находок отметим небольшие фрагменты керамических оссуариев, обломки каменных зернотерок, терочников, жерновов и жженных кирпичей. На полу стрелкового коридора найден кусок необожженной глины с оттисками нескольких круглых печатей, изображения на которых представляют собой сложные, в целом асимметричные комбинации рельефных полос и точек; смысл их не ясен.

Анализ керамики позволяет следующим образом датировать установленные на раскопе горизонты:

1. Культурный слой и дневная поверхность на материке, принадлежавшие, вероятно, какому-то поселению, — рубеж I—II вв. до н. э.

2. Само укрепление и «водопровод»; построенные, возможно, одновременно, но относящиеся к одному периоду, — III — начало IV в. н. э.

Закладка на башне и в части коридора сейчас не может быть датирована.

Как находки на раскопе I, так и структурно-архитектурные особенности античной крепости Ток-кала позволяют поставить ее в один ряд с другими памятниками

¹⁶ С. П. Толстов, Древний Хорезм, табл. 51; А. И. Тереножкин, О древнем гончарстве в Хорезме, «Известия УзФАН», 1940, № 6, стр. 54 — 64; Е. Е. Неразник, Керамика Хорезма афригидского периода, «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. IV, стр. 232 — 234.

ками древнего Хорезма — Аяз-калой I и Гяур-калой (в горах Султан-Уиздаг). Для них характерно наличие стрелкового коридора в крепостной стене, скругленная форма башен посреди стены, угловые башни в форме «ласточкина хвоста», наличие под кирпичными стенами пахового цоколя с забутовкой. Интересно, что на Гяур-кале также была обнаружена водосливная система, определяемая ее исследователями как дренаж¹⁷. Это — лоток, выложенный из каменных плит, но боковые стволы его сделаны из керамических труб, сходных с трубами Ток-калы.

К числу аналогий между Аяз-калой I и Ток-калой надо отнести и наличие сторожевой башни¹⁸. Аяз-калу I С. П. Толстов определяет как пограничную крепость Кушанской империи¹⁹. Того же взгляда на Гяур-калу придерживаются Ю. А. Рапопорт и С. А. Трудновская²⁰. К этому же типу крепостей мы склонны отнести и Ток-калу.

* * *

Раскоп II был заложен на невысоком, плоском, прямоугольном возвышении, примыкающем к внутренней стороне к середине северной стены восточного двора городища. Было раскопано три помещения и начаты раскопки четвертого.

Два помещения — № 1 и 3 — однотипны по планировке и размерам. В плане оба помещения подпрямоугольные. Стены их сложены из квадратного сырцового кирпича (34×34×9—8, 36×36×9—8, 37×37×9—8). Помещение № 1 имеет размеры 650×375 см. Помещение № 3 полностью замерить не удалось, поскольку южная часть его совершенно размыта.

В обоих помещениях вдоль стен (кроме южной) расположена низкая кирпичная суфа. В центре помещения находится подпрямоугольный открытый очаг — обмазанная глиной площадка, огражденная невысоким глиняным валиком. Круглое углубление в центре очага забито светло-серым пеплом. Глина очага обожжена до интенсивно-красного цвета. В юго-восточном углу помещения № 1 расположен прямоугольный заком, стены которого сложены из поставленных на ребро сырцовых кирпичей.

Под полом помещения № 1 нами обнаружены какие-то конструкции производ-

¹⁷ Ю. А. Рапопорт и С. А. Трудновская, Городище Гяур-кала, «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. II, стр. 356 — 358.

¹⁸ Развалины башни, известной под названием Динг, находятся в 5 км к юго-востоку от Ток-калы.

¹⁹ С. П. Толстов, По следам древне-хорезмийской цивилизации, М., 1948, стр. 159; его же, Древний Хорезм, стр. 104.

²⁰ Ю. А. Рапопорт и С. А. Трудновская, указ. статья, стр. 366.

ственного характера, но в 1959 г. их не удалось исследовать.

В южной и восточной стенах помещения № 1 имеются проходы. Есть проход и в восточной стене помещения № 3. Вероятно, в южной стене этого помещения также был проход. Проход в восточной стене соединяет помещения № 1 с № 2, а помещение № 3 — с № 4.

Помещение № 2 также подпрямоугольно в плане, но здесь нет ни суф, ни очагов. В юго-восточном углу его находится закром, как в помещении № 1, а в северо-восточном углу — неглубокая прямоугольная яма.

Раскопами выявлено, что помещения № 1 и 2 объединяются в единый комплекс: первое является жилым, а второе — хозяйственным. Помещения № 3 и 4 также объединяются в комплекс (вероятно, аналогичный первому).

Жилые помещения по общей планировке напоминают планировку помещений шести верхних слоев «горизонта жерновов» Алтын-Асара²¹. Верхние слои этого горизонта датируются VI в. н. э.²² Подобную же планировку имеют некоторые жилые помещения Куюк-калы²³, а также ряда замков Беркут-калинского оазиса²⁴, датируемых VII—VIII вв. н. э.

В слоях, заполнявших раскопанные помещения, сделано большое количество находок. Среди них наиболее обильно представлена керамика.

Для всего керамического материала весьма характерно уже отмеченное нами для подъемного материала Ток-калы сочетание афригидских форм керамики (в основном больших хумов-пифосов и водонесных кувшинов, изготовленных на гончарном круге) с лепной керамикой так называемого «эфталито-тюркского» облика. В керамическом комплексе, полученном из раскопа II, мы имеем ту же картину. При чем преобладает керамика «эфталито-тюркского» облика, а керамика афригидская представлена лишь отдельными сосудами. Налицо, таким образом, две типологические группы керамики.

²¹ С. П. Толстов, Археологические работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР в 1951 г., «Советская археология», XIX, М., 1954, стр. 252.

²² С. П. Толстов, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. II, стр. 250.

²³ Е. Е. Неразник, Ю. А. Рапопорт, Куюк-кала в 1956 г., Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 1, «Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1954—1956 гг.», М., 1959, стр. 131—132.

²⁴ Е. Е. Неразник, Раскопки в Беркут-калинском оазисе в 1953—1956 гг., «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 1, стр. 119.

Остановимся на характеристике керамики первой группы (лепной).

Эта керамика довольно разнообразна по формам. Тут и небольшие кувшинчики с вертикальной ручкой (рис. 3, фиг. 1—3), и большие керамические миски (рис. 3, фиг. 4), и целая серия горшков с вертикальной ручкой (рис. 3, фиг. 5, 6, 8, 9), а также фрагменты каких-то очень больших сосудов с диаметром горловины 36—40 см (рис. 3, фиг. 7).

Весьма интересны фрагменты нескольких вазобразных курильниц на высокой ножке с вертикальной ручкой. Одну из них удалось восстановить полностью (рис. 3, фиг. 11). Небольшие кружки (рис. 3, фиг. 10) с вертикальной ручкой близки по форме к отмечавшимся большим горшкам. Весьма многочисленны находки фрагментов круглых сковород с низким вертикальным бортиком.

Технология изготовления этих сосудов одинакова. Все они имеют в керамической массе примеси, хорошо видимые на изломе при небольшом увеличении. Для примесей, как правило, использовался мелкомолотый шамот. Проминка массы плохая, на изломе черепков обычно видны пустоты, поры и сложная структура плохо промышанной массы. Сосуды изготавливались путем последовательного налепа глиняных лент одна на другую. На ряде сосудов удалось проследить линии сращивания этих лент. Ручки формировались отдельно и примазывались к готовому сосуду. Отдельные мелкие сосуды лепились из целого куска глины. Лепка велась с применением круглой подставки и подсыпки под сосуд. В качестве подсыпки применялся песок или зола, а сковороды лепились на подсыпке из шелухи проса. На дне многих сосудов хорошо сохранились отпечатки круглой подставки со следами затекания глины за ее края.

Неравномерная окраска горшков на изломе, красный цвет у поверхности, темная недожженная полоса в середине, а также внешняя поверхность сосудов, испещренная углисто-серыми («задувка») и ярко-красными («поджоги») пятнами, свидетельствуют об обжиге сосудов на открытом огне.

Внешняя поверхность сосудов часто имеет украшения. На небольших кувшинчиках с вертикальной ручкой (рис. 3, фиг. 1, 2) нанесен, как правило, однотипный орнамент, прочерченный по сырой глине и расположенный двумя поясами. Верхний пояс — на плечиках сосудов — представляет собой горизонтальную «елочку», ограниченную сверху и снизу прочерченными линиями. «Елочка» нанесена короткими насечками. Нижний пояс — на тулове сосуда — составляют незамкнутые треугольники, вписанные друг в друга (обычно по три) и опирающиеся вершинами на нижнюю ограничивающую линию верхнего пояса. Орнамент в целом нанесен небрежно. Но на нескольких кувшин-

чиках, имеющих лощение по серому фону, подобный орнамент нанесен более тщательно. Отдельные сосуды скупо украшены насечками или вдавлениями на внешней стороне закраин сосудов, наклепными шишечками (на миске одиночными, на горшках — парными), волнистыми наклепами, зашипами, наклепами с поперечной насечкой. На тулове ряда сосудов отмечается грубое вертикальное рифление.

Следы копоты на внешней поверхности отмечаются обычно на горшках. Мелкие сосуды — кувшины, кружки — не закопчены: они использовались, вероятно, в качестве столовой посуды.

вает наша лепная керамика и с керамикой Джеты-асарской группы городищ. Наибольшим сходством здесь отличается керамика из верхних слоев крупнейшего памятника этой группы — Алтын-Асара (V—VI вв. н.э.).

Отдельные фрагменты керамики этого типа были найдены в Южном Хорезме на нескольких афригидских замках Беркут-калинского оазиса²⁸.

Надо сказать, что часть сосудов описанной группы весьма архаична по своим формам. На ряде фрагментов архаические черты выражены столь сильно, что если бы они были найдены за пределами городища, их легко можно было бы отнести к

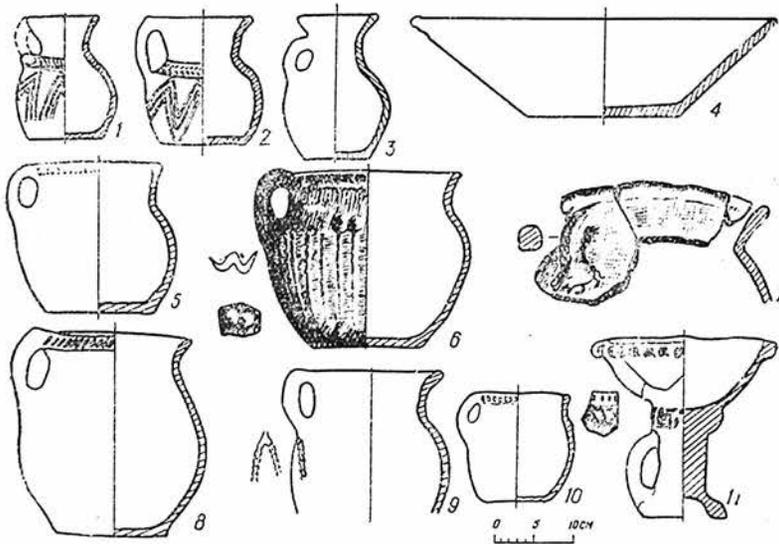

Рис. 3. Лепная керамика «афталито-тюркского» типа.

По ряду форм, по технологическим приемам и системе орнамента эти сосуды находят себе непосредственные аналоги в керамике из верхнего слоя Куюк-калы, датированной началом VIII в. н. э.²⁵, в керамике «болотных городищ» Куюк-кала и Кесен-Куюк-кала, Северо-Восточного Приаралья. Для «болотных городищ» наблюдается сходство только для первой группы керамики, выделенной С. П. Толстовым²⁶ и датированной им серединой I тыс. н. э.²⁷ Определенное сходство обнаружи-

одной из культур бронзового века Хорезма.

Вторая группа керамики немногочисленна и представлена ремесленными сосудами форм, хорошо известных по керамике афригидского времени в Хорезме.

Это прежде всего водоносные кувшины с раздутым вертикально вытянутым яйцевидным туловом, плоским дном, низким с расходящимися наружу стенками горлом и плоской в сечении вертикальной ручкой. Закраина кувшина оформлена венчиком, подтреугольным в сечении. Сосуд имеет слив, образованный простым оттягиванием венчика.

²⁵ С. П. Толстов, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг., «Советская археология», 1958, № 1, стр. 131—132; Е. Е. Неразник, Ю. А. Рапопорт, указ, статья, стр. 142.

²⁶ С. П. Толстов, Города гузов, «Советская этнография», 1947, № 3, стр. 68—69.

²⁷ С. П. Толстов, Археологические работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1951 году, «Советская археология», XIX, 1954, стр. 261.

²⁸ Е. Е. Неразник, Керамика Хорезма афригидского периода, «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. IV, стр. 258—259; она же, Раскопки в Беркут-калинском оазисе в 1953—1956 гг., «Материалы Хорезмской экспедиции в 1954—1956 гг.», М., 1959, стр. 112 и рис. 10 (фиг. 4).

Затем следует назвать довольно многочисленные фрагменты крупных хумов со слегка выпуклым дном, несколько раздутым туловом и вытянутым вертикально венчиком, иногда с двумя ребристыми выступами, опоясывающими горло. На ряде фрагментов хумов имеется прочерченный волнистый орнамент (как правило, на венчике). Описанные формы в Южном Хорезме датируются VI—VIII вв. н. э.²⁹

В культурном слое помещений найдено значительное количество медных монет, а в помещении № 2—клад из 410 медных монет и трех железных вещей. По предварительному определению, большинство монет принадлежат так называемому чекану Хангири³⁰. Клад находился в неглубокой яме в глиняном полу помещения, прикрытой тонким слоем обмазки. Обращает на себя внимание факт закладки единственного прохода, ведущего в помещение № 2, где находился клад. Вероятно, вещи были спрятаны перед лицом какой-то опасности, а для большей надежности проход в помещение с кладом был закрыт.

Из прочих находок заслуживают упоминания разнообразные поделки из кости, кольцо, костяные клинки, обломок какой-то лопаточки, бронзовая пряжка, биконические глиняные пряслица, каменные бусы, изготовленные путем простого просверливания цилиндрического отверстия в гальке подходящей формы. Кроме того, найдено довольно много костей со следами обработки: спилки, подтески, шлифовки и т. п. Судя по этим находкам, кость широко использовалась в качестве поделочного материала.

Основываясь на аналогиях к нашему материалу, мы можем датировать раскопанные нами помещения и их культурный слой VII—началом VIII в. н. э.

Уже предварительный анализ материала из раскопок позволяет судить об общем типе хозяйства населения Ток-калы в афригидское время.

Находки жерновов, шелухи проса, отпечатков зерен проса на сосудах, закромов для хранения зерна и такого орудия, как заступ, говорят о развитии земледелия.

Анализ крупномасштабных аэрофотопланов и авиавизуальное обследование окрестностей городища позволяют увидеть

²⁹ А. И. Тереножкин, О древнем гончарстве в Хорезме, «Известия Узбекстанского филиала Академии наук СССР», 1940, № 6, стр. 56; С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 144—145; Е. Е. Неразик, Керамика Хорезма афригидского периода, «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. IV, стр. 232 и след.

³⁰ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 191.

³¹ А. В. Гудкова и В. Н. Ягодин, указ. статья, стр. 43.

сквозь пеструю паутину современных полей русла древнейших речных протоков. Одно из них, наиболее крупное, проходило непосредственно у подошвы холма, на вершине которого расположена Ток-кала, огибая его с запада и севера. Наличие русел старых дельтовых протоков и расположение городища непосредственно на берегу одного из них позволяют считать, что русла функционировали при жизни памятника, и городище находилось в условиях увлажненного, болотистого дельтового ландшафта.

Надо полагать, что в болотистой, сильно обводненной местности посевы в основном были «каирного» типа, т. е. с использованием высокостоящих грунтовых вод. В подобных условиях земледелие, несомненно, носило примитивный характер и играло подсобную роль в хозяйстве.

Большой удельный вес в хозяйстве древних обитателей Ток-калы занимало рыболовство. Культурный слой в помещениях восточного двора буквально переполнен костями и чешуей рыб.

Определенную роль в их хозяйстве играло и скотоводство. При раскопках в восточном дворе найдено немало фрагментов костей крупного и мелкого рогатого скота.

В итоге раскопок 1959 г. на Ток-кале частично восстановлена история жизни памятника. На рубеже I и II вв. до н. э. на бугре Ток-тау существует какое-то поселение, о котором мы пока не знаем никаких подробностей. В III в. здесь возникает одно из пограничных укреплений Хорезма. В дельте хорезмийский материал этого времени дают Кран-тау и Порлы-тау³¹.

Весьма знаменательно, что все памятники этого периода стоят на берегу Аму-Дарьи или ее староречий и контролируют все нижнее течение реки.

В VI в. на Ток-тау поселяются носители материальной культуры, отличной от афригидской культуры Хорезма и условно определяемой сейчас как «эфталито-тюркская». Племена с аналогичной культурой и таким же комплексным типом хозяйства известны по «болотным городищам» близ Казалинска и группе памятников Джеты-Асар, причем там представлены более ранние этапы этой культуры. Очевидно, в VI в. с севера в Хорезм продвигаются племена из Восточного Приаралья. Возможно, что именно на основе этих новых этнических элементов в дельте Аму-Дарьи и возникает известное по источникам для периода арабского завоевания независимое от Хорезма владение Кердер³², население которого говорило на особом языке, отличным от хорезмийского и от тюркского³³.

Обнаружение обширного «эфталито-тюркского» поселения на Ток-кале застав-

³² Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. II, стр. 146.

³³ Там же, стр. 431.

ляет нас пересмотреть высказанное ранее предположение о том, что Ток-кала в этот период, а также Кран-тау и Хайван-кала принадлежали к поселениям собственно хорезмийского типа³⁴. Впрочем, ввиду малой археологической изученности дельты всякие выводы носят лишь предварительный характер.

Подъемный материал с Ток-калы свидетельствует о том, что жизнь на ней продолжалась до XIII в., но в какой форме — пока неизвестно, тем более, что некоторые части памятника еще не затронуты раскопками.

А. В. Гудкова, В. Н. Ягодин

---

³⁴ А. В. Гудкова и В. Н. Ягодин, указ. статья, стр. 46.

НОВЫЙ ТРУД ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ КАРАКАЛПАКИИ

В 1960 г. вышла в свет книга члена-корр. АН УзССР Я. М. Досумова «Очерки истории Кара-Калпакской АССР (1917—1927 гг.)»¹, посвященная одному из важных и в то же время слабо изученных периодов истории Советской Каракалпакии.

В своем предисловии автор справедливо указывает, что глубокая марксистско-ленинская разработка истории Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в национальных республиках Советского Востока имеет огромное теоретическое, практическое и международное значение.

Автор ставил своей задачей «показать объективные социально-экономические предпосылки и закономерность победы социалистической революции в Каракалпакии; активное участие местных трудящихся масс в свершении Октябрьской революции, упрочении Советской власти и социалистическом строительстве; руководящую и направляющую роль Коммунистической партии и огромное значение братской помощи великого русского народа в победе Октябрьской революции, разгроме внутренней и внешней контрреволюции и социалистическом преобразовании Каракалпакии»².

Задача, как мы видим, весьма сложная и ответственная. И надо сказать, что автору вполне удалось справиться с ней, хотя он, как говорится в предисловии к книге, и не претендовал на полное и всестороннее освещение истории Каракалпакии за 1917—1927 гг.

Книга представляет собой плод многолетней исследовательской работы автора, результат основательного изучения и обобщения обширного фактического материала, почерпнутого прежде всего из архивов Москвы, Ташкента, Нукуса, Ургенча, и в

¹ Я. М. Досумов, Очерки истории Кара-Калпакской АССР (1917—1927 гг.), отв. редакторы член-корр. АН УзССР Я. Г. Гулямов и доктор ист. наук Х. Ш. Иноятов, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1960, 316 стр. (Кара-Калпакский филиал АН УзССР).

² Там же, стр. 6.

этом заключается ее несомненное достоинство.

Монография состоит из предисловия, 4 частей (15 глав) и заключения и фактически охватывает отрезок времени с начала XX в. по 1927 г., т. е. до окончания восстановительного периода в Каракалпакии.

В первой части монографии освещаются социально-экономические отношения и политическое положение в дореволюционной Каракалпакии, характеризовавшиеся бесправием и угнетением трудящихся масс как русским царизмом, так и местными феодалами, господством патриархально-феодалных отношений, тормозивших развитие производительных сил края и обрекавших его на нищету и отсталость.

Можно полностью согласиться с выводом автора о том, что, несмотря на постепенное развитие элементов капитализма, социально-экономический строй в дореволюционной Каракалпакии был патриархально-феодалным.

В то же время автор на конкретных фактах показывает прогрессивное значение присоединения Каракалпакии к России, а также рассказывает о развитии национально-освободительного и революционного движения в Каракалпакии накануне Октябрьской революции под влиянием революционного движения русского рабочего класса.

Вторая часть монографии посвящена победе Великой Октябрьской социалистической революции в Каракалпакии. Я. М. Досумов правильно раскрывает предпосылки Октябрьской революции в Каракалпакии, конкретно-историческое своеобразие развития социалистической революции на этой колониально-национальной окраине бывшей царской империи под могучим влиянием революционных событий в центре России.

Приводимый автором фактический материал ярко свидетельствует об активном участии трудящихся масс коренного населения в установлении и упрочении Советской власти в Каракалпакии и еще раз подтверждает полнейшую несостоятельность клеветнических утверждений буржуазных фальсификаторов истории (вроде О. Кароу,

Б. Ханта и проч.) о том, что Октябрьская революция пришла в Среднюю Азию якобы «по телеграфу» и что коренное население будто бы отнеслось к ней «равнодушно» и даже «враждебно».

Автор убедительно показывает, что каракалпакский народ восторженно встретил Великую Октябрьскую социалистическую революцию, как залог свершения своих лучших надежд и чаяний, что победа Великой Октябрьской революции явилась поворотным пунктом в истории каракалпакского народа, как и всех народов нашей страны.

В книге приводятся интересный и ценный материал из истории создания и деятельности большевистской организации Аму-Дарьинского отдела.

Автор останавливается также на тех трудностях, которые приходилось преодолевать молодой Советской власти в Каракалпакии в первый период после победы Октября.

Третья часть монографии посвящена истории Каракалпакии в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции. В ней на большом фактическом материале показано, как трудящиеся Каракалпакии под руководством Коммунистической партии стойко защищали родную Советскую власть от натиска внутренней и внешней контрреволюции. С интересом читаются страницы, повествующие о героической обороне Турткуля от басмаческих банд Джунаид-хана.

Следует отметить, что события гражданской войны в Каракалпакии рассматриваются автором в неразрывной связи с положением на других фронтах в Средней Азии и во всей стране.

Материалы третьей части работы вновь подтверждают замечательные слова В. И. Ленина о том, что «никогда не победают того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда»³.

Четвертая часть монографии охватывает период 1921—1927 гг., когда советский народ, победоносно завершив гражданскую войну, приступил к мирному созидательному труду. Автор умело показывает трудовой героизм народных масс, сумевших, несмотря на колоссальные трудности, успешно восстановить народное хозяйство страны, в том числе и Каракалпакии. Здесь рассказывается о том, как Коммунистическая партия вовлекала трудящих-

ся Каракалпакии в управление государством и как в результате ленинской национальной политики партии была образована Каракалпакская Автономная Область, создание которой во многом способствовало дальнейшему подъему экономики и культуры каракалпакского народа.

Автор сумел показать мобилизующую и организующую роль Коммунистической партии и ее местных организаций, рост влияния большевиков в массах трудящихся местных национальностей.

В книге освещается также ход партийно-советского строительства в Каракалпакии, хотя этому вопросу отведено сравнительно мало места. На конкретных фактах и цифрах показывается и развитие культурной революции в исследуемый период.

Очень много внимания уделяется укреплению дружбы народов и той огромной помощи, которую оказывало каракалпакскому народу центральное Советское правительство и великий русский народ как в годы гражданской войны, так и в период восстановления народного хозяйства.

Оценивая монографию Я. М. Досумова как большой положительный вклад в разработку истории Каракалпакии, следует указать и на отдельные ее недостатки.

К сожалению, автор не дает широкого критического обзора использованной литературы и в то же время слишком подробно пересказывает содержание отдельных решений съездов, инструкций и т. п. (см. стр. 275—276, 290—291 и т. д.). Вместо этого лучше было бы шире показать конкретное участие народных масс в советском строительстве и управлении государством. Мы считаем, что целесообразнее было бы объединить XII и XIV главы, посвященные одному и тому же вопросу — партийному и советскому строительству. Надо было подробнее осветить историю Ходжейлинского, Кунградского и Кипчакского районов до 1924 г., тем более, что она почти не освещена в исторической литературе. Гораздо больше внимания следовало уделить состоянию народного образования в дореволюционной Каракалпакии, а особенно развитию культурной революции в 1917—1927 гг.

В монографии встречаются и отдельные неточные выражения. Так, на стр. 46 автор, характеризуя судебную систему дореволюционной Каракалпакии, неверно употребляет определение «местные народные суды».

Но несмотря на все эти недостатки, книга Я. М. Досумова несомненно заслуживает положительной оценки, как важный вклад в изучение истории Советской Каракалпакии.

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 29, стр. 292.

КНИГА О ПРОГРЕССИВНОМ ПОЭТЕ СОВРЕМЕННОГО ИРАНА

В 40-х годах XX в. в иранскую литературу приходит плеяда молодых поэтов и прозаиков, в произведениях которых отразился новый этап освободительной борьбы иранских трудящихся. Их творчество отличается реалистическим отображением жизни и боевым духом. Герои их произведений борются за свободу и счастье иранского народа. Это особенно характерно для творчества таких писателей и поэтов, как Садек Хедаят, Бозорг Аляви, Эхсан Табари, Мохаммед Али Афраште, Жале Бади, Ахмед Садек, Бех-Азин и др.

Жизни и творчеству одного из видных представителей этой плеяды — Э. Табари — посвящена изданная в 1959 г. книга канд. филол. наук Ш. Шамухамедова «Эхсан Табари»¹.

Советскими иранистами проделана значительная работа по изучению современной прогрессивной персидской литературы. Однако большинство работ лишь в общих чертах характеризует литературную жизнь современного Ирана и наиболее видных ее представителей.

Поэтому рецензируемую монографию об Эхсане Табари можно считать первым опытом изучения современной прогрессивной персидской поэзии².

В книге Ш. Шамухамедова подробно освещается жизнь и творческий путь Эхсана Табари — одного из руководителей национально-освободительного движения в Иране 40-х годов, талантливого поэта, творчество которого проникнуто революционным духом и гуманизмом.

Книга открывается стихами Эхсана Табари:

«Пока в руках моих есть сила
И есть огонь в груди моей,
Я все отдам борьбе за счастье,
За мир и равенство людей».

Эти слова ярко выражают жизненный путь поэта и идейное содержание его творчества, не отделимого от борьбы иранских трудящихся против гнета иностранных империалистов и внутренней реакции.

Первая глава книги представляет собой краткий биографический очерк о поэте, а затем дается подробный разбор его творчества.

Ш. Шамухамедов привлек к своему исследованию обширный материал — художественную прозу, публицистику и литературоведческие работы, а главное — поэзию Эхсана Табари, большая часть которой до сих пор еще не опубликована.

¹ Ш. Шамухамедов, Эхсан Табари, Очерк жизни и творчества, Ташкент, ГИХЛ УзССР, 1959, стр. 216.

² В области прозы подобной работой является книга Т. Г. Кешелавы — «Художественная проза Садека Хедаята», Тбилиси, 1958.

При этом автор использовал высказывания близких друзей поэта, общественных деятелей и соратников по борьбе и перу, а также многие работы иранских авторов и советских иранистов.

В книге хорошо раскрыта эволюция Э. Табари как теоретика, художника, литературоведа, публициста и общественно-го деятеля.

Жизнь и творчество Эхсана Табари освещаются прежде всего в связи с историей иранского народа, его борьбой за национальную независимость и социально-экономические реформы в годы второй мировой войны и особенно после нее; творчество Табари представлено как бы «летописью жизни и борьбы иранского народа за последние десятилетия».

Достоинство книги состоит и в том, что для раскрытия мировоззрения Табари, его творческих планов, взглядов на искусство и литературу автор почти полностью использовал публицистические произведения поэта. Среди них особого внимания заслуживает публицистико-философский труд «Страдание и надежда» («Шеканже ва Омид»), изданный в 1947 г., когда в Иране свирепствовала жестокая реакция, и среди некоторой части интеллигенции («попутчиков революции») начался идейный разброд и шатание. Как отмечает Ш. Шамухамедов, эта книга была призвана «поднять веру в правоту всенародного дела, разъяснить, что революционное движение может быть временно задержано, но никогда не может быть остановлено или повернуто вспять» (стр. 21).

Другое большое публицистическое произведение Э. Табари — «Две недели в героическом Советском Союзе» («До хафт дар кешвари кахрамане Жамахире Шоурав») — было издано им в 1948 г. в соавторстве с архитектором Кянури. В этой книге поэт излагает свои впечатления от посещения СССР в 1946 г. В ней выражаются глубокие симпатии иранского народа к великому северному соседу.

Завершая разбор публицистических трудов Табари, Ш. Шамухамедов приходит к логическому выводу о том, что публицистика Эхсана Табари является сильным оружием в борьбе иранского народа за его будущее, она «учит народ ненавидеть своих врагов, освободиться от оков империализма, внушает бодрость и смелость, воспитывает в народе стремление к прогрессу» (стр. 27).

В следующем разделе книги автор, анализируя литературоведческие работы Э. Табари, показывает, что в 40-х годах XX в. Табари выступает как один из ведущих идеологических руководителей иранской литературы и искусства. В своих статьях и докладах о литературе и искусстве он разъяснял их подлинные задачи и идеалы, направляя творческие силы молодых писа-

телей и поэтов на путь служения народу.

Особенно удачным, на наш взгляд, является последний раздел книги — «Язык и стиль», — где дается анализ художественного мастерства поэта. Автор не просто рассматривает те или иные стихи поэта, а сопоставляет ранние произведения Табари с более поздними, выявляя тем самым рост и зрелость его как художника. При этом отмечаются и отдельные творческие неудачи поэта.

Определенную ценность для всех изучающих и интересующихся современной персидской поэзией представляет также помещенное в конце книги приложение — стихи Табари, позволяющие читателю получить более полное и ясное представление о творчестве Эхсана Табари.

Отмечая все достоинства рецензируемой книги, необходимо сделать и ряд замечаний.

Прежде всего следует отметить, что автор не всегда критически подходит к оценке художественной прозы Табари и его писательского мастерства.

Художественная проза Табари (состоящая в основном из рассказов, сказок и басен на актуальные темы иранской действительности) при всех ее достоинствах — общей правильной трактовке темы, отдельных удачно написанных местах и образах (образ Меджид-аль-Возера из рассказа «Бура приближается», образ политического хамелеона Хурья из рассказа «Барометр» и др.) — в целом не свободна от ряда недостатков. Во многих произведениях отмечаются слабое художественное развитие характеров, преобладание схематизма вместо показа героев в действии, в борьбе, суховатый язык и т. п. Но эти моменты проходят мимо внимания автора рецензируемой книги.

Было бы желательно также более конкретное и точное определение места и значения творчества Э. Табари в современной литературе Ирана.

Следует отметить отдельные погрешности и некоторую вольность в переводе стихотворений Э. Табари, выполненном сти-

хами для данного издания В. С. Качаевым. Приведем некоторые примеры.

Стр. 63. Эхсан Табари пишет:

«Ман йаки нистам хезаро хезар,
Хамчо ман новджаване Эрани
Гадд алам карде мардо мардане
Зедд джанг-о фана-йо вайрани».

В переводе читаем:

«Я не одна — ряды бесконечны
Юных иранок, подобных мне,
Слышите гневное слово женщин:
Миру — мир! Проклятье войне!»

Следовало бы перевести:

«Я не одна — нас тысячи тысяч
Юных иранок, подобных мне,
Грудью своей мужественно вставших
Против угрозы войны, смерти, разру-
шений».

Стр. 80. Эхсан Табари пишет:

«Дар зир баруе Эсталинград
Казах-о украин, татар-о беларус,
Хамваре мардом аз ахле Волга
Аз шараф ва з пайман дефа намуданд».

В переводе читаем:

«Славный Сталинград, у твоих руин
Белорус, узбек, русский и грузин
За страну свою, за ее народ,
Защищая честь, встали как один».

Следовало бы перевести:

«У крепостных стен Сталинграда
За честь своей страны, за ее народ,
Вместе с волжанами сражались
Казах, украинец, татарин, белорус».

На наш взгляд, в подобной научной работе необходимо больше придерживаться подстрочного перевода, хотя стихи воспринимаются лучше.

В целом же книга Ш. Шамухамедова о жизни и творчестве Эхсана Табари представляет большой интерес и является ценным вкладом в изучение современной иранской литературы.

М. Яукачева

ВАЖНЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ТАШКЕНТА

Как известно, в конце XVIII в. в Средней Азии происходит определенный хозяйственный и политический рост, отразившийся в расширении ирригации, развитии товарно-денежных отношений, некотором преодолении феодальной раздробленности среднеазиатских ханств и усилении их экономических связей с Россией¹. Усиливается и караванная торговля среднеазиатских родов с Россией.

В экономических отношениях Средней Азии с Россией все большую роль начинает играть Ташкент, выделившийся в 80-х годах XVIII в. в самостоятельное владение (во главе с местными ходжами)² и ставший крупным торгово-ремесленным центром Средней Азии.

Правитель Ташкента Юнус Ходжа, стремившийся к расширению торговли с Россией, направил в 1794 г. специальное посольство к русской администрации в Сибири «для положения взаимной с ними (т. е. ташкентцами. — Э. Х.) торговли»³.

Русское правительство проявило большой интерес к предложениям Юнус Ходжи и поручило начальнику Сибирской линии генерал-лейтенанту Шtrandману послать в Ташкент своего представителя для установления непосредственной связи с Юнус Ходжой. В ноябре 1794 г. в Ташкент было снаряжено посольство сержанта А. С. Безносикова и Т. С. Бурнашева. Оно направилось в Ташкент не прямо, а через Бухару и Ходжент и было задержано

в Бухаре, «чему настояшею причиною было то, — писал Шtrandман 8 октября 1795 г. пермскому генерал-губернатору А. А. Волкову, — что между ташкентским ханом Юнусом и тем Шамрат беком (т. е. бухарским ханом Шах-Мурадом. — Э. Х.) существовало в недавнем пред тем времени великое несогласие»⁴.

Несмотря на старания Юнус Ходжи, посольство вынуждено было вернуться из Бухары в Россию.

В 1796 г. было снаряжено второе посольство в Ташкент — в составе А. Безносикова, подпоручика Д. Телятникова и переводчика Я. Быкова. На этот раз они благополучно достигли Ташкента и пробыли здесь около года (с лета 1796 до лета 1797 г.)⁵. Русское посольство было встречено в Ташкенте очень гостеприимно и получило возможность поближе ознакомиться с Ташкентским владением. Об этом свидетельствует подробное описание Ташкентского владения, принадлежащее Д. Телятникову. Составленное им «Объявление» является ценным источником по истории Ташкента конца XVIII в., тем более, что до сих пор еще не обнаружены местные источники по истории Ташкента указанного времени.

Часть «Объявления» Д. Телятникова (до слова «сукна» 10-го пункта) опубликована Ю. А. Соколовым; «далее, — говорит автор, — документ обрывается»⁶. Нам удалось обнаружить в Архиве внешней политики России полный текст данного документа, очевидно во втором экземпляре, подлинность которого засвидетельствовал Шtrandман.

Ниже приводится полный текст «Объявления» Д. Телятникова.

¹ См. «История Узбекской ССР», т. 1, кн. вторая, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1956, стр. 9 — 31.

² См. нашу статью «XVIII аср охирида Тошкентнинг сиёсий марказга айланиши», в кн. «Научные работы и сообщения», кн. 1, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1960, стр. 68 — 79.

³ Об установлении торгового сношения между Россией и Ташкентом, «Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии», вып. 12, Пермь, 1915, стр. 253.

⁴ Там же, стр. 259 — 260.

⁵ Ю. А. Соколов, Первое русское посольство в Ташкенте, ж. «Вопросы истории», 1959, № 3, стр. 169.

⁶ Там же, стр. 169 — 170.

«Казацкого Атамана Подпорутчика Телятникова

ОБЪЯВЛЕНИЕ

1-е город Ташкент стоит в долине при горе Алатау, искюей прюстекает речка Чирчик, которая посредством канала пушеною водою утунчат пашни, и доволъствует жителей того города, строение во оном глинянное, кроме мечетей и публичных училищ медресами именуемых, обывательских домов щитается до семи тысяч. 2-ое к означенному Ташкенту принадлежат города, Чимкент, Сарам, местечки: Нияс бек, Алтын тюбя, Карабулак, Сарапан, Темир и до десяти деревень, и из всех оных самое дальнейшее отстоит от того города по примеру затри или за четыре дни езды полагаая на каждой день по пятидесяти верст.

3-е жителей в самом Ташкенте щитается до десяти⁷, да вподначальных городах и местечках до трех, всего до тринадцати тысяч человек.

4-е Ханского войска в Ташкенте и вовсей области находится, до двух тысяч человек, которяя по большой части из беглых разных наций людей, яко то: калмыков, узбеков, куканцов, ходжанцов, и бухарцов; исприродных же Ташкинцов весьма мало. Войско сие вооружение имеет трюякое, некое число вооружено турками по их обыкновению беззамков с фитилями, другая имеют луки со стрелами, а инныя одни копы и сабли, и состоят на Ханском содержании.

5-е Ташкентской Хан имеет также весьма легкую артиллерию, чугунных и железных пушечок до дватцати, коими действуют против случающегося неприятеля с верблюдов.

6-е порох делается самими Ташкентцами и селитренной земли весьма изобильно, а притом и богатаго содержания, свинец же получается из Туркестанта, которой хотя выплавливают и в самом Ташкенте но весьма мало.

7-е Ташкент от внутренняго несогласия и между усобной брани предсим претерпел много бедствий, и управляем был четырью владельцами довременя нынешняго владельца как то: Юнус Хожи, промянованного уже напоследок ишенем: что значит Ханом: которой четыре власти предним бывшие истребив, приобрел означенное

⁷ Данные Телятникова о численности жителей Ташкента явно преуменьшены. Так, побывавшие в Ташкенте в 1800 г. Поспелов и Бурнашев сообщают, что «по примерному исчислению во всем городе полагать можно домов около 10 тысяч, жителей мужского пола до 40 тысяч» (См. «Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент, в 1800 году, с примечаниями Я. Ханыкова, «Вестник РГО», часть первая, книжка первая, СПб., 1851, стр. 29). — Э. Х.

Ханское достоинство, и находится уже во оном двенадцать лет, и достоинство сие уних ненаследственное. Со вступления в управление Ташкинцую помянутой Хан покорила сильныя две Киргис-кайсатския Юсунскую и чанчь Калинскую волости наложив на оныя дань, с каждой юрты по одному барану, обязав сии волости в военное время давать потребное число и вспомогательнаго войска.

8-е владелец сей со всеми соседями имеет вражду, кроме ходжанскаго, своим очень миролюбив. Дальнейших же успехов оружия Ханскаго почти нивчем не видно, запаснаго провианта имеет почислу своего войска доволное количество.

9-е Ташкинция изобилует, шелком, хлопчатую бумагою, пшеном сорочинским; изобильно также родится пшеница, ячмень проса гречуха, полба; ис фруктов, виноград, урюк, грецкие орехи; а ис плодов, яблоки груши дыни и арбузы.

10-е с нашей стороны область сия имеет нужду в железе меди, юфтовых кожах, яко весьма необходимых вещах покупают также сукна и верверет, но для наших купцов невыгодными ценами, ибо надобности в том имеют мало.

11-е Ташкент спринадлежащими городами и местечками граничит, свостоку скуканскою, с юго запада с ходжанскою областями, с северо востока с каменными киргизсцами, принадлежащими Китайцам, с северо западу с киргис-кайсакими владеющия же в вышеписанных областях беки именяются куканской Норбута ходжанской Худюар.

12-е обитатели Ташкента торговлю имеют с Бухарией, Ходжантам, Куканом, Кошкарией и даже до Тибета, кои разстоянием Бухария девять Ходжант по дороге ведущей к Бухару три, Кукан три, а Кашкария от Кукана чрез горы двенадцать дней, Тибет же из Бухарии около двух месяцев езды; из Бухарии получают шелковыя и бумажныя товары, ис Ходжанта и кукана хлопчатую бумагу, бязн и фрукты; ис Кашкарнии, китайки, фанзы чай и серебро, а ис Тибета кисей кушаки и прочия индейския товары.

13-е Касательнуж до учреждений и внутренняго управления города Ташкента и всей области, то политическаго учреждения уних никакого нет. Жители градские и вообще весь народ разделения на достоинства не имеют, и все водинакой степени. Писмоводство в делах гражданских и политических им не известно⁸. Два чи-

⁸ Оценка государственного устройства Ташкентского владения, естественно, дается Телятниковым с точки зрения российского чиновника, сопоставляющего местные порядки с устройством централизованного

новника имянуемая Казы, и дуанбек, искоих перьвой судит брачныи и другия спорныя дела, второй между жителями разбирает мелкия ссоры, он же смотрит изаторгом, есть еще у них чиновник Рейс, что значит полицейскаго, сей смотрит за весами и мерами дабы при продаже и покупке обманов не было, протчия же уголовныя дела, воровство, смертно убивство, пропуск за границу пороха свинца и ружей судит сам хан и преступников наказывают смертию. Четверо истарейших градских составляют Ханской совет, скоими он как онародных, так и овоинских делах советует, переписки сокрестными владетельми он не имеет а сносится обовсем словесно. 14-е путь к Ташкенту от наших границ чрез Киргис-кайсацкую степь и чрез город Туркестант, от тамошних жителей почитается самоближайшей и изобильной водами на Семиполатную крепость разстоянием восмадцать дней езды, гористых мест немного, большая часть степью, куда можно проходить и с телегами.

15-е Принадлежателно до проезда нашим вто владение и оттол их к нам купцам иоботправлении коммерции то пока кочующих в степи Киргис кайсаков своевольство неистребится, потоль проследование торговых корованов в оба пути без прикрытия воинской команды подвержено должно быть опасности; ибо начальствующия над волостями киргисские Султаны при проезде корована, а особливо Ташкентскаго, подпредюгом как будтобы принадлежашей им пошлины, делают чрез подвластных Киргизцов совершенныя грабительства. Напротив же сего когда бы случилось с нашей стороны быть при караване воинскому конвою, хотя от тридцати до пятидесяти человек нарочно-отряженным а особливо ежели и торговыя люди запасутся вооружением, то б наглость киргиская могла отдалится.

16-е На тракте к Ташкенту от Иртыша Киргис-Кайсатской средней орды кочевья имеют нижеследующия волости: 1-я Бурнайманская под заведыванием Досон-Султана, имеет свое кочевье летом и зимою близ реки Иртыша 2-я Тобуклинская в коей почитается начальствующим Ток Султан, кочует оная летом по речке Тюндуку а зимует при горе Дегелень 3-я Алтайская при тогум Султане, кочевье летом имеет по речкам Нуре и Уленде, а зимует при горе Баян Улу, 4-я Дюртоульская — 5-я Чанчар — 6-я Байбирю, 7-я Чор, 8-я Каракисек, 9-я Карсан, 10-я Кирней, 11-я Ялчин, и все вообще они называются еще и каракисетские, состоят подзаведыванием Букей Султана, летом, кочевья имеют по

государственного аппарата России, находящейся на более высоком уровне развития. — Э. Х.

речкам Нуре и вершинам Ишимским, зимуют же в каменных горах Эдрее, Ку-Кент, Казальках икаркалах, 12-я Карпу в заведывании Худай менды Султана, летом кочевье имеет по речке Сара-сул, а зимует приурочище Ак Тау, 13-я Тамайская под заведыванием Шигай Султана, кочевье имеет летом вниз вышеписанной речки Сарасул а зимует между оною и речкоюж Чуем. Здесь сканчивается кочевье средней орды а начинается большая орда, которой волости: 1-я Кутунчи, 2-я Багыс, конратские предсим состояли подвладением Юнус Хана но ныне оными управляют Ишим и Булат Ханы из рода Киргискаго, кочевье сии волости летом и зимою имеют посо сторону гор Кара тау, 3-я Юсун, 4-ая Сара, 5-я Сиргели Юсунские, кои хотя и подвластными щитаются Юнус Хану, однакож имеют и природнаго своего Хана Таукой имянуемого, кочуют сии волости летом и зимой близ урочища Алатау, 6-я Чанчалинская подвластная вышеписанному Юнус Хану, и кочевье свое имеет около Ташкента.

17-е в прилежащих же к Ташкенту горах кроме железных, медных и свинцовых руд, других никаких незапримечено да и те от неискства обитателей остаются в недрах земных без обрабатывания, по положениюж мест во внутренность лежащего хребта, хотя изамечается что должно быть золотым и серебряным рудам, однакож вразсуждении встретившагося препятствия от жителей действительно обних узнать было невозможно. Чтож касается до разглашенного тамошними обитателями изобилия в золотой песошной руде, то по показанию одного оказалось ништо иное как Эйзенрам.

18-е вовремяж пребывания нашего в Ташкенте чрез разведывании известно, что золото содержащая гора имеется близ города Хисара разстоянием от Ташкента двадцать да от сего четыре всего двадцать четыре дни езды, близ того города из гор истекает река Куляп имянуемая, которая впадает в Аму Дарью, а сия в Аральское море и с берегов той Куляп реки жители Хисарские в песке получают золото, которое промывают и сколько искусство их достигает сплавливают и приезжающим купцам оно продают а иногда вывозят сами в Бухарию.

С подлинным свидетельствовал
Генерал Лейтенант Штрайдман

Сентября 20-го дня
1797 года
Креп. Омская».

АВПР, ф. Ташкентские дела, оп. 132/1, 1796—1797 гг., д. 1, л. 8—10.

Э. Ходжиев

СЕМИНАР, ПОСВЯЩЕННЫЙ ДРУЖБЕ НАРОДОВ

С 10 по 15 апреля 1961 г. в Ташкенте проходил межреспубликанский семинар-совещание на тему: «Дружба народов и социалистический интернационализм — великая сила в борьбе за построение коммунизма».

Семинар-совещание был организован Всесоюзным обществом по распространению политических и научных знаний и Институтом истории АН СССР совместно с Правлением Обществ по распространению политических и научных знаний Киргизской, Таджикской, Туркменской и Узбекской ССР.

В работе семинара приняли участие крупные ученые Москвы и среднеазиатских республик, лектора, пропагандисты, советские и партийные работники, а также гости из Казахстана и Украины.

Семинар-совещание открыл вступительной речью Первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов. От имени ЦК КПУз, Совета Министров и Президиума Верховного Совета УзССР он горячо приветствовал участников семинара и пожелал им больших успехов в их почетной и благородной работе.

На первом занятии семинара с лекцией «Воспитание трудящихся в духе дружбы народов и социалистического интернационализма» выступила секретарь ЦК КП Узбекистана З. Р. Рахимбабаева.

Участники семинара прослушали 20 докладов и сообщений, посвященных великой дружбе народов и социалистическому интернационализму.

Доктор ист. наук проф. Б. Ф. Поршнев (Москва) прочел лекцию «Историческое развитие идеи пролетарского интернационализма». Сотрудник Института истории АН СССР канд. ист. наук М. И. Михайлов (Москва) выступил с лекцией «Коммунистические партии в борьбе за торжество принципов пролетарского интернационализма». Доктор экон. наук И. П. Дворкин (Москва) рассказал в своей лекции об идеологическом и политическом банкротстве современного ревизионизма.

Большое место в выступлениях участников семинара заняло освещение роли великого русского народа в исторических судьбах народов Средней Азии, а также

вопрос об особенностях их перехода к социализму. Этим вопросам были специально посвящены выступления канд. ист. наук М. Языковой (Ашхабад) и доктора экон. наук О. Б. Джамалова (Ташкент).

Международное значение опыта строительства социализма и коммунизма в республиках Советского Востока осветил в своем докладе доктор филос. наук проф. М. С. Джунусов (Фрунзе).

На специальном заседании семинара по теме «Экономическое развитие и братская взаимопомощь советских республик Средней Азии в строительстве коммунизма» были заслушаны сообщения доктора экон. наук К. Н. Бедринцева (Ташкент), канд. экон. наук М. Р. Рыскулбекова (Фрунзе) и канд. геогр. наук В. В. Сироткина (Ашхабад).

Другое специальное заседание семинар-совещания было посвящено теме: «Расцвет социалистической культуры народов советских республик Средней Азии — торжество ленинской национальной политики». Перед участниками семинара выступили Министр культуры Узбекской ССР С. М. Мухамедов, заместитель министра культуры Туркменской ССР Р. Аннакулиева, канд. ист. наук И. А. Абидов (Сталинабад), вице-президент АН КиргССР доктор филос. наук А. А. Алтымышбаев.

С большим интересом участники семинара прослушали лекцию научного сотрудника Института Африки АН СССР канд. ист. наук А. Б. Давидсона «Народы Африки в борьбе за освобождение», лекцию канд. ист. наук Г. А. Хидоятова (Ташкент) «Против буржуазной фальсификации истории народов советских республик Средней Азии», а также лекцию о международном положении, прочитанную лектором ЦК КПСС В. Д. Грановым.

Большое место в работе семинар-совещания занял обмен опытом пропаганды дружбы народов и социалистического интернационализма, проводимой различными организациями Общества. По этому вопросу выступило свыше 30 человек.

Для участников семинара были организованы экскурсии на Ташкентский атомный реактор, по достопримечательным мес-

там и музеям города. Крупные ученые Москвы и среднеазиатских республик выступили с лекциями перед трудящимися Ташкента и Ташкентской области.

Участники семинара-совещания бурной овацей встретили сообщения о запуске и успешном возвращении на землю космического корабля «Восток», на борту которого находился гражданин Союза ССР майор Ю. А. Гагарин — первый в мире летчик-космонавт.

Ярким, волнующим проявлением дружбы народов стала встреча участников семинара с посланцами четырех континентов — профсоюзными деятелями стран Азии, Африки, Латинской Америки и Европы, собравшимися на свой семинар в Ташкенте. Встречу открыл вице-президент АН УзССР И. М. Муминов.

На встрече выступили заместитель председателя Правления Узбекского общества по распространению политических и научных знаний канд. ист. наук К. Фазылходжаев, заместитель министра культуры ТуркмССР Р. Аннакулиева, доктор филос. наук А. Алтмышбаев (Киргизия), член-корр. АН ТаджССР С. Табаров.

Участники встречи с большим вниманием заслушали выступления профессора Мирутского колледжа (Индия) Хар Говинд Панта, профсоюзного деятеля Ганы Габриеля Атичогбуи, бразильского профсоюзного деятеля Антонио Перейра да Сильва, представителя ВКТ Франции Поля Лемера, секретаря национального союза трудящихся Мали Б. Диалло, а также представителя Всемирной федерации профсоюзов заместителя директора международного семинара Марио Росси.

Эта встреча еще раз продемонстрировала стремление всех людей доброй воли жить в мире и дружбе со всеми народами, способствовать развитию культуры и прогресса во всем мире.

15 апреля состоялось закрытие Межреспубликанского семинара-совещания. Выступившая с заключительным словом секретарь ЦК КПУз З. Р. Рахимбабаева отметила, что работа семинара явится хорошим вкладом в дело дальнейшего укрепления братской дружбы народов Советского Союза.

Л. М. Транис

НАУЧНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ МУЗЕЯ ИСТОРИИ В ЧИРЧИК

В марте 1961 г. Музей истории АН УзССР организовал научную экспедицию в г. Чирчик, трудящиеся которого первыми в республике стали бороться за то, чтобы их город стал городом коммунистического труда и высокой культуры. Экспедиция должна была собрать документальный материал об этом славном подвиге.

Участники экспедиции побывали на многих предприятиях и в общественных организациях г. Чирчика и собрали свыше 170 документов, фотографий и других материалов. Особый интерес представляют социалистические обязательства коллективов Чирчикского электрохимкомбината им. И. В. Сталина, «Узбекхиммаша», «Чирчиксельмаша», «Электромаша» и т. д.

От членов бригады коммунистического труда завода «Узбекхиммаш», которую возглавляет коммунист Тураб Туманов, получены образцы продукции, карточки личного учета, бригадный выпел. Зачинательница движения за коммунистический труд на ЧЭХК Зоя Ширшикова передала в дар Музею групповую фотографию участников Всесоюзного совещания ударников и бригад коммунистического труда, проходившего в Москве в мае 1960 г.

Собран интересный материал о жизни и труде комсомольцев и молодежи Чирчика. Это — рапорта комсомольских организаций промышленных предприятий первому городскому слету передовиков производства (февраль 1961 г.); решение собрания

комсомольского актива завода «Чирчиксельмаш» о взятии повышенных обязательств по досрочному выполнению заказов для сельского хозяйства; мандат участника Всесоюзного совещания молодых строителей в Москве — секретаря комсомольского комитета «Чирчикстроя» Генриха Щербакова и т. д.

Все это ярко свидетельствует о небывалом трудовом подъеме трудящихся города, стремящихся внести достойный вклад в успешное выполнение семилетнего плана и встретить XXII съезд КПСС новыми трудовыми успехами.

Черты коммунистического завтра уже сейчас проявляются в казало бы будничной жизни города. Они нашли свое отражение во многих материалах, собранных экспедицией. Таковы, например, фотография здания кинотеатра им. Навои, перешедшего с октября 1960 г. на работу без контролеров; материалы о центральной библиотеке города, первой в республике открывшей читателям свободный доступ к книжным фондам; материалы о деятельности народного театра при Дворце химиков, снискавшего большую популярность у трудящихся города, и т. д.

Полученные экспедицией материалы будут представлены в экспозиции Музея, посвященной XXII съезду КПСС.

Ю. Гласс, Б. Джаббаров

О РАБОТЕ НАУЧНОГО КРУЖКА ПРИ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ТАШГУ

При Фундаментальной библиотеке ТашГУ седьмой год работает научный кружок по истории изучения Средней Азии. Кружок объединяет историков, краеведов и библиографов ряда научных учреждений и библиотек г. Ташкента.

Всего проведено 42 заседания кружка, из них в 1960 г. состоялось 11 заседаний, на которых было заслушано 13 докладов и сообщений. С докладами выступали востоковед Ю. Н. Завадовский, доц. Н. П. Кременцов, доц. Ю. А. Соколов, доц. Г. Н. Чабров, ученый секретарь Музея искусств Узбекистана С. М. Круковская, географ Р. Л. Югай, археолог Г. В. Парфенов и др.

Заслуженный учитель Узбекистана канд. пед. наук Н. П. Архангельский подробно осветил краеведческую работу Туркестанского землячества в Петербурге, объединявшего до 500 студентов-туркестанцев.

Доц. Ю. А. Соколов посвятил свой доклад ранее не известному в литературе путешествию в Ташкент казачьего офицера Т. Бурнашева и А. Безносикова (1795—1796 гг.). Старейший омский историк-краевед Н. В. Горбань рассказал о материалах Омского исторического архива, представляющих интерес для историков Средней Азии.

Географ Р. Л. Югай и археолог Г. В. Парфенов познакомили кружковцев с фотокопиями карт XVIII в., обнаруженных

Р. Л. Югаем в московских архивах, и дали им археолого-географическую оценку.

Профессор-антрополог Л. В. Ошанин и канд. ист. наук Б. В. Лунин рассказали кружковцам много нового и интересного о прогрессивном «Хомутовском» кружке и его основателях — супругах П. И. и Е. Л. Хомутовых.

В 1961 г. состоялось уже 4 заседания кружка. Последнее из них было проведено 13 апреля 1961 г. На этом заседании доц. Ю. А. Соколов рассказал о биографии Тимофея Бурнашева, посещавшего Ташкент в конце XVIII в. (по материалам Алтайского музея). Краевед Н. В. Горбань, основываясь на материалах Омского архива, сделал сообщение — «Показания пленного С. Калинина о Ташкенте 1782 г.» (о политическом и экономическом положении Ташкентского владения). Интересно отметить, что, по словам С. Калинина, среди русских пленных в Ташкенте в то время ходила легенда о том, будто бы Емельяну Пугачеву удалось бежать из царской темницы и укрыться в Ташкентском владении.

Оценивая общие итоги деятельности кружка, надо сказать, что его работа позволяет расширить и обогатить наши представления по истории изучения природы, жизни и быта народов Средней Азии.

Г. Н. Чабров

КОРОТКО О НОВЫХ КНИГАХ

В 1961 вышла в свет книга доктора ист. наук М. Г. Пикулина «Развитие национальной экономики и культуры Афганистана, 1955—1960» (Ташкент, Изд-во АН УзССР, 152 стр.). В книге характеризуется состояние экономики и культуры современного Афганистана. Большое внимание уделяется первому пятилетнему плану развития страны. Особая глава посвящена укреплению дружественных отношений между Афганистаном и Советским Союзом.

* *
*

Издательство АН УзССР выпустило в 1961 г. сборник «История материальной культуры Узбекистана» (вып. 2, 324 стр.). Сборник включает 22 статьи по археологии и этнографии Узбекистана.

* *
*

В 1961 г. Издательство АН УзССР опубликовало книгу канд. ист. наук М. Абдураимова — «Вопросы феодального землевладения и феодальной ренты в письмах эмира Хайдара, Опыт краткого исследования источника» (112 стр.). В книге освещаются феодальные отношения в Бухаре первой четверти XIX в. В приложении даются в русском переводе тексты около 100 писем и ярлыков эмира Хайдара (1800—1826).

* *
*

Издательство АН УзССР выпустило в 1960 г. книгу Х. Абдусаматова — «Некоторые проблемы узбекской советской сатиры» (на узб. яз., 196 стр.). Книга посвящена вопросам становления и развития сатирического жанра в творчестве узбекских советских писателей. Особое внимание уделяется проблемам типичности сатирического образа, конфликта в сатирическом произведении.

* *
*

В 1960 г. ГИХЛ УзССР издал двухтомник «Хамза» на узб. яз. (т. 1, 284 стр.; т. 2, 331 стр.). Это — наиболее полный из всех изданных сборников произведений Хамзы. В начале 1-го тома помещена вступительная статья Ю. Султанова о жизни и творчестве Хамзы. Оба тома имеют пояснительные тексты.

* *
*

В 1961 г. издан «Сборник статей о Хамзе Хаким-заде Ниязи» (на узб. яз., составитель Г. Муминов, Ташкент, ГИХЛ УзССР, 226 стр.). В сборнике подробно анализируются поэтическое творчество Хамзы, его эстетические воззрения, вопросы социалистического реализма в творчестве Хамзы и т. д. В книгу вошли также ранее не известные архивные материалы о Хамзе.

* *
*

Издательство АН УзССР выпустило в 1961 г. книгу узбекского поэта Нодира (жившего в Коканде в первой половине XIX в.). — «Хафт гулшан», т. е. «Семь цветников» (на узб. яз., 214 стр.). Это единственное из дошедших до нас произведений поэта состоит из семи поэм, посвященных известной поэтессе Нодире. Книга публикуется в серии «Памятники истории узбекской литературы».

* *
*

В 1961 г. вышла в свет монография А. Абдугафурова — «Сатира в узбекской демократической литературе» (на узб. яз., Ташкент, Изд-во АН УзССР, 235 стр.). В книге всесторонне анализируется творчество поэтов-сатириков XIX в. — Муками, Завки и др.

МУНДАРИЖА

И. Искандаров. Пахта тозалаш саноати хом ашё базасини яхшилашнинг баъзи бир масалалари	3
А. Р. Раҳимов. Гражданлар уруши йилларида Туркистонда озик-овқат масаласи тарихидан (синфий улушни жорий қилиш)	9
И. Ҳошимов. Рабиндранат Тагор асарлари ўзбек тилида (Тагор туғилган куннинг 100 йиллигига бағишланади)	16
М. Қодиров. Ўзбек халқ оғзаки драмасининг сатирик кучи	22
Б. Аҳмедов. Қирғизистоннинг XV аср сиёсий тарихини ўрганишга доир	29
М. А. Батунский. Империализм давридаги Ғарбий Европа исломшунослигининг баъзи бир хусусиятлари ҳақида	35

Илмий ахборот

А. М. Матвеев. Туркистонда дастлабки Совет Биринчи Май байрами	42
М. Қосимова. «Ташсельмаш» заводи қурилишининг 30 йиллигига доир	
Т. М. Орипов. Биринчи беш йиллик арафасида ва шу беш йиллик даврида ЎзССР қишлоқ Советларини мустақамлаш учун кураш тарихидан	44
А. В. Гудкова, В. Н. Ягодин. Тўқ қалъа шаҳарчасида 1959 йилдаги археологик тадқиқот	49

291.

Танқид ва библиография

С. У. Тотибоев, Г. Р. Рашидов. Совет Қорақалпоғистон тарихига доир янги асар	59
М. Яукачева. Ҳозирги замон Эронининг прогрессив шоири ҳақидаги китоб.	61

Архив саҳифаларида

Э. Ҳожиев. Тошкент тарихига оид муҳим манба	63
---	----

Хроника

Л. М. Транс. Халқлар дўстлигига бағишланган семинар	66
Ю. Гласс, Б. Жабборов. Тарих музейининг Чирчиққа илмий экспедицияси	67
Г. Н. Чабров. ТошГУ Асосий библиотекаси қошидаги илмий кружокнинг иши ҳақида	68
Янги китоблар ҳақида қисқа маълумот	69

ОГЛАВЛЕНИЕ

И. Искандеров. Некоторые вопросы улучшения сырьевой базы хлопкоочистительной промышленности	3
А. Р. Рахимов. Из истории продовольственного вопроса в Туркестане в годы гражданской войны (Введение классового пайка)	9
И. Хашимов. Произведения Рабиндраната Тагора на узбекском языке (К 100-летию со дня рождения Р. Тагора)	16
М. Кадыров. Сатира в устной узбекской народной драме	22
Б. Ахмедов. К изучению политической истории Киргизии XV века	29
М. А. Батунский. О некоторых чертах западноевропейского исламоведения периода империализма	35

Научные сообщения

А. М. Матвеев. Первый Советский Первомай в Туркестане	42
М. Касымова. К 30-летию строительства завода «Ташсельмаш»	44
Т. М. Арипов. Из истории борьбы за укрепление сельских Советов в УзССР накануне и в период первой пятилетки	46
А. В. Гудкова, В. Н. Ягодина. Археологические исследования на городище Ток-кала в 1959 году	49

Критика и библиография

С. У. Татыбаев, Г. Р. Рашидов. Новый труд по истории Советской Каракалпакии	59
М. Яукачева. Книга о прогрессивном поэте современного Ирана	61

По страницам архивов

Э. Ходжиев. Важный источник по истории Ташкента	63
---	----

Хроника

Л. М. Гранис. Семинар, посвященный дружбе народов	66
Ю. Гласс, Б. Джаббаров. Научная экспедиция Музея истории в Чирчик	67
Г. Н. Чабров. О работе научного кружка при Фундаментальной библиотеке ТашГУ	68
Коротко о новых книгах	69

Технический редактор *Х. У. Карабаева*
Корректор *В. Ф. Улан*

Р04224. Сдано в набор 5/V-61 г. Подписано к печати 6/VI-61 г. Бумага 70×108 ¹/₁₆ = 2,25 бум. л. 6,17 печат. л. Изд. л. 6,4. Изд. № 256/61. Тираж 1160. Цена 40 к.

Типография Издательства АН УзССР, Ташкент, Хорезмская, 9. Заказ 527
Адрес Издательства: ул. Куйбышева, 15.

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

Продолжается подписка на ежемесячный журнал «Общественные науки в Узбекистане» на второе полугодие 1961 г.

Подписная цена на 6 месяцев — 2 р. 40 к.

Подписка принимается всеми отделениями «Союзпечати», отделениями и агентствами связи, а также пунктами приема подписки и общественными уполномоченными «Союзпечати» на промышленных предприятиях, в научно-исследовательских институтах, учебных заведениях и учреждениях.

В случае затруднений в оформлении подписки на местах заявку можно направить по адресу: гор. Ташкент, ул. Карла Маркса, 25, Городской отдел «Союзпечати».

Цена 40 к.